

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

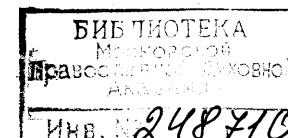
*Архивному
Верейскому
Еврейскому
в знак глубокого уважения
от автора В.А. Овчинникова
24.11.04*

200-летию Томской губернии
и 170-летию Томской епархии
Русской Православной Церкви
посвящается

В. А. Овчинников

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ И ЖЕНСКИЕ ОБЩИНЫ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Печатается с благословения
архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого
СОФРОНИЯ

Кемерово
Кузбассвуиздат
2004

УДК 947 + 27 (571.1)
ББК Э372.24-3я73
О35

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Кемеровского государственного университета*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Н. М. Дмитриенко**
(Томский государственный университет);

доктор исторических наук, профессор **А. Н. Садовой**
(Кемеровский государственный университет)

Под редакцией:

зав. кафедрой отечественной истории Кемеровского
государственного университета, канд. ист. наук, доцента **В. А. Волчека**,

начальника архивного управления Кемеровской области,
канд. ист. наук, доцента **В. А. Сергиенко**

Овчинников В. А.

О35 Православные монастыри и женские общины Томской епархии
во второй половине XIX – начале XX вв. – Кемерово: Кузбассвуиздат,
2004. – 255 с., ил.

ISBN 5-202-00682-9.

Монография посвящена малоизученной в историографии проблеме – социально-карикативной деятельности православных монастырей и женских общин Томской епархии, занимавшей важное место в процессе развития юга Западной Сибири, формировании социокультурных характеристик региона. Предназначена для исследователей истории сибирских монашеских обителей, студентов и всех интересующихся историей Русской Православной Церкви в Сибири.

ББК Э372.24-3я7

ISBN 5-202-00682-9

© Овчинников В. А., 2004
© Издательство «Кузбассвуиздат», 2004

Уважаемые томичи!

От имени кузбассовцев искренне и сердечно поздравляю вас с 400-летним юбилеем. За это время немало славных и достойных страниц было вписано в летопись города. Среди них – история Томской епархии. Она насчитывает более 170 лет.

Разные периоды были в ее жизни: и период расцвета, и времена несправедливых гонений, и вновь возрождение. Менялись названия, служители, однако оставалось главное – выполнение важнейшей гуманистической миссии. Церковь испокон веков дает людям надежду, помогает в горе, зарождает веру в добро. И сегодня священнослужители Русской Православной Церкви бескорыстно поддерживают наших земляков в трудное время их жизни: в хосписах, домах инвалидов и исправительно-трудовых учреждениях.

В наши дни во всех городах России строятся, восстанавливаются, реконструируются десятки православных храмов, церквей, часовен. Хочу особо отметить, что за свою многовековую историю в Томской области созданы и сохранены многие уникальные храмы, монастыри, действуют духовные учебные заведения. Считаю, это и впредь будет способствовать возрождению истинно христианских ценностей.

Желаю Добра, Здоровья, Благополучия. Пусть лучшие человеческие качества – отзывчивость, сердечность – никогда не изменяют вам.

С уважением,
Губернатор
Кемеровской области

А. Тулеев

ВВЕДЕНИЕ

Дорогие томичи!

Примите искренние поздравления по случаю 170-летия Томской епархии.

История Томской области и Томской епархии тесно связана с историей Кузбасса. Когда-то современный Кузбасс входил в состав Томской губернии, а его православные храмы были структурным подразделением Томской духовной консистории.

Томская область и Томская епархия на протяжении всей своей истории являли собой истинную кладезь сибирской духовности и культуры. На высоте и богатстве этих традиций возростала и крепла кузбасская духовность.

Ушедший в историю XX век соединял и разъединял нас, оскудевали и рушились наши храмы, но духовная связь между Кузбассом и Томской областью осталась незыблемой.

И мне в своем архипастырском служении довелось соприкоснуться с церковным строительством на Томской земле, когда в 1991 году Святейшим Патриархом Алексием II я был поставлен в сан епископа с титулом Томский, викарий Новосибирской епархии.

От всего сердца поздравляю вас, дорогие, сорадуюсь вашим успехам в деле возрождения нашей драгоценной отеческой веры.

+ *Софроний*

С уважением
(Софроний),
Архиепископ Кемеровский и Новокузнецкий

Русская Православная Церковь оказала огромное влияние на социально-экономическое, политическое и духовное развитие российского общества и государства. Века православная вера служила одной из основных отличительных черт русской нации, являясь важнейшим фактором ее сохранения и прогрессирования. С 90-х годов XX в. Русская Православная Церковь стала рассматриваться государством, некоторыми политическими объединениями, частью общества как интегрирующая сила, способная сохранить духовную преемственность и единство народа.

В рамках регионального моделирования рассмотрение Русской Православной Церкви как значимой части социокультурной среды региона, важного фактора духовного и культурного развития общественной жизни актуально для Сибири, т.к. православие века составляло основу осознания и сохранения религиозно-этнического единства русского народа в условиях расширения территории России и превращения ее в многонациональную империю¹. Деятельность Русской Православной Церкви составляла важную часть процесса унификации управления, интеграции всех этносов в единую российскую нацию — стратегических направлений нового курса центрального правительства в национальной политике с 60-х гг. XIX в.

Важную роль в этом процессе играли православные монастыри, активизация деятельности которых во второй половине XIX — начале XX в. стала отражением изменений государственной политики в отношении Сибири. По нашему мнению, для развития региона, формирования его социокультурных характеристик большое значение имела просветительско-культурная и миссионерская деятельность обитателей. Во многих трудах, посвященных освоению Сибири, различным сторонам деятельности Церкви содержится оценка важной роли сибирских монастырей в распространении грамотности, развитии культуры, хозяйственном освоении

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XIX — начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 25; Волчек В. А. Русская Православная Церковь как фактор сохранения нации // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона: тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции. Кемерово, 1996. С. 5—8.

новых земель. Но и в настоящее время социокультурное и хозяйственное влияние монастырей на развитие юга Западной Сибири является малоизученной областью сибирской историографии. До сих пор изучение деятельности монашеских обителей Томской епархии как просветительско-культурных центров не являлось предметом исследования.

Дореволюционная историография XIX – начала XX в. уделяла значительное внимание освещению деятельности российских монастырей, архиерейских домов, общин. Изучение истории Церкви являлось прерогативой церковных авторов, их труды занимали главенствующее положение в историографии Русской Православной Церкви. Светские исследователи затрагивали отдельные аспекты ее истории в силу необходимости при написании работ по гражданской истории. Все работы этого периода, исходя из проблемно-хронологического принципа, можно сгруппировать по следующим направлениям:

1) труды по общей истории Русской Православной Церкви. Их анализ важен при определении основных тенденций развития Церкви в интересующий нас период, сравнении места и роли православных обителей на разных этапах российской истории, выявлении общих и специфических характеристик, связанных с территориально-временными рамками;

2) работы, посвященные отдельным проблемам истории Русской Православной Церкви (история и значение иерархии, вопросы управления и территориального деления, хозяйственная деятельность) и исследования по истории православных монастырей и общин в Российской империи;

3) труды по истории Церкви и православных обителей Западной Сибири. Изучение этого блока позволяет выявить особенности формирования и исторического развития сибирских структур Русской Православной Церкви, динамику количественного и качественного роста монастырей, специфику их деятельности в различных территориально-временных условиях;

4) исследования, посвященные истории Сибири, в которых дается оценка роли и места Русской Православной Церкви в процессе освоения Сибири, показано значение монастырской колонизации.

Дореволюционным трудам общего характера по истории Русской Православной Церкви, несмотря на неравнозначность и отличия, присущи следующие характерные черты: 1) практически все они принадлежат перу историков официально-церковного направления; 2) их отличает некоторая описательность и идеализация деятельности Русской Православной Церкви; 3) в работах присутствует огромный фактический материал, поставлены проблемы периодизации, места православия в истории государства и жизни народа, анализа источников и методики исследования.

Хотя церковные историки подходили к оценке исторических фактов с определенных философских и методологических позиций, эти исследования и в настоящее время имеют научную ценность¹.

Для второй половины XIX – начала XX вв., времени поиска и попыток обновления, характерно увеличение работ, посвященных отдельным аспектам истории Русской Православной Церкви². Они отличаются тщательным анализом изучаемых явлений с целью выявления недостатков и показа пути их ликвидации, большей или меньшей степенью критичности. Для трудов официально-церковного направления свойственна склонность к преимущественному использованию методов статистического анализа для выявления основных тенденций и результатов развития Церкви.

Обоснованием преувеличения значения статистического материала служил тезис о том, что выводы, сделанные с помощью математических расчетов, более доказательны, чем словесные рассуждения³.

На основе отчетов обер-прокуроров по ведомству православного исповедания, официальных и частных статистических изданий магистр богословия И. Преображенский проследил динамику развития обителей по епархиям, отмечая значительное увеличение числа монашествующих, послушников и послушниц с 1840 по 1890 гг. Автор предполагал не абсолютную точность материала, но допускал возможность сравнительного обзора состояния церкви за рассматриваемый период. Рассматривая умножение числа иноческих обителей как следствие оживления религиозных начал в обществе, он отмечает преимущественное возрастание числа женских монастырей и общин по сравнению с мужскими и подчеркивает усиление их благотворительной деятельности.

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 2. М., 1917; Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1907; Знаменский П. В. История русской церкви. М., 2000; Макарий, митрополит. История русской церкви в 12 томах. СПб., 1881–1890; Филарет, архиепископ. История Русской церкви. Т. 1–5. Чернигов, 1862; История Православной Церкви в XIX веке. Славянские церкви. Репринт изд. 1901 года. Сергиев Посад, 1998.

² Дурново Н. Н. Десяностолетие русской иерархии (988–1888). Епархии и архиереи. М., 1888; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.

³ Григорович Н. Обзор учреждений в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869). СПб., 1869; Зверинский В. В. Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 18. СПб., 1887; Он же. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. 1–3. СПб., 1890–1897; Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900; Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. Т. 2. Казань, 1913; Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91. СПб., 1897; История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского. Ч. 1–2. М., 1881.

В работах В. В. Зверинского выделены особенности монастырей Азиатской части России, отмечены причины появления женских общин в конце XVIII — начале XIX в. как нового типа религиозной организации. Оценивая монастыри как духовно-нравственные и просветительские центры, он поднимает вопрос о необходимости изучения их роли и места в деле колонизации и «ассимиляции» инородцев.

Исследования Д. И. Ростиславова, В. Кильчевского рассматривают экономические аспекты истории Русской Православной Церкви и относятся к церковно-либеральному обновленческому направлению в историографии Церкви¹.

Истории формирования земельных владений, категориям феодально-зависимых крестьян и последствиям политики секуляризации посвящены исследования В. И. Семевского, протоиерея М. И. Горчакова². Государственная регламентация жизни монашества стала предметом исследования В. Ивановского³. Истории возрождения православного монашества в Северо-Восточной России в XIV–XVI вв. посвящен труд диакона М. Кудрявцева⁴. В исследованиях первой группы, освещающих общую историю Русской Православной Церкви, либо отдельные стороны развития Церкви в масштабах Российской империи и, как правило, охватывающих временной отрезок не позднее XVIII–XIX столетий, сведения по истории сибирских монастырей крайне фрагментарны.

Для трудов историков официально-церковного направления по истории Церкви в Сибири характерно отражение лишь внешнего хода событий, возвеличивание роли архиереев в укреплении православия в Сибири, подчеркивание только положительного значения деятельности Русской Православной Церкви в развитии региона⁵. Преобладающая часть

¹ Кильчевский В. Богатство и доходы духовенства. СПб., 1908; Ростиславов Д. И. Опыт исследования о имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

² Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.). СПб., 1871; Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1–II. СПб., 1901–1903; Он же. Крестьяне духовных вотчин во 2-й половине XVIII в. // Русская мысль. 1882. Кн. 9–10.

³ Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашества существующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905.

⁴ История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преп. Сергия Радонежского. М., 1999. 276 с. Печатается по изд. М., 1881. Сост. диакон Матфей Кудрявцев.

⁵ Баранов В. С. Летопись Верхотурского Никольского мужского монастыря. Нижний Новгород, 1910; Варлаков Г. Заметка к описанию Тобольского Знаменского монастыря // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 27; Головин П. Кондинский Троицкий монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 1–6, неофициальная часть; Грамматин П.

работ, посвященная сибирским обителям, описательного плана с превалированием историко-культурных характеристик. Заметный след в сибирской историографии оставил профессор Харьковского университета П. Н. Буцинский, который в своих работах рассмотрел вопросы землевладения Тобольского архиерейского дома и монастырей в начальный период истории Тобольской епархии.¹ В целом он дал позитивную оценку роли монастырей в колонизации Сибири, усматривая главное значение Церкви в христианском просвещении и создании нравственной основы в «безбожном» крае. Несколько очерков по истории монастырей региона принадлежат перу известного сибирского краеведа Н.А. Абрамова².

Наиболее интересны для нас исследования миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Сибири и работы, посвященные Алтайской духовной миссии, содержащие богатый фактический материал о монастырях и общинах миссии³.

История «старинных» монастырей Томской епархии являлась предметом исследования профессора Томского университета, магистра богословия Д.Н. Беликова⁴. Его работы отличает использование большого массива источников из архивов Томского Алексеевского монастыря и Томской духовной консистории, высокий уровень анализа и строгая

Тобольский Знаменский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 3, 4; Мисюров А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск, 1897; Плотников Г. С. Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906; Сулоцкий А. И. Тобольская епархия. Омск, 1892; Он же. Викарство Тобольской епархии новое и древнее, выделение из нее новых епархий. Омск, 1871; Он же. Тобольские и Томские архиереи. Омск, 1881; Он же. Заметки к описанию Тобольского Знаменского монастыря // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 27.

¹ Буцинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан // Вера и разум. 1890. № 21, 23; Он же. Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим // Вера и разум. 1891. № 7, 10; Он же. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

² Абрамов Н. А. Абалакский Знаменский монастырь // Тобольские губернские ведомости. 1865. № 43–44; Он же. Туринский Николаевский монастырь // Тобольские губернские ведомости. 1865. № 45; Он же. Тюменский Троицкий монастырь // Странник. 1866. № 45.

³ Вербицкий В. И. Очерк деятельности Алтайской духовной миссии по случаю 50-летия ее юбилея (1830–1880) // Памятная книжка Томской губернии 1885 г. Томск, 1885; Воронец Е. Н. Православная миссия в Сибири и отношение к ней гражданского правительства // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. М., 1887. Январь. Год XXV. Отд. I, С. 101–128; Догуревич Т. А. Распространение христианства в Сибири. СПб., 1897; Нестор (иеромонах). Православие в Сибири. СПб., 1910; Смирнов Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния православной миссии. СПб., 1904; Солодчин И. В. Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 37–45; Сумароков П. Миссионерство в Сибири // Христианские чтения. 1883. С. 411–435, 561–595.

⁴ Беликов Д. Н. Старинные монастыри томского края. Томск, 1898; Он же. Томские старинные духовные начальники (казачики). Томск, 1906.

методика работы с источником. Выдвигая собственную концепцию освоения Сибири, главную роль он отводил государству, действующему в союзе с Церковью. На эти силы были возложены основные надежды в изменении образа жизни сибиряков путем просветительской деятельности. Детально рассмотрев основание обителей, формирование земельного фонда, способы привлечения крестьян на свои земли, охарактеризовав настоятелей и братию монастырей, он заканчивает свое исследование на временной границе первой четверти XIX в., когда на территории юга Западной Сибири действующим остался лишь один Томский Алексеевский мужской монастырь. Исследования этой группы имеют большое значение для понимания общего хода истории Русской Православной Церкви в Сибири, содержат огромный фактический материал, но не затрагивают историю обителей Томской епархии во второй половине XIX — начале XX в.

Общие труды, посвященные истории Сибири, содержат далеко не равнозначные оценки значения деятельности церкви в освоении и закреплении за Российским государством новых территорий, рассматривая ее с разных мировоззренческих позиций¹.

В дореволюционный период историографии Русской Православной Церкви был разработан ряд периодизаций истории церкви, концепций ее развития, четко определено место в истории России, намечены направления дальнейшего изучения, собрано огромное количество фактического материала. Многие проблемы, поставленные в трудах дореволюционных историков, до сих пор актуальны, а результаты имеют высокую научную ценность. Очень узок круг работ по истории Русской Православной Церкви XIX — начала XX в., т. к. Синодальный период вызывал крайне неоднозначную оценку как у светских, так и у церковных историков. Государственная власть и Русская Православная Церковь не могли допустить критического обсуждения проблем церковной истории и появления различных трактовок периода. Наибольшую опасность целостности официальной концепции истории Церкви представляли работы сторонников церковно-обновленческого направления, хорошо знающих проблемы развития церкви изнутри и ставящих конкретные задачи ее переустройства. Однако большинство церковных историков являлись современниками этого периода и предметом их исследований были более отдаленные во времени периоды деятельности Русской Православной Церкви.

¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862; *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995; *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония. СПб., 1882; *Он же.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

В послереволюционный период идеологические установки преобладали при разработке новой концепции церковной истории. В 20—30-е гг. Церковь рассматривалась как враг пролетарского государства, а позже как рудимент изживаемого прошлого¹. Данные работы не несут серьезной научной нагрузки, в них использован фактический материал, опубликованный дореволюционными исследователями. Они представляют ценность как продукт эпохи, характеризующий отношение советского государства к церкви и процесс создания на идеологической основе официальной трактовки истории церкви в советской историографии.

Работы, вышедшие в 30-е гг., долгие годы оставались единственными исследованиями по истории Церкви в советской историографии². Лишь в 1967 г. появился коллективный труд «Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.). Критические очерки», а в 1975 г. — «Религия и церковь в истории России (советские историки о православной церкви в России)»³. Большое значение в изменении подхода к истории церкви сыграл коллективный труд «Русское православие: веки истории», вышедший в свет на переломном этапе в жизни нашего общества⁴. Для него характерно обращение авторов к дореволюционной историографии и расширение источниковой базы, разработка новых подходов к истории Церкви и признание неоднозначности ее деятельности в различные периоды, понимание тесного переплетения гражданской и церковной истории, стремление очистить от искажений и «обличительной тональности» историю Русской Православной Церкви с марксистских позиций. Ученые признали, что история Церкви остается «одной из наименее разработанных областей советской историографии»⁵. В главе «Землевладение русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI — начало XX в.)» Я. Е. Водарский особое внимание уделил развитию монастырей как важнейшей составляющей экономической деятельности Русской Православной Церкви. На основе анализа количественной динамики и районов размещения монастырей, основных тенденций в развитии монастырского хозяйства и изменений земельного фонда автор разработал периодизацию истории монастырей⁶.

¹ *Буркин Н.* Монастыри в России. Их эксплуататорская и контрреволюционная роль. М., 1931; *Грекулов Е. Ф.* Секуляризация церковных имений в России. М., 1931. Изд. 2-е, доп.; *Он же.* Православная церковь — враг просвещения. М., 1962; *Он же.* Церковь. Самодержавие. Народ. (2-я половина XIX — начало XX в.) М., 1969; *Прошин Г. Г.* Черное воинство (Русский православный монастырь. Легенда и быль). М., 1985.

² *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1988.

³ Церковь в истории России (IX в. — 1917 г.): Критические очерки. М., 1967; Религия и церковь в истории России (советские историки о православной церкви в России): Сб. М., 1975.

⁴ Русское православие: веки истории. М., 1989.

⁵ Русское православие... С. 5.

⁶ *Водарский Я. Е.* Земледелие русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI — XX вв.) // Указ. соч. С. 501—561.

Основными минусами главы являются: давление на автора идеологических догматов и использование данных, характеризующих положение монастырей Российской империи перед 1917 г., имеющих значительную степень погрешности¹.

Несмотря на главенство идеологических установок при исследовании церковной истории, в советский период были намечены новые пути изучения истории Церкви, сделаны попытки более тесно связать ее с гражданской историей, разработаны отдельные проблемы развития Русской Православной Церкви в Синодальный период, по которому до революции практически невозможно было опубликовать научно-критические исследования. Надо отметить, что в советский период труды дореволюционных историков не были полностью включены в научный оборот, обедняя тем самым исследовательскую базу изучения истории церкви, а давление идеологических догматов значительно сузило круг разрабатываемых проблем.

Историю Русской Православной Церкви плодотворно изучали и исследователи, по разным причинам оказавшиеся за границей России. Последний обер-прокурор Синода, профессор Свято-Сергиевского богословского института А. В. Карташев издал в 1959 г. в Париже «Очерки по истории русской церкви», в 90-е годы XX в. переизданные в России несколько раз². Хотя очерки обрываются на царствовании Павла I, для нас важна оценка, которую А. В. Карташев дает Синодальному периоду, основываясь на факторах количественного и качественного роста. Он считал Синодальный период высшим проявлением духовных сил и достижений русской церкви. Одной из сторон развития Церкви, по его мнению, был расцвет русского монашества, толчком к духовному возрождению которого послужили секуляризация и закрытие части монастырей. Следствием духовного совершенствования явился подъем авторитета черного духовенства и рост монастырей, которые нашли новую сферу приложения усилий в благотворительно-просветительской деятельности.

Фундаментальным трудом по Синодальному периоду истории Русской Православной Церкви является «История Русской Церкви» И. К. Смолича, впервые увидевшая свет в 1953 г. на немецком языке³. Автор негативно оценивает Синодальный период, но указывает на серьезные церковные

¹ Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921). М., 1975.

² Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг.: в четырех томах // Т.1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1, 2. М., 1992.

³ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996; Ч. 2. М., 1997.

реформы Александра II, отмечает развитие и эффективность миссионерства в этот период. Свое видение истории монашества он изложил в приложении «Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев». Подчеркнув подготовительный характер труда и незавершенность в деталях, одной из главных черт истории монашества Синодального периода И. К. Смолич признал оздоровление иноческого жития в связи с движением старчества¹.

В советский период внимание историков в основном привлекали проблемы формирования монастырского землевладения, политика секуляризации, социальные конфликты в монастырских вотчинах и политика в отношении зависимых крестьян². Предметом исследований стали место и роль монастырского хозяйства в системе земледелия Сибири³, социальные отношения в монастырских вотчинах⁴, монастыри как места каторги и ссылки⁵, монастырские библиотеки⁶, архитектура и иконописание⁷.

¹ *Смолич И. К.* Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.

² *Бульгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М., 1977; *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977; *Дементьев Е. И.* Савво-Сторожевой монастырь и его крестьяне во 2-й половине XVII в. М., 1983; *Иванов Ю. Н.* Феодальное землевладение в Казанской епархии. Казань, 1971.

³ *Бояршинова З. Я.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории землевладения СССР. М., 1952; *Громыко М. М.* Церковные вотчины Западной Сибири накануне секуляризации // Сибирь. XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 158–185; *Она же.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и сельскохозяйственное освоение. Новосибирск, 1965; *Шорохов Л. П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983; *Шунков В. И.* Очерки по истории землевладения Сибири (XVIII век). М., 1956.

⁴ *Горбань Н. В.* Движения крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII веке // Ученые записки Омского педагогического института. 1949. Вып. 4. С. 75–194; *Побережников И. В.* Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989.

⁵ *Зуев А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских островов: Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в. Новосибирск, 1992; *Шорохов Л. П.* Узники сибирских монастырей в XVIII в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1978; *Манькова И. Л.* Далматовский Успенский монастырь как место ссылки и заточения // Религия и церковь в Сибири. Вып. 2. Тюмень, 1991. С. 21–30.

⁶ *Гузнер И. А.* Библиотеки Сибири в XVII–XVIII вв. // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977. С. 19–40; *Манькова И. Л., Шашков А. Т.* Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVII–XVIII вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 65–67.

⁷ *Бугаева Н. И.* Архитектура Далматова монастыря и ее значение в развитии каменного зодчества Урала и Сибири XVIII века // Вопросы градостроительства и архитектуры Урала. М., 1987. С. 89–98; *Бычкова Т. А.* К истории иконописания Томского уезда XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Вып. 1. Новокузнецк, 1993. С. 121–129; *Она же.* Наиболее чтимые иконы Томской губернии // Сибирский город вчера и сегодня: тезисы научно-практической конференции. Новокузнецк, 1998. С. 23–26.

Деятельность миссионерских монастырей и общин, входивших в структуру Алтайской духовной миссии, фрагментарно освещалась в работах, посвященных истории Алтая и миссии. Авторы уделяли основное внимание хозяйственным аспектам существования монастырей в рамках проблемы воздействия миссии на традиционные структуры автохтонного населения. Характеристики монашеских обителей, степень участия в просветительско-благотворительной работе, место в организационной структуре миссии в указанных исследованиях не были раскрыты. Учеными был введен в научный оборот широкий круг ранее неиспользованных источников, определены общий ход и специфика развития Алтайской миссии, результаты воздействия на традиционную социально-экономическую структуру автохтонного населения, подробно изучены различные аспекты деятельности миссии¹. В последнее время исследователи истории Алтая стали уделять внимание и собственно монашеским обителям Алтайской духовной миссии².

Возобновление активного изучения истории Русской Православной Церкви связано с началом нового этапа в развитии отечественной исторической науки, характеризующегося отсутствием единой методологии, появлением множества концепций. Отличительными чертами современного периода в изучении истории православия являются большое количество работ по ранее неисследованным проблемам, разнополярные методологические подходы, введение в научный оборот нового круга источников. Из фундаментальных работ последнего десятилетия необходимо выделить труды С. В. Римского и В. А. Федорова, посвященные проблемам

¹ *Кацюба Д. В.* Алтайская духовная миссия. Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998; *Кислицин В. Н.* Алтайская духовная миссия и ее деятельность в Горном Алтае // Вопросы географии Сибири. Вып. 20. Томск, 1993. С. 83–91; *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX). Горно-Алтайск, 1996; *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953; *Сагалаев А. М.* Христианизация алтайцев в конце XIX – начале XX в. (Методы и результаты) // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 120–127; *Садовой А. Н.* Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX вв.). Кемерово, 1992; *Храпова Н. Ю.* Место и роль духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828–1905). Томск, 1989; *Она же.* Захваты земель Горного Алтая Алтайской духовной миссией в пореформенный период // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 206–218; *Она же.* О культурно-исторической роли Алтайской духовной миссии в освоении Горного Алтая в XIX – начале XX вв // Русское православие в Сибири: история и современность: материалы международной конференции. Омск, 1995.

² *Богомолова А. П., Модоров Н. С.* К вопросу о хозяйственно-экономической деятельности Улалинского монастыря (конец XIX – начало XX в.) // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Бийск, 1999. С. 296–298.

Русской Православной Церкви синодального периода¹. В начале XXI в. был издан ряд справочников, работ научно-популярного характера по истории православных монастырей². Появились исследования, посвященные различным аспектам участия церкви в процессе освоения и развития Сибири, в т.ч. и истории монастырей³. Тем не менее проблема места и роли монашеских обителей Западной Сибири в процессе социокультурного развития региона находится на начальной стадии изучения. Активно изучается роль и место монастырей в процессе освоения и развития соседних регионов, по многим характеристикам сходных с Сибирью, – Урала, севера России⁴. Чрезвычайно интересной работой, посвященной монастырям Восточного Урала, – территории, входившей в состав Тобольской епархии, является монография М. Ю. Нечаевой⁵.

Возрастание роли и влияния на общество женских монастырей и общин Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX вв., связанное в первую очередь с активизацией просветительской и благотворительной деятельности, является предметом исследования Г. К. Скачковой в рамках изучения более широкой проблемы⁶. Истории монастырей Тобольской

¹ *Римский С. В.* Русская Православная Церковь в XIX веке. Ростов н/Д, 1997; *Он же.* Церковные реформы в России 60–70-х годов XIX столетия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов).* М., 1999; *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003.

² РПЦ. Монастыри: энциклопедический справочник / сост. А. В. Никольский. М., 2000; *Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки.* М., 2002; *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002.

³ *Манькова И. Л.* Роль монастырей в освоении Сибири XVII – начала XVIII в. // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. Тюмень, 1994; *Она же.* История Урало-Сибирских монастырей как предмет изучения // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 105–106; *Туров С. В.* Секуляризация земельных владений Тюменского Свято-Троицкого монастыря в XVIII в. // Культурное наследие Азиатской России... С. 106–107.

⁴ *Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию преподобного Трифона, вятского Чудотворца): материалы Международной научной конференции.* Т. 1–2. Киров, 1996; *Павлушков А. Р.* Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000.

⁵ *Нечаева М. Ю.* Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1998; *Она же.* Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. С. 304–310.

⁶ *Скачкова Г. К.* Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. (1860–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998; *Она же.* Женские монастыри Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Русский вопрос: история и современность: материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск, 1998. С. 205–210.

епархии во второй половине XVIII – начале XX в., в т. ч. их просветительской, благотворительной и миссионерской деятельности, посвящено диссертационное исследование С. Н. Щербич¹. Исследователь пришла к выводу о том, что влияние монастырей на внешний мир в XVIII – начале XX вв. проявлялось в форме просветительства и благотворительности, следствием чего стало возрастание их значения и авторитета обителей среди населения. Возрос уровень краеведческих работ, отражающих отдельные факты из истории монастырских обителей Западной Сибири².

Из вышеперечисленных трудов, посвященных истории монастырей и Русской Православной Церкви в Сибири, только работы по истории Алтая и Алтайской миссии затрагивают историю православных обителей на территории Томской епархии в XIX–XX вв. Большинство трудов, предметом исследования которых являются различные аспекты деятельности собственно западно-сибирских монастырей, ограничены периодом XVI–XVIII вв. и территорией Восточного Урала, севера Западной Сибири. Интерес к истории сибирских монастырей далеко не равномерен. Участие монастырских обителей в просвещении, благотворительности мало изучено, отсутствуют труды, специально посвященные данной проблеме.

До настоящего момента не даны ответы на вопросы, поставленные еще дореволюционными учеными: в какие временные периоды и сколько было основано монастырей в России в целом и в отдельных регионах, их местоположение, какова была сфера приложения основных усилий и их экономический потенциал³. Работы аналитического характера в дореволюционный период по истории монастырских обителей второй половины XIX – начала XX вв. отсутствуют по причине того, что деятельность монастырей не могла служить предметом исторического исследования для ученых-современников. В советский период данная тема находилась, по сути, под запретом, т. к. результаты исследований могли существенно противоречить общепринятой концепции. В силу указанных причин, оказалась практически не изучена региональная история Русской Православной Церкви, в т. ч. история монастырских обителей.

В связи с вышеизложенным, целью нашего исследования является выявление общего хода и специфики развития монастырских обителей юга Западной Сибири как центров просвещения и благотворительности в

¹ Щербич С. Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Опыт социокультурного исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2001.

² Привалихина С. В. Мой Томск. 2-е изд., исправл. и доп. Томск, 2000; История названий томских улиц. Томск, 1998; Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994.

³ Русское православие: веки истории... С. 505; Зверинский В. В. С. 1.

рамках епархиальной системы. Достижение поставленной цели в рамках данного исследования предполагает решение следующих задач:

– исследовать общие тенденции и особенности возникновения, развития монастырских обителей Томской епархии;

– определить следующие характеристики объекта исследования: организационную структуру и систему управления, численность и социальный состав монастырских/послушников, уровень их грамотности; экономическую основу существования архиерейских домов, монастырей и женских общин;

– выявить формы и методы просветительно-благотворительной деятельности монастырских обителей епархии;

– установить роль и место монастырей в процессе развития епархиальной системы учебных и благотворительных заведений.

Хронологические рамки исследования – 60-е гг. XIX – начало XX в. – охватывают период возникновения, развития и активизации просветительно-благотворительной деятельности монастырей и общин – низовых подразделений Русской Православной Церкви на территории Томской епархии. Нижняя граница – 60-е гг. XIX в. – начало основания новых иноческих обителей на территории юга Западной Сибири, связанное с социально-экономическим развитием региона, активизацией просветительской и миссионерской деятельности Церкви. После секуляризационных реформ XVIII в. до 60-х гг. XIX в. на изучаемой территории существовал единственный Томский Алексеевский монастырь. Верхняя граница – 1917 г. Несмотря на то, что некоторые монастырские обители были ликвидированы только в конце 20-х гг. XX в., уже в 1917 г. в связи с переменой государственного строя произошло изменение статуса Русской Православной Церкви и положения монастырских обителей в традиционной системе связей региона.

Территориальные рамки исследования ограничены югом Западной Сибири. Существование и просветительно-благотворительная деятельность монастырских обителей на данной территории имела ряд особенностей, связанных со спецификой социокультурного развития региона и ролью, которую Церковь играла в этом процессе. Обозначенная территория входила в состав Томской епархии, образованной в 1834 г. Епархия включала Томскую, Енисейскую, часть Тобольской губерний и Семипалатинскую область. В 1861 г. из нее была выделена самостоятельная Енисейская епархия, которой отошли 180 церквей, 2 мужских и 1 женский монастырь. В 1871 г. к учрежденной в 1870 г. Туркестанской епархии отошел г. Верный с округой. В 1895 г. часть приходов была переведена во вновь

образованную Омскую епархию. К началу XX в. Томская епархия включала в себя территорию юга Западной Сибири — современные Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области, Алтайский край и Республику Горный Алтай.

Степень изученности проблемы определила целесообразность применения принципа структурно-функционального анализа. Данная методика исследования предполагает его поэтапный характер и обуславливает структуру работы. На первом этапе реконструируется объект исследования. Изучаются причины возникновения и специфика развития, описываются основные характеристики: управленческая, организационная, социальная структура, экономическая основа. На втором этапе изучается просветительско-благотворительная деятельность монастырей — важная составляющая выполнения социальной и культурной функций. Это не означает статичность подхода, т.к. использование элементов системно-ситуационного анализа позволило проследить изменения в выполнении данных функций монашескими обителями в связи с постоянно меняющимися условиями внешней среды.

Высокий уровень детального описания и фактографии при изучении причин возникновения обителей, этапов изменения форм и методов просветительско-благотворительной деятельности определен малоизученностью проблемы. Сравнительный метод, помогая выявить общие, типичные для всех российских монастырей тенденции развития, служил средством констатации специфики монашеских обителей епархии по сравнению с соседними, индивидуальных особенностей отдельных монастырей и женских общин в рамках Томской епархии. Объектами сравнения служили монашеские обители — низовые подразделения в структуре Русской Православной Церкви с идентичными функциями в рамках единой религиозной организации, находящиеся на территории одного государства. Сравнение осуществлялось по следующим позициям: основным характеристикам структуры, условиям возникновения и существования, формам и методам просветительско-благотворительной деятельности. В процессе сравнения нами давались объяснения рассматриваемых фактов, раскрывалась сущность исследуемых явлений.

В основе исследования лежит большой массив письменных источников: документы фондов РГИА, ГАТО, ЦХАФ АК, опубликованные материалы. Документы по истории монашеских обителей Томской епархии сосредоточены в РГИА, преимущественно в Ф. 796 (Канцелярия Синода), Ф. 797 (Канцелярии обер-прокурора Синода), Ф. 803 (Училищный Совет Синода), где отложились материалы центрального церковного управления,

дела об открытии и ведомости о состоянии монастырей Томской епархии, об учреждении училищ. В фонде рукописей Синода (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 612) нами была обнаружена неопубликованная рукопись Н. Григоровича «Женские общины, существующие в России под покровительством духовного и гражданского начальства. 1877 г.», содержащая подробные сведения из истории Улалинской и Томской женских общин.

Обширный комплекс документов по интересующей нас проблеме содержат фонды ГАТО. Информация по различным аспектам деятельности монастырей находится в Ф. 170 (Томская духовная консистория), Ф. 175 (Томский Алексеевский мужской монастырь), Ф. 177 (Иоанно-Предтеченский женский монастырь), Ф. 182 (Томский архиерейский дом), Ф. 183 (Бийский архиерейский дом), Ф. 184 (Алтайская духовная миссия), Ф. 171 (Томское духовное попечительство о бедных духовного звания). Документы фондов отдельных монастырей и архиерейских домов содержат сведения об истории возникновения, данные о количестве и составе монашествующих, хозяйственной, просветительско-благотворительной деятельности обителей.

Ценные источники по проблеме находятся в фондах ЦХАФ АК: Ф. 164 (Алтайская духовная миссия), Ф. 187 (Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь), Ф. 188 (Бийский Тихвинский монастырь). Наряду с именованными ведомостями, приходно-расходными и отчетными документами монастырей в указанных фондах хранятся письма настоятельниц, миссионеров, воспитанниц Чемальского приюта, епископов Макария (Невского) и Иннокентия.

Основная часть источников данных фондов носит официально-документальный характер, отражает только позитивную оценку деятельности Русской Православной Церкви в Сибири, что требует к ним критического отношения, сопоставления с другими видами источников. Информация, содержащаяся в исследуемых документах, по многим вопросам фрагментарна (уровень образования и социальный состав монашествующих, хозяйственная деятельность, система управления), в некоторых случаях содержит ошибки и опечатки. Дополнительные сложности возникают из-за отсутствия источников за отдельные временные периоды.

После обработки и отбора источников по степени информативной насыщенности и достоверности на основе принципа видовой классификации нами были выделены следующие группы: законодательные акты, статистические источники, делопроизводственная документация, периодическая печать, источники эпистолярного жанра.

Законодательные акты Российской империи изучаемого периода опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи». Законы, относящиеся к духовному ведомству, выходили отдельным изданием¹. Основные принципы функционирования церковных структур определяли распорядительные документы Синода и его подразделений, объединенные в «Полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи»². Определения и указы Синода по направлениям деятельности выходили отдельными изданиями³. Сопоставление с другими группами источников помогает выявить различия между моделью, предписанной законом, и конкретной формой выполнения решения на практике, конечным результатом.

В группу статистических источников входят как светская статистика (хозяйственно-статистические описания губернии, отдельных населенных пунктов, материалы школьных переписей), так и церковная (историко-статистическое описание епархии, данные, собираемые по распоряжениям Синода и для епархиальных отчетов). К этой группе нами отнесены справочно-информационные издания. Характерной особенностью статистики данного периода является переход от описательного характера к цифровому освещению основных характеристик. Основным недостатком — расхождение в цифрах и фактах, выявляемое при сопоставлении центрального и регионального материалов. Справочно-информационное издание «Справочная книга по Томской епархии» за 1898/99, 1909/10, 1914 гг. отличается полным и систематическим изложением материала. Основным недостатком данного источника является использование составителями разновременных отчетов монашеских обителей более ранних лет.

Многочисленные справочно-информационные издания посвящены не только епархиям и духовным миссиям⁴, но и православным монашеским обителям. Они содержат в себе информацию о местонахождении, датах и обстоятельствах основания, достопримечательностях, хозяйстве, персоналиях. В данных изданиях преобладают историко-культурные характеристики. Предназначались они не только для административно-

¹ Сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному ведомству. М., 1901.

² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: в 10 т. СПб., 1872–1911.

³ Сб. правил о школах церковно-приходских и грамоты / сост. П. Н. Спасский. Изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1908; Циркулярные указы Св. Пр. Синода 1867–1900 гг. / собр. А. А. Завьялов. 2-е изд., доп. СПб., 1901.

⁴ Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. 1–2; Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. II. М., 1872.

управленческих целей, но и для верующих, паломников¹. Данные об обителях, монастырской администрации, лечебных заведениях при них содержатся в специализированных изданиях².

Самую многочисленную и информационно насыщенную группу источников составляет делопроизводственная документация. Анализ входящих документов, отчетов монастырской администрации, внутримонашеской документации позволяет проследить ход принятия решений, выявить наиболее сложные вопросы. Самую многочисленную подгруппу источников составляет документация первичного происхождения: ведомости и донесения, реестры имущества и приходно-расходные книги, переписка. В них содержатся сведения о возникновении обителей, путях складывания земельных владений, формировании и размещении капиталов, отношениях с благотворителями, специфике монастырского хозяйства, деятельности учебных и благотворительных заведений. Послужные списки и именные ведомости помогают составить стратификационный портрет монашества.

Отчетные документы: ведомости о мужских и женских монастырях и общинах за 1901, 1915 гг., отчеты обер-прокурора святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1866–1914 гг., отчеты Алтайской духовной миссии и различных подразделений епархиального уровня управления выходили отдельными изданиями.

Периодические издания. Основным источником данной группы являются «Томские епархиальные ведомости» (далее ТЕВ), издававшиеся с 1880 г. (с 1904 г. официально выделен миссионерский отдел). Уникальность источника заключается в том, что в нем были широко представлены различные виды материалов. Официальная часть содержала указы и распоряжения Синода, епархиального начальства об открытии и переименовании монашеских обителей, возведении в сан и награждении монашествующих, о регулировании хозяйственной деятельности.

¹ Григорович Н. Обзор учреждений в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869). СПб., 1869; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908; Описание монастырей в Российской империи. М., 1834; Павловский А. А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Н. Новгород, 1907; Православные русские обители: полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / Сост. П. П. Сошкин. Репринт. СПб., 1910, 1999; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852; Православные монастыри и архиерейские дома в России, ныне существующие. М., 1889.

² Сведения о лечебных заведениях, имеющихся при монастырях ведомства православного исповедания. СПб., 1908; Список настоятельниц женских монастырей и общин. СПб., 1889; Ведомость о мужских и женских монастырях и общинах за 1915 год. Петроград, 1915.

Неофициальная часть объединяла историко-статистические материалы по епархии, обзоры поездок архиереев по епархии, очерки по истории отдельных монастырей и просветительно-благотворительных учреждений, воспоминания и письма духовных лиц. Подробная информация о жизни и деятельности настоятелей и настоятельниц обителей содержалась в некрологах. В ТЕВ публиковались отчеты Алтайской миссии, Томского комитета Православного миссионерского общества, Дома трудолюбия при Иоанно-Предтеченском монастыре, о церковно-учительской школе и религиозно-нравственных чтениях при Томском архиерейском доме.

Высочайшие указы, благодарности; определения и разъяснения Синода, приказы Училищного Совета и хозяйственного управления, приказы обер-прокурора; материалы о монастырях и общинах Томской епархии содержатся в «Церковных ведомостях». Прибавления к ним включают статьи по церковной истории, сведения о монастырской жизни. Разноплановый материал, посвященный становлению монастырей Алтайской миссии, содержится в издании Петербургской духовной академии «Домашняя беседа» (осн. 1858 г.)¹.

Следующая группа источников подразделена нами на две подгруппы:

1. Речи, воспоминания, записки и письма духовных лиц и близких им по духу людей (родственников, воспитанников монастырских заведений).
2. Историко-этнографические очерки, путевые записки, дневники экспедиций исследователей региона. Данная группа, содержащая разнообразный материал, при сопоставлении с другими источниками позволяет придать личностную окраску изучаемым событиям, выявить позиции различных социальных групп на проблемы, что позволяет понять многофакторность процесса развития монастырских обителей юга Западной Сибири. Часть источников первой подгруппы опубликована отдельными изданиями и в периодических изданиях². В ЦХАФ АК хранятся переписка

¹ Гурьев В., священник. Письма с Алтая (письмо четвертое) // Домашняя беседа. 1868. Вып. 3. С. 75–84; Прибытие на Чулышман (из записок миссионеров) // Домашняя беседа. 1868. Вып. 6. С. 145–146; Владимир (Петров), архимандрит. Записки миссионера // Домашняя беседа. 1868. Вып. 7. С. 169–175; Солодчин И. В. Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 37–42; Объяснительная записка начальника Алтайской миссии архим. Владимира // Домашняя беседа. 1868. Вып. 42. С. 1003–1014; Вып. 43. С. 1035–1045; Владимир (Петров), архимандрит. Улалинская женская община новокрещенных на Алтае // Томские губернские ведомости. 1863. № 32. С. 192–195; № 33. С. 201–205; Из воспоминаний о последних днях матери Ольги, настоятельницы Улалинской женской общины в Алтайской миссии // Миссионер. 1875. № 9. С. 70–72.

² Макарий, архиепископ Томский и Алтайский. Полное собрание проповеднических трудов. Томск, 1910; Чевалков М. В. протоиерей. Памятное завещание // Памятное завещание: Алтайская дореволюционная проза. Горно-Алтайск, 1990. С. 43–140; Макарова-Мирская А. И. Апостолы Алтая: сб. рассказов из жизни алтайских миссионеров. 2-е изд. Репринт. Харьков, 1914. М., 1997; Письма основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита Макария. Ч. 1. 3-е изд. Томск, 1903.

епархиального начальства с руководством Алтайской миссии по делам монастырей, письма настоятельницы и воспитанниц приюта Чемальской общины. Вторая подгруппа – это работы, которые создавались на материалах экспедиций и исследований, проведенных во второй половине XIX в. непосредственно авторами. Содержащаяся в них информация по истории монастырских обителей фрагментарна, но оценка авторами результатов воздействия Церкви на культуру аборигенов, отличная от точки зрения представителей церкви, делает ее особо ценной при сопоставлении с другими источниками¹. В последнее десятилетие сибирскими учеными были изданы сборники документов, содержащие источники по истории монастырских обителей юга Западной Сибири, ранее не использовавшиеся в исследованиях².

¹ Верещагин В. И. По Восточному Алтаю: дневник путешествия в 1905 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1906; Он же. Поездка по Алтаю летом 1908 года (путевые записки) // Алтайский сборник. Барнаул, 1910. Т. X; Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989; Тыжнов И. И. Из Алтайских этюдов. (Чолышманская долина) // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб., 1909; Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1 // Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900.

² Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX в.). Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1997; Из духовного наследия Алтайских миссионеров: сборник / сост., вступит. статья и примечания протоиерея Б. И. Пивоварова. Новосибирск, 1998.

Глава 1

Общие тенденции и особенности развития монастырей, архиерейских домов и женских общин Томской епархии во второй половине XIX – начале XX в.

1.1. Возникновение и развитие монашеских обителей

Во второй половине XIX в. в истории Русской Православной Церкви произошли значительные события, тесно связанные с духовным и социально-экономическим развитием российского общества. Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы не могли не коснуться ее деятельности. Реформа Русской Православной Церкви стояла в одном ряду с другими преобразованиями и была разработана в числе первоочередных. По оценке о. Г. Флоровского, для Церкви и всего российского общества «...это был первый открытый опыт социально-христианской работы», но «...широко задуманный план церковно-социально-карикативной работы...» (устройство приходской жизни, открытие братств, развитие просветительских и благотворительных обществ и т. д.) не был полностью осуществлен, в т. ч. из-за сопротивления со стороны светской администрации, опасавшейся чрезмерной активности духовенства¹. Важной частью плана была организация просветительно-благотворительных учреждений при женских обителях.

Значительное увеличение количества монастырей во второй половине XIX – XX в. необходимо рассматривать «... как следствие подъема религиозности» и доказательство «... оживления религиозных начал в православном русском обществе»². Пореформенный этап развития русского православия характеризуется крупными изменениями в положении Русской Православной Церкви. Социально-карикативная работа приобрела для Церкви особое значение, являясь частью процесса социализации общества. Именно при монастырях в это время благотворительная деятельность возрастала «...в значительно большей степени, чем в церквах»³. Особенно

велико в этот период значение просветительно-благотворительной работы женских обителей, несмотря на то, что мужских монастырей было гораздо больше, чем женских, и они имели лучшее материальное положение¹.

Дореволюционные исследователи истории Церкви отмечали как крайне интересное социальное явление быстрый рост количества женских обителей, монашествующих и послушниц женского пола во второй половине XIX в.² Они связывали его с общим ходом русской истории в предшествующее столетие и изменениями социально-экономического порядка. Возрастание роли женских монастырей и общин во второй половине XIX в. в религиозно-нравственной и благотворительной жизни России являлось и одной из сторон процесса духовного развития женщин, получившего после реформ 60-х гг. XIX в. новый импульс развития³.

С 1808 г. по 1916 г. в Российской империи количество обителей возросло с 447 (353 муж., 94 жен.) до 1103 (574 муж., 529 жен.), за этот период количество мужских возросло на 221 (63 %), женских – на 435 (463 %) ⁴. Из 165 монастырей, учрежденных в 1900–1917 гг. в Российской империи, 128 были женскими⁵. В XIX в. в 11 сибирских епархиях было основано 34 монастыря, из них 21 женский⁶.

Громадный прирост числа женских обителей объясняется появлением и активным учреждением в XIX в. нового типа религиозной организации Русской Православной Церкви – женских общин, связанным с подъемом благотворительной деятельности в российском обществе, особенно во время царствования Александра II. При основании общин ставилось условие об учреждении при них благотворительного заведения, одной из главных причин для основания было стремление помочь ближнему⁷. Первые общины преобразовывались в основном из богаделен и благотворительных обществ, образованных при церковных приходах, которые были учреждены на капиталы частных лиц для призрения сирот, вдов, старых и больных людей. Часто общины возглавляли женщины, занимавшие высокое положение в обществе, основавшие их на свой капитал, занимавшие высокое положение в обществе. Например: княгиня Е. Н. Мещерская основала

¹ Ротиславов Д. И. Указ. соч. С. 358–359.

² Преображенский И. Указ. соч. С. 13–17; Зверинский В. В. Монастыри... С. 6–10; Денисов. Указ. соч. С. X; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 443.

³ Скачкова Г. К. Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губ... С. 19.

⁴ Зверинский В. В. Указ. соч. С. 5–6, 14–17; Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 554.

⁵ Зыбковец В. Ф. Указ. соч. С. 26–27.

⁶ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 223.

⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 612. Л. 10–14об.; Смолич И. К. Русское монашество... С. 293.

¹ Флоровский Г. Пути русского богословия. [Репринт]. Париж, 1937; Вильнюс, 1991. С. 341.

² Преображенский И. Указ. соч. С. 14; Прибавления к Церковным ведомостям. 1902. № 6. С. 206–207.

³ Там же. С. 145.

Борисовоглебский – Аносин монастырь (1810–1812, Московская губ.), вдова генерала Тучкова Маргарита Михайловна – Спасский – Бородинский монастырь (осн. около 1833 г. как женская община). Общины представляли собой «...переходную ступень от светской жизни к монашеской»¹. При основании в общинах вводился общежительный устав, поэтому по внешнему и внутреннему устройству они не имели отличий от монастыря; хотя сестры не принимали монашеский обет, они исполняли все правила, как и послушницы монастырей. Поэтому женские общины, с одной стороны, служили приютами для женщин, которые, вследствие разных жизненных обстоятельств, решили посвятить себя Богу и служению ближнему, не покидая совсем свет, с другой – их социально-карикативная деятельность имела плодотворный результат и имела большое значение в общественной жизни.

За период 1780–1890 гг. было учреждено и принято в ведомство епархиального начальства 127 женских общин². Из появившихся в XIX в. монастырей и общин 58,8 % было учреждено в царствование Александра II (1855–1881)³. В этот же период большая часть общин, укрепившихся в религиозном и материальном отношении, по представлению епархиального начальства преобразовывались с благословения Синода и утверждения императора в общежительные монастыри. В течение XIX в. из 127 женских общин было обращено в монастыри 78, что служит доказательством признания государством важной роли просветительско-благотворительной деятельности общин. Кроме этого, за 1786–1890 гг. 24 монастыря из мужских были обращены в женские⁴. Процесс «вымирания» мужских монастырей и «прогрессирования» женских, заключавшийся: 1) в огромном росте женских обителей по сравнению с мужскими; 2) многократном превосходстве монашествующих и послушниц женского пола; 3) важной роли женских монастырей и общин в жизни общества (религиозно-нравственном воспитании народа, просветительско-благотворительной сфере), – характерен и для начала XX в.⁵ Особенностью процесса являлось то, что решающее значение в нем сыграла деятельность женских общин, имевшая яркую благотворительную направленность. К 1917 г. в Российской империи существовало 135 общин, что составляло 12 % от числа всех обителей, 26 % от числа женских.

Процесс роста общего количества монашествующих и послушниц женского пола шел в большей степени за счет увеличения числа послушниц.

¹ Зверинский В. В. Преобразование старых... С. XII.

² Там же. С. 7–12.

³ Зверинский В. В. Монастыри... С. 7.

⁴ Зверинский В. В. Преобразование старых... С. 4–5, 14.

⁵ Денисов Л. И. Указ. соч. С. X.

С 1840 г. по 1890 г. число монашествующих и послушников мужского пола возросло в 1,5 раза (1840 г. – 5122 иноков, 3259 послушников; 1890 г. – 7189 иноков, 5527 послушников), а женского пола – более чем в 4 раза (1840 г. – 2287 инокинь, 4583 послушниц; 1890 г. – 7306 инокинь, 20268 послушниц). Причем число монахинь возросло в три раза, а послушниц – в 4,5¹. В конце 80-х гг. XIX в. в среднем на одну мужскую обитель приходилось 14 монахов, 11 послушников, на женскую – 30 монахинь, 90 послушниц². Освобождение крестьян от крепостного права, введение всеобщей воинской повинности были основными причинами уменьшения послушников мужского пола. В 1883 г. в обителях восьми губерний Азиатской России монашествовали 103 инока, 70 послушников, 93 инокини, 449 послушниц³. В начале XX в. интенсивный рост числа инокинь и послушниц в женских обителях продолжался. В 1907 г. из 90403 монашествующих о.п. в Российской империи было 24444 мужского пола и 65959 женского пола⁴. Особенно быстрый скачок произошел в 1914–1917 гг. за счет осиротевших невест и вдов – с 71200 до 84300 человек⁵. Многочисленность монашествующих, морально-психологический климат и другие особенности женских обителей создавали прекрасную основу для создания при них просветительско-благотворительных учреждений.

Учреждение Томской епархии по времени совпало с началом периода быстрого экономического развития региона, ростом населения за счет увеличения миграционных потоков на юг Западной Сибири, активизацией просветительской деятельности Русской Православной Церкви и, безусловно, способствовало дальнейшему освоению и развитию региона⁶. Кроме административного упорядочения и улучшения деятельности в религиозно-культурной сфере, перед новой епархией стояли следующие задачи: христианизация инородческого населения, утверждение в православной вере принявших крещение, возвращение в лоно церкви раскольников⁷. Решение данных задач оставалось актуальным и в конце XIX в. К 1885 г. население Томской губернии составляло 1134748 человек, из них по официальным данным: язычников – 64000, магометан – 29179, раскольников – 35417, католиков – 6659, евреев – 4501, лютеран – 201. Исходя из данных о составе населения епархии, преподаватель семинарии Н. Ливанов

¹ Преображенский И. Указ. соч. С. 15–16.

² Преображенский И. Указ. соч. С. 17; Зверинский В. В. Монастыри... С. 11.

³ Зверинский В. В. Указ. соч. С. 14–17.

⁴ Денисов Л. И. Указ. соч. С. X.

⁵ Зыбковец В. Ф. Указ. соч. С. 27.

⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 105. Д. 679 «Об открытии в Томске особой епархии».

⁷ Мисюров А. А. Указ. соч. С. 2.

в речи на открытии томского отделения противораскольнического братства св. Дмитрия митрополита Ростовского 1 сентября 1885 г. сделал вывод о том, что «самою сообразною с местными условиями, а следовательно, самою необходимою и плодотворною деятельностью для Томской церкви нужно признать деятельность миссионерскую»¹. Исходя из сложившейся в Томской епархии ситуации, именно монастыри должны были сыграть важную роль в достижении поставленных задач. Еще первый сибирский архиепископ Киприан (Старорусенков) отмечал, что монастыри создаются «...ради религиозных целей — духовного просвещения народа и обращения к вере сибирских инородцев...»².

К моменту открытия Томской епархии на всей обширной территории юга Западной Сибири существовал лишь один Томский Богородице-Алексеевский мужской монастырь, который после образования Енисейской епархии в 1861 г. остался единственной иноческой обителью в Томской епархии³. Из Томской епархии во вновь открытую Енисейскую епархию отошло 180 церквей, два мужских и один женский монастырь.

Томский Алексеевский монастырь, принадлежавший к числу первых построек и церковных учреждений Томска, сыграл видную роль в истории города и в целом юга Западной Сибири⁴. С ним была связана история организационного становления и управления сибирскими епархиями, миссионерской и просветительской деятельности в крае. До учреждения Томской епархии долгий период в Томском Алексеевском монастыре находилось заказное правление — орган управления округом Тобольской епархии. Практически всегда настоятели монастыря стояли во главе заказа. После открытия Томской епархии и утверждения 22 апреля 1834 г. штата архиерейского дома первый томский епископ Агапит поселился в монастыре, разместив в нем и архиерейский дом. Вплоть до 80-х гг. XIX в. Алексеевский монастырь являлся местом жительства архиереев и расположения Томского архиерейского дома. Только после покупки при епископе Петре (1877—1883) дома у В. И. Асташева для архиерейского дома он был переведен из монастыря⁵. Томская духовная консистория с епархиальным попечительством о бедных духовного звания до пожара 1866 г. также находились в стенах Алексеевского монастыря⁶. Несмотря на то, что

¹ ТЕВ. 1885. № 18. Неофиц. отдел. С. 4.

² Бучинский П. Н. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан // Вера и разум. 1890. № 21. С. 564; Монастыри в Западной Сибири // ТЕВ. 1881. Неофиц. отдел. № 12. С. 181.

³ Зверинский В. Монастыри... С. 76—77.

⁴ Беликов Д. Н. Старинные монастыри... С. 1—3.

⁵ Мисюров А. А. Указ. соч. С. 22; Монастыри в Западной Сибири // ТЕВ. 1881. № 24. Неофиц. отдел. С. 379.

⁶ Томский Богородицкий Алексеевский монастырь // ТЕВ. 1887. № 11. Неофиц. отдел. С. 11.

к концу XIX в. монастырь утратил былые позиции, его настоятели традиционно играли видную роль в жизни города и епархии, принимая активное участие в религиозно-культурных мероприятиях, проектах, связанных с открытием учебных заведений, строительством. В монастыре находились особо почитаемые горожанами иконы, могилы старца Федора Кузьмича, епископов Виталия и Платона. В отчете по епархии за 1900 г. отмечалось, что Томский Алексеевский монастырь «...не отличается ни внешним, ни внутренним благоустройством...», т. к. служит большей частью местом послушания, смирения и отбывания эпитимии для оштрафованных священнослужителей¹. В 1908 г. управление монастырем было возложено на второго vicария Томской епархии, епископа Барнаульского на правах настоятеля. В это же время штатный Томский Алексеевский монастырь 3-го класса был переименован в общежительный монастырь с сохранением содержания от казны².

Периодически на территории юга Западной Сибири предпринимались попытки открытия иноческих обителей, но все они заканчивались неудачей. Самый известный случай связан с именами двух, тайно принявших монашество, учеников известных старцев Паисия Величковского и Андриана, Василиска (Василия Гаврилова из экономических крестьян Тверской губ.) и Зосимы (Захария Верховского из дворян, гвардии поручика в отставке), которые, «...странствуя по святым местам, вздумали искать в глубине Сибири уединенного и пустынного места для безмолвного жительства и спасения душевного»³. Намерение организовать мужское иноческое братство в 40 верстах от г. Кузнецка им не удалось осуществить. До 1818 г. изъявили желание совершить постриг пять человек, но общество и начальство многих не уволило. Поэтому о. Зосима принял решение завести женскую общину в деревне Сидоровой. Из Кузнецка в общину переселились, подчинив себя иноческим правилам, вдова надворного советника Н. М. Васильева с дочерью, купеческая дочь Е. Романова, мещанская вдова А. Иванова. Позже к ним присоединилось до 10 сестер, в том числе дочь мещанина Зиновия Шабалина (с 1839 г. игуменья Туринского монастыря Илария). С доверенностью от кузнецких горожанок, с благословения архиепископа Тобольского Амвросия Зосима лично явился с прошением об открытии женского монастыря в Синод. По утвержденному императором 13.02.1822 г. докладу Синода Туринский Николаевский мужской монастырь с оставлением всех угодий передавался под женскую обитель. В октябре 1822 г. монахи Зосима и Василиск

¹ Томская епархия в 1900 году // ТЕВ. 1901. № 14. С. 16.

² ТЕВ. 1909. № 23. Офиц. часть. С. 1—2.

³ Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. 2. С. 130—131.

с сестрами прибыли в обитель по указу Тобольской духовной консистории. Старец Василиск умер в 1823 г., о. Зосима вскоре отбыл в Россию, основав большой общежительный монастырь в Московской губернии в имении г. Бахметовой. Он оставил после себя «Душеполезные беседы» и, возможно, послужил прототипом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского¹. По оценке Д. Н. Беликова, на юге Западной Сибири «монастыри стали замирать с тех пор, как сибирское население начало понижаться в своем религиозном настроении, а следовательно, и в своем усердии к церковным учреждениям»². К тому же духовное начальство было заинтересовано в возрождении уже существующих мужских монастырей, пришедших в упадок по причине отсутствия братии. Потребность в основании новых иноческих обителей среди православного населения и духовного руководства Томской епархии стала возрождаться лишь во второй половине XIX в., что было связано со значительным увеличением населения за счет миграционных потоков из Европейской России, быстрыми темпами экономического развития региона, усилением интереса государства к приграничным территориям, организационным укреплением новой епархии и развитием Алтайской духовной миссии.

На Алтае, по ходатайству купца А. Г. Малькова, на благотворительные средства были учреждены: 4 мая 1863 г. Николаевская миссионерская женская община, в 1881 г. указом Синода переименованная в миссионерский общежительный женский монастырь, и 15 февраля 1864 г. — Чулышманский Благовещенский миссионерский мужской монастырь³. Главной целью общины было «помогать миссии в попечении о лицах женского пола, новообращенных из язычества — обучение их христианству и рукоделиям, уходом в болезни, призрением бесприютных, воспитанием и обучением малолетних сирот»⁴.

В г. Томске по Высочайше утвержденному 16 августа 1864 г. определению Синода была учреждена женская община, переименованная 11 сентября 1876 г.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 7918. Л. 2–109; *Беликов Д. Н.* Старинные монастыри... С. 204; Тобольская епархия... С. 130–133; *Конюхов И. С.* Памятная историческая записка. Рукопись. Отдел редких книг научной библиотеки ТГУ. Л. 20об. — 24об; *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 345–346; Воспоминания архим. Пимена. М., 1877. С. 295–300; *Смолич И. К.* Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев: Приложение к Истории Русской Церкви. М., 1997. С. 299–300.

² *Беликов Д. Н.* Старинные монастыри... С. 200, 205.

³ ПСЗ. 1863. 39583; ПСЗ. 1864. 40596.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Л. 1–2; Сб. сведений о православных миссиях. Кн. 2. М., 1872. С. 366.

в женский общежительный монастырь. Общину основала купеческая вдова Е. И. Михеева на собственные средства. Вклады в виде денежных средств и земельных участков в пользу общины сделали купец И. А. Еренев и купеческая жена Н. Хромова¹. Именно просветительская, миссионерская деятельность иноческих обителей определили важное место, которое они занимали в структуре Томской епархии, для которой одной из приоритетных задач на протяжении всего изучаемого периода являлось распространение православия среди инородческого населения и укрепление в вере русского населения региона.

Проект создания общежития вдов и девиц для повышения эффективности работы Алтайской миссии, содействия при крещении женщин, исполнения трудов, не совсем удобных для мужчин и дающих повод невыгодного мнения о миссионерах (акушерство, обучение домоводству, хозяйству, воспитание и обучение инородческих девочек и т. п.), еще в 1833 г. разработал основатель миссии архим. Макарий (Глухарев). В течение нескольких лет он вел переписку с женщинами — благотворительницами, предлагая им служение среди новообращенных². Вопрос об открытии общины письменно обсуждался с епископом Тобольским Афанасием в 1835 г.³ Когда в 1836 г. архим. Макарий обратился к преосвященному с официальным представлением, тот согласился с необходимостью основания миссионерского общества дев и вдовиц, «...посвящающих себя на служение Богу и Церкви Его в безбрачной жизни»⁴. Но дело, в связи с переходом Алтайской миссии в подчинение Томскому епископу, дальнейшего хода не имело. Начало осуществлению проекта положила прибывшая в миссию из Москвы Софья де Вальмон, которая с помощью архим. Макария в д. Майме, расположенной в 8 верстах от с. Улалы завела хозяйство, школу, помогала больным, устраивала беседы и чтения⁵. По некоторым данным, 4 мая 1840 г. было получено Высочайшее разрешение на открытие общины⁶. Впервые в истории миссионерской деятельности Русской Православной Церкви архим. Макарий (Глухарев) создал институт женщин — помощниц для работы с новокрещенными

¹ ПСЗ. 1864. 41196; ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² Письма основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита Макария. Ч. 1. 3-е изд. Томск, 1903. С. 92–113.

³ Там же. С. 99.

⁴ Письма Макария. Ч. 1. М., 1860. С. 131.

⁵ *Владимир (Петров), архиепископ.* Улалинская женская община на Алтае // ТЕВ. 1904. № 14. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 3.

⁶ Просвещение христиан верою инородцев Западной Сибири // ТЕВ. 1888. № 17. Неофиц. отдел. С. 7–8.

инородками «...с целями распространения через нее не только веры, но и русской культуры»¹.

В 1843 г. Софья де Вальмон покинула Алтай в связи с болезнью и отъездом в Россию основателя миссии. Позже, в 1847 г., продолжить ее труды была прислана архим. Макарием из г. Болхова дочь мещанина Е. В. Варламова (монахиня Елена). Труды этих женщин не пропали даром. В 50-е гг. XIX в. миссия переживала сложный период, гражданская власть не только перестала оказывать поддержку Алтайской миссии, но и предпринимала попытки «...стереть миссию с лица земли». Несмотря на это, 19 января 1858 г., в день памяти основателя миссии, в храме Улалинского стана более 10 девиц и вдов (из них три русских, остальные инородки) заявили начальнику миссии С. Ландышеву о своем желании служить Господу на правилах иноческого общежития². Они были устойчивы в своем намерении на протяжении трех лет, чем вызвали сочувствие общества и поддержку духовных властей³.

Намерение основать женскую общину в этот раз исходило не сверху — от духовных властей, которые не имели возможности, прежде всего экономической, поддержать начинание, а от инициативной группы, основу которой составляли представительницы коренного населения Алтая. Это свидетельствовало об успехе в деле распространения православия в районе с. Уалалы, большая часть жителей которой приняла крещение. Твердое намерение посвятить свою жизнь Богу позволило этой группе через несколько лет осуществить свое желание. По свидетельству М. В. Чевалкова, его дети под воздействием миссионеров стали говорить: «Мы замуж не пойдем, до смерти будем служить Богу. Если бы где был монастырь, мы стали бы там жить». О таком желании заявили 11 девиц, все они были грамотны⁴.

На этапе становления общины плодотворной помощи миссии с ее стороны мешал конфликт между благотворителем, попечителем общины и Чулышманского монастыря купцом А. Г. Мальковым и руководством Алтайской миссии. Этот сюжет подробно описан в исследовании

¹ Рункевич С. Русская церковь в XIX веке // История Православной Церкви в XIX веке. Славянские Церкви. Репринт изд. 1901 г., Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1998. С. 593; Верещагин В. И. Поездка по Алтаю летом 1908 г. (путевые заметки) // Алтайский сборник. Барнаул, 1910. Т. X. С. 4; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 352–353.

² Инородческий вопрос на Алтае // ТЕВ. 1885. № 9. Неофиц. отдел. С. 1–2.

³ Владимир (Петров), архиепископ. Улалинская женская община на Алтае // ТЕВ. 1904 № 14. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 5–7.

⁴ Чевалков М. В. Памятное завещание // Памятное завещание: алтайская дореволюционная проза. Горно-Алтайск, 1990. С. 99–100.

А. Н. Садового «Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX — начало XX вв.)»¹. После обращения к начальнику миссии С. Ландышеву, считавшему, что время для организации общины еще не пришло, сестры испросили помощи у барнаульского купца А. Г. Малькова, приехавшего в с. Улалу с иконой Божьей Матери — даром томской блаженной старицы Домны. При содействии о. Макария (Невского) они обратились к купцу с просьбой быть попечителем и ходатаем перед начальством об учреждении обители². А. Г. Мальков дал свое согласие и обещание обеспечить обителям необходимое содержание. Ему вручили прошение девиц и вдов о дозволении устроить общину и приговор жителей с. Уалалы об уступке земли под усадьбу и огород. В январе 1861 г. С. Ландышев официально в донесении подтвердил мнение о необходимости учреждения общины. Епископ Томский после посещения с. Уалалы признал, что устройство общины полезно в религиозном, гражданском и хозяйственном отношении и благословил А. Г. Малькова на дальнейшие труды³. По свидетельству современников, купец был человеком чрезвычайно энергичным, но увлекающимся. В результате деятельности А. Г. Малькова в 1860–1863 гг., заручившегося поддержкой епископа Томского, митрополита Московского, обер-прокурора Синода и самой императрицы, были учреждены указами Синода Улалинская миссионерская женская община и Чулышманский Благовещенский монастырь. Вслед за этим последовали Высочайшие соизволения на уступку из земель Кабинета в бессрочное пользование на время существования обителей — 6444 десятины 1291 сажени женской общине в даче инородцев с. Улалинского, 3856 десятины мужскому монастырю по нижнему течению р. Чулышман. При непосредственном участии А. Г. Малькова создавалось и первое миссионерское общество под покровительством императрицы Марии Федоровны, деятельность которого в основном была сориентирована на Алтай⁴. Противоречия миссии и Малькова по поводу места, форм деятельности и управления обителями являлись только одной из сторон конфликта вновь образованного общества и руководства миссии, несогласного с политикой общества, использующего методы финансового диктата⁵. Как истинный купец, А. Г. Мальков вершил благое дело, не забывая

¹ Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX — начало XX в.). Кемерово, 1992. С. 133–135.

² РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 612. Л. 69–70об.; Чевалков М. В. Указ. соч. С. 101.

³ Владимир (Петров), архиепископ. Указ. соч. // ТЕВ. 1904. № 15. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 2–3.

⁴ Новое миссионерское общество в России. СПб., 1865. С. 4.

⁵ Садовой А. Н. Указ. соч. С. 134.

о своих экономических интересах, используя принятые в торговой среде методы. А. Н. Садовой пришел к выводу, что «...основная ошибка Малькова заключалась в том, что прийти к решению поставленной задачи он хотел путем финансового подчинения миссии, поставив под контроль пожертвования, основную часть ее доходов»¹. Он пытался использовать авторитет миссии для проникновения и постановки своего дела на территории, подконтрольной бийским купцам. Выбор места для устройства Чулышманского монастыря позволял создать под прикрытием строительства обители факторию, которая сделала бы его монополистом в районе Чулышманской долины, позволило контролировать торговые пути, соединяющие ее с Тувой и с Монголией (Кош-Агач). Судя по первым шагам, Мальков планировал заниматься меновой торговлей с местными инородцами, выращиванием зерновых, рыбной ловлей². Надо отдать должное изобретательности и последовательности действий купца в доказательстве своей точки зрения по поводу местонахождения монастыря. Введя в заблуждение многих высокопоставленных лиц, он указал место в Чулышманской долине «...как самое удобное и центральное», для чего специально составил и напечатал карту Алтая, где монастырь был поставлен в центр с подтверждением удобства дорог³. Несмотря на возражения начальника миссии С. Ландышева, заявившего, что место непригодно из-за своей недоступности, проект Малькова поддержали в Санкт-Петербурге. 24 марта 1866 г. новый начальник Алтайской миссии архим. Владимир (Петров), прибыв на Алтай, после осмотра места убедился в его отдаленности и изолированности, т. к. монастырь был отделен от миссии Телецким озером с севера, а с других сторон — горными хребтами⁴. Позже выяснилось, что купец предоставил ранее фиктивный отчет о затратах и постройке монастыря. На месте обители архим. Владимир нашел дом, хлебные амбары и снасти для рыбной ловли, составляющие собственность Малькова⁵. Но т. к. основание монастыря уже было оформлено надлежащими государственными актами с наделением земельными угодьями, то начальник миссии не стал отказываться от строительства монастыря. Впоследствии руководство миссии высказывало

¹ Садовой А. Н. Указ. соч.. С. 133–134.

² Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 год // ТЕВ. 1912. № 12. Неофиц. часть. миссионер. отдел. С. 642; Постников В., протоиерей. Мои воспоминания о первых днях служения в Алтайской духовной миссии бывшего начальника ее архимандрита Владимира // ТЕВ. 1898. № 10. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 5.

³ Постников В. Указ. соч. С. 3–5.

⁴ Постников В. Там же. С. 3.

⁵ Отчет Алтайской духовной миссии за 1911 год // ТЕВ. 1912. № 12. С. 639; Солодчин И. Алтайская миссия // Домашняя беседа. Вып. 37. С. 875.

мысль, поддержанную епископом Томским Парфением, об устройстве монастыря в с. Чемал, а в Чулышмане — скита со станом миссии при нем. Но она не получила воплощения в жизнь из-за затянувшегося конфликта и нехватки средств¹. В конце 60-х гг. XIX в. противоречия между руководством Алтайской миссии и миссионерским обществом, его представителем Мальковым получили широкую огласку, став предметом разбирательств на уровне Синода. Активно велась полемика на страницах церковной печати². Одним из основных доводов миссии являлось несоответствие расположения монастыря целям миссии. Чулышманский монастырь «...предназначался быть главным пунктом, центральным местом для действий всей Алтайской миссии, откуда все остальные станы и отделения должны получать свое направление и жизнь»³. Но монастырь на месте, выбранном без учета мнения руководства миссии — «...неосмотрительно и неудачно...» — и отрезанном озером и горами от Алтая, не мог выполнить своего предназначения⁴. Формально затянувшийся конфликт прекратился в июле 1869 г., когда Синод признал начальника и членов Алтайской миссии свободными от обвинений «...в бездеятельности, своекорыстии и других преступлениях»⁵. Потерпев поражение, Мальков в дальнейшем стал действовать более осторожно. Новая попытка поставить под свой контроль практически не имевший братии монастырь, к которому руководство миссии проявляло малый интерес, была предпринята им в 1888 г. Для этого он использовал монаха Свято-Андреевского Афонского скита Исаакия, отправленного для сбора пожертвований в Россию, который бежал с деньгами в Сибирь. Исаакий был с почетом принят в Томской епархии, где не знали о его проступках. С помощью Малькова он набрал 13 человек, желающих составить братию монастыря, которые подали прошение епископу Томскому. С самого начала он пытался диктовать свои условия: разрешения самоличного ведения дел монастыря, удаление заведующего монастырем монаха Герасима и избрание настоятелем Исаакия. Вскоре выяснилось, что некоторые из лиц, подавших заявление, были женаты, а личность монаха Исаакия не определена законным порядком. И поскольку последний состоял под

¹ Гурьев В., протоиерей. Из летописи церковной жизни Томской епархии // ТЕВ. 1906. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 9.

² Гурьев В., протоиерей. Письмо с Алтая (Письмо четвертое) // Домашняя беседа. 1868. Вып. 3; Солодчин И. Алтайская миссия // Домашняя беседа 1868. Вып. 37–39; Объяснительная записка начальника Алтайской миссии архим. Владимира // Домашняя беседа. 1868. Вып. 42–45.

³ Гурьев В., протоиерей. Указ. соч. С. 76.

⁴ Просвещение христианскою верою инородцев Западной Сибири // ТЕВ. 1888. № 17. Неофиц. отдел. С. 8.

⁵ ТЕВ. 1906. № 2. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 6.

надзором полиции и не мог даже быть признан монахом, то на поданное 3 февраля 1889 г. прошение в Синод об изъятии Чулышманского Благовещенского монастыря из ведения начальника Алтайской миссии он получил отказ¹.

Именно в этот период миссия начинает менять свою точку зрения на перспективы развития монастыря. В «Отчете об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1888 г.»² отмечалось, что учреждение Чулышманского монастыря не имело на протяжении 25 лет благоприятных последствий для Алтайской миссии, но признавалась его миссионерская польза в противодействии проникновению раскола в район, в распространении православия и бытовой культуры среди инородцев. В отчете говорилось о нежелательности закрытия обители, которая могла бы после благоустройства и оживления принести большую пользу миссии.

В 1889 г. монастырь был поднят на новое место, вверх по течению реки на четыре версты, но после затопления его водой в 1901 г. его перенесли за 10 верст от озера в местность Кайру. В нем проживали врач, таможенный чиновник и нижний полицейский чин³. По сути, в начале XX в. Чулышманский монастырь являлся единственным центром распространения просвещения, русской культуры и форпостом государственности в юго-восточном Алтае. Возрождение обители началось только в начале XX в., когда в русле развития и реорганизации Алтайской миссии стали выдвигаться идеи переноса центра миссии в монастырь — миссия продвигалась в глубь Азии⁴. Миссией было признано, что «...миссионерское значение бедного Чулышманского монастыря огромно не только в религиозном отношении, но и государственном», это «...форпост православия на границе с соседней языческой Монголией»⁵. Для решения проблемы связи монастыря с внешним миром в 1907 г. на Телецкое озеро был доставлен из Санкт-Петербурга паровой катер, который служил на нем до 1944 г.⁶ Дальнейшим планам распространения православия в Азии, в которых Алтаю отводилась роль центра, откуда во все стороны как с опорного пункта устремлялись «отрасли миссии», помешала Первая мировая война и революционные события начала века⁷.

¹ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 год // ТЕВ. 1912. № 12. Неоф. часть, миссионер. отдел. С. 643–645.

² Там же. 1889. № 5. Неоф. отдел. С. 8–9.

³ ТЕВ. 1912. № 12. С. 642–643; ТЕВ. 1902. № 1. Неофиц. часть. С. 11.

⁴ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 г. // ТЕВ. 1912. № 13. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 683; Садовой А. Н. Указ. соч. С. 143.

⁵ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 24; Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 год // ТЕВ. 1916. № 18. Неофиц. часть. С. 13.

⁶ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–2.

⁷ Н. И. Ильминский и Алтайская миссия (продолжение) // ТЕВ. 1906. № 9–10. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 1–4.

Сложная судьба была уготована на первом этапе и Улалинской женской общине. Как и Чулышманский монастырь, она подверглась резким оценкам со стороны сотрудников миссии. В 1868 г. И. Солодчин (будущий епископ Приамурский и Благовещенский) писал, что Алтайская миссия «...соединяла высокие надежды с этими двумя учреждениями...», но фактически они затормозили собою миссионерское дело на Алтае, т. к. отнимали огромные средства у миссии и заслоняли ее от благотворительной помощи Православного общества¹. До 1868 г. община фактически не вошла в состав заведений миссии, т. к. по своему устройству и обеспечению она оставалась «...в непосредственном заведении попечителя миссии»². А. Г. Мальков самовольно перенес общину за 7 верст от с. Уалы, поэтому сестры не могли оказывать помощь в работе с инородцами центральному стану миссии. Общину обвиняли в том, что она, «...руководимая бесконтрольным произволом Малькова, забыла те широкие задачи, которые были положены в ее основу», в бездеятельности, в составлении конкуренции Улалинскому стану миссии³. Несмотря на сложность и изменчивость внешней ситуации вокруг обителей, их существование стало возможным благодаря твердости веры и неустанным трудам иноков.

После разрешения конфликта с купцом Мальковым архим. Владимир (Петров) последовательными шагами изменил положение общины в структуре миссии. С мая 1870 г., по выбору сестер, была утверждена в звании настоятельницы приглашенная начальником миссии из Влахернского монастыря Московской епархии монахиня Ольга, «...вразумевшая существенное назначение общины»⁴. В 1871 г. при общине был открыт свечной завод для снабжения церковей миссии свечами⁵. Сестры общины стали принимать участие в подготовке язычниц к св. крещению, воспитании инородческих детей в приюте, работе больницы центрального стана. В 1880 г. архим. Владимир (Петров) ходатайствовал перед епархиальным начальством о переименовании общины в женский миссионерский общежительный монастырь⁶. В 1881 г. указом Синода община была наименована монастырем. В 1891 г. Улалинский монастырь перенесли со старого места, где он постоянно страдал от весеннего половодья, на 8 верст вверх по течению р. Маймы на склон горы⁷.

¹ Солодчин И. Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 37. С. 880; Вып. 38. С. 915.

² Гурьев В. Письмо с Алтая // Домашняя беседа. 1868. Вып. 3. С. 76.

³ Солодчин И. Указ. соч. // Домашняя беседа. 1868. Вып. 38. С. 913–914.

⁴ Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. II. М., 1872. С. 368.

⁵ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.

⁶ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1880 г. // ТЕВ. 1881. № 16. Неофиц. отдел. С. 237.

⁷ Верещагин В. И. Поездка по Алтаю летом 1908 года (путевые заметки). С. 4.

С именем избранной в 1890 г. настоятельницы Серафимы, построившей монастырь на новом месте с огромным каменным храмом, к которому на богомолье в день монастыря стекалось 10–15 тыс. человек, связано возматание роли монастыря в религиозных, просветительско-благотворительных делах Алтайской миссии в конце XIX – начале XX в. Развитию монастыря способствовало и то, что к началу века Улала превратилась в многолюдное село – административный и торговый центр района.

Основание новых иноческих обителей в Томской епархии в конце XIX – начале XX в. тесно связано с ростом населения и экономическим развитием Бийского, Барнаульского и Змеиногорского уездов, расширением территории, подконтрольной Алтайской миссии. Из семи обителей, возникших в этот период, шесть – два женских монастыря, три женских общины и мужская пустынь – находились в вышеуказанных уездах. В 1916 г. встал вопрос о выделении самостоятельной Алтайской епархии¹. Основание Кучумовской женской общины в 1916 г. в Мариинском уезде связано с активным освоением в это время Мариинской тайги.

Согласно Высочайше утвержденному 1 декабря 1879 г. постановлению Синода, центр Алтайской миссии был перенесен в Бийск, для усиления просветительского влияния миссии начальник миссии в марте 1880 г. назначен викарием Томской епархии епископом Бийским². Бийский архиерейский дом стал важной частью центрального стана миссии.

На протяжении второй половины XIX в. предпринимались и другие попытки основания новых обителей на территории Алтайской миссии. В 1865 г., по данным И. В. Щеглова, была предпринята попытка устроить в Бийском округе Томской губернии единоверческий монастырь³. В 80-е гг. XIX в., в связи с распространением влияния миссии на юг, логическим итогом которого стало образование в 1882 г. Киргизской миссии под руководством начальника миссии, стало готовиться открытие недалеко от г. Семипалатинска миссионерского монастыря, который бы, несомненно, имел большое религиозное влияние как на русское население, так и на инородцев, которых, по расчетам миссии, ислам коснулся только внешней, обрядовой стороной. На всем протяжении «киргизской степи» – от Оренбурга до китайской границы – не было ни одной иноческой обители. С 1881 г. епископ Бийский Владимир (Петров) вел переписку со столицей об устройстве в 17 верстах от города, у известного всему округу урочища «Св. Ключ», рядом с р. Иртыш и караванной дорогой, иноческой обители

¹ РГИА. Ф. 3661. Оп. 1. Д. 538. Л. 1; ТЕВ. 1917. № 6–7. Офиц. часть. С. 101–105.

² Миссионерство в Сибири // ТЕВ. 1882. № 17. Неофиц. отдел. С. 492.

³ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 369.

(что позволило бы привлечь большое количество паломников). В качестве возможных источников к существованию обители обсуждались: хлебопашество, строительство мельницы, рыбные ловли, пожертвования купцов. Однако проект не осуществился из-за финансовых и организационных трудностей¹. В 1895 г. Киргизская миссия перешла к вновь образованной Омской епархии.

В 1894 г. на Алтае появились две новые женские общины: преследовавшая широкие благотворительные цели Бийская Тихвинская община, которая находилась официально в ведении начальника Алтайской миссии, и Барнаульская Богородице-Казанская община с приютом для бедных сирот, открытая по ходатайству епархиального начальства женой коллежского асессора Е. И. Судовской на собственные средства². Вследствие ходатайства епископа Макария (Невского), в 1900 г., согласно указам Синода, общины были обращены в общежительные женские монастыри³. Быстрое развитие вышеуказанных женских монастырей было определено ростом роли Барнаула и Бийска как административных, торгово-промышленных центров юга Западной Сибири. Важной составляющей их экономического благополучия являлась торговля с Монголией, Китаем⁴.

Дальнейшее развитие Алтайской миссии в начале XX в. привело к необходимости организации двух новых иноческих обителей с различными задачами. Указом Синода от 17 января 1911 г. при приюте-богательне Чемальского стана миссии была учреждена женская миссионерская община в честь иконы «Всех скорбящих Радосте». Ее открытие являлось началом реализации проекта архиепископа Томского Макария (Невского) по созданию при общине просветительского центра для всего Горного Алтая, центральным учреждением которого должно было стать училище по подготовке учительниц-инородок для миссионерских школ⁵. К 1917 г. второклассное церковно-приходское училище с учительским классом и образцовой школой при нем превратилось в центр подготовки

¹ Илия, протоиерей. В Семипалатинске (из путевых записок) // ТЕВ. 1881. № 19. Неофиц. отдел. С. 291–292; Ковязин Т. К вопросу об учреждении иноческой обители на Св. Ключе... // ТЕВ. 1882. № 5. Неофиц. отдел. С. 135–139; ТЕВ. 1882. № 14. Неофиц. отдел. С. 405; Миссионерство в Сибири // ТЕВ. 1882. № 17. Неофиц. отдел. С. 492–493.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1310. Л. 1–10; ТЕВ. 1894. № 13. Офиц. отдел. С. 1; № 20. Офиц. отдел. С. 1.

³ Там же. Ф. 796. Оп. 180. Д. 2241. Л. 1–6; Оп. 18. Д. 2427. Л. 1–9; ТЕВ. 1899. № 17. Офиц. отдел. С. 3; Церковные ведомости. 1900. № 27. С. 257; № 28. С. 264–265.

⁴ Пустогачева Т. В. Становление и развитие торговых отношений Горного Алтая // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 184.

⁵ ТЕВ. 1911. № 5. Офиц. часть. С. 87.

педагогических кадров для Алтая. Успешной реализации проекта способствовало личное руководство Макария (Невского), активное участие миссии и помощь благотворителей¹. В 1916 г., в целях развития общины и религиозно-нравственного воздействия при помощи просветительно-благотворительных заведений на округу инородцев, епископ Томский Анатолий, по просьбе епископа Бийского Иннокентия, начальника Алтайской миссии, возбудил ходатайство о преобразовании общины в монастырь.

Открытие женской общины с миссионерской целью на востоке сферы влияния Алтайской миссии (на границе с Енисейской епархией) планировалось руководством миссии длительный период. Помогла ее основанию подвижническая деятельность аскета-инородца Т. В. Шубаева, который в 14 верстах от Матурского стана миссии устроил землянку-келью с молитвенным домом и решил завести мужскую иноческую обитель, заручившись поддержкой благотворителя, петербургского купца М. Д. Усова. Вскоре выяснилось, что разрешение на учреждение монастыря Т. В. Шубаев не получал и не просил. В переписке с епархиальным начальством М. Д. Усов выразил готовность оказать материальную помощь в устройстве обители. Но вместо мужского монастыря, по причине недостатка братии и невозможности полноценно выполнять миссионерские труды, было решено устроить женскую общину как основу для создания миссионерского женского монастыря, миссионерско-просветительское влияние которого должно было простираться и на близлежащие инородческие улусы Енисейской губернии. Для налаживания дел и руководства послушницами в нее были направлены сестры Томского Иоанно-Предтеченского монастыря². В 1912 г. Община была основана с благословения Макария (Невского) и выстроена трудами купца М. Д. Усова.

В этом же 1912 г. была передана в ведение Алтайской миссии строителем Ф. П. Разбойниковым Александро-Невская Жулахинская пустынь, построенная и освященная в память чудесных избавлений царствующего дома от грозивших ему опасностей. Скромная по размерам, не имеющая капитала и земельной собственности, она привлекала большое

¹ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 год // ТЕВ. 1917. № 10. Офиц. часть. С. 211.

² Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 8–9. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 440–441; № 10. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 487; Торжество освящения храма в Матурской Иверской женской общине на Алтае 24 июня с. г. // ТЕВ. 1913. № 18. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 985; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 511; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 год // ТЕВ. 1917. № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 213.

число паломников, т.к. была расположена у святого ключа, известного своими чудодейственными свойствами. Переселенцы из Тульской губернии, обосновавшиеся полвека назад в данном районе, поддержали намерение Ф. П. Разбойникова, который после таинственного видения изображения Спасителя послал прошение об открытии пустыни на Высочайшее имя и начал строительство храма и обители. Пустынь приписали к Чулышманскому монастырю, для которого она приобрела значение важного источника доходов. Для организации дел в нее был отправлен иеромонах Дмитрий (Борисенко). Руководство миссии признало, что деятельность пустыни отвечает задачам миссии с точки зрения расширения сферы ее влияния¹.

Вне территории Алтайской духовной миссии в начале XX в. возникли только две женские общины, основанные монахинями монастырей европейской части империи. Синюхинская женская община возникла в 1911 г. близ с. Кольванского Змеиногорского уезда на земле Кабинета. У ее истоков стояли монахини Царевококшайского Богородице-Сергиевского монастыря, которые обратились с ходатайством об открытии обители к митрополиту Московскому Макарию (Невскому). Образование общины в обширном крае, не имевшем иноческих обителей, было признано желательным, и епархиальное начальство оказало сестрам необходимую помощь. Сразу нашлись и благотворители (Н. Н. Макаров, В. Сернов, Е. Митина, супруги Дробышшевы). Такое положение вещей стало типичным для районов интенсивного социально-экономического развития Томской епархии. Община должна была принести «...несомненную пользу в деле охранения и укрепления народных религиозных чувств...», став просветительно-религиозным центром края². В связи с переселенческим движением в начале XX в. Змеиногорский уезд активно осваивался, кроме того, община была расположена в живописном месте, известном своими историческими достопримечательностями. Съезжающие в эти места на лето дачники и путешественники могли найти приют в общине и не только любоваться красотами природы, но и посетить шлифовальную императорскую фабрику и Демидовский рудник. Все это служило важным источником формирования экономической основы обители, имеющей перспективу дальнейшего развития³.

¹ Отчет об АДМ за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 591–597; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 512; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 г. // ТЕВ. 1917. № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 212–213.

² Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 513–514.

³ Белоуско А. Новая женская община на Алтае // ТЕВ. 1913. № 7. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 398–399.

Указом Синода от 3 мая 1916 г. в поселке Кучумовском Мариинского уезда была учреждена Алексеевская женская община с религиозно-просветительской целью. Ее организовали монахиня Александровского Кошлоушского монастыря Казанской епархии Вера и 15 послушниц. У обители также сразу нашлись жертвователи¹.

Важно отметить, что из 11 иноческих обителей Томской епархии, возникших во второй половине XIX – начале XX в., семь было основано по инициативе частных лиц и при экономической поддержке благотворителей, в основном из среды купечества. Практически во всех случаях церковная власть, не выступая инициатором образования обителей, в дальнейшем, в силу узаконенных полномочий, полностью контролировала процесс их организации и развития, максимально используя для решения задач, стоящих перед миссией и епархией.

К 1917 г. в Томской епархии существовало 13 обителей: два архиерейских дома, два мужских монастыря и пустынь, четыре женских монастыря и четыре общины (см. приложение 1, табл. 1). В 1916 г. планировалось открытие новых обителей в епархии и преобразование некоторых женских общин в монастыри для улучшения религиозно-просветительской работы и экономического положения Томской епархии, что свидетельствует о высокой оценке деятельности монастырей юга Западной Сибири руководством Русской Православной Церкви и правительством².

Учреждение и развитие монастырей Томской епархии было частью общероссийских процессов, но имело свой специфический сибирский облик, сложившийся под влиянием географических и местно-бытовых условий. Связанные общностью происхождения и исторической ролью с сибирскими монастырями, обители Томской епархии обладали и самостоятельными чертами по сравнению с соседними регионами, обусловленными геополитическими интересами Российской империи на юге Западной Сибири – месте, где столкнулись интересы трех мировых религий, имеющих общую особенность – возможность порождать великие цивилизации, выходящие за пределы одного этноса. По причине нехватки сил и средств, правительство использовало для укрепления своих позиций на этой территории – организационные структуры Церкви. В распространении православия как основы русской цивилизации большое значение имела деятельность Алтайской духовной миссии в 1830–1917 гг. Важным звеном миссии были

¹ ТЕВ. 1916. № 12. Офиц. часть. С. 357; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 г. // ТЕВ. 1917. № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 214.

² Там же. 1916. № 13. Неофиц. часть. С. 455–456.

монастыри, в 1917 г. из 13 обителей Томской епархии семь (архиерейский дом, мужской монастырь, мужская пустынь, два женских монастыря и две женские общины) находились в ведомстве Алтайской миссии. В них служили Богу 27 иноков, 11 послушников мужского пола и 49 инокинь, 388 послушниц женского пола (8 % монашествующих и послушников мужского пола и 92 % женского пола). Это составляло 49 % монашествующих и послушников о.п. в Томской епархии. Один монашествующий или послушник приходился на 140 человек 66-тысячной православной паствы миссии¹. В 1915 г. в штате Алтайской миссии состояли: начальник миссии, протоиерей, 36 священников, три иеромонаха, 10 диаконов, 30 псаломщиков, 70 учителей. На 41 миссионера и 110 служащих миссии приходилось 466 насельников и насельниц обителей АДМ: три игумены, схимонахиня, 45 монахинь, 388 рясофорных послушниц и состоящих на искусе, девять иеромонахов, три иеродиакона, семь монахов, десять послушников². Преобладание женских монастырей и общин объясняется установкой миссии на распространение православия через женские обители с параллельным обучением местного населения грамоте, азам медицины и правилам гигиены, более совершенным методам ведения хозяйства. Ставка делалась на большую эффективность работы с женщинами-инородками, наиболее консервативными носителями традиционной культуры, и детьми, т.к. формирование религиозной веры происходит в детском возрасте одновременно с пробуждающимся сознанием. На Алтае, в силу природных условий и особенностей ведения хозяйства, миссионерам приходилось «...иметь дело только почти с женщинами и детьми»³. Надо отметить, что в начале XX в. в Российской империи действовало около 20 миссионерских монастырей и, как правило, они были мужские.

Тенденция прогрессирующего роста женских обителей по сравнению с мужскими проявилась на юге Западной Сибири наиболее ярко: 1) к 1917 г. в Томской епархии женские обители количественно превосходили мужские почти в 1,5 раза; 2) монашествующие и послушницы жен.пола составляли 90 % от общего количества монашествующих и послушников о.п. Томской епархии. Послушницы женского пола составляли 87 % от числа инокинь и послушниц, 78 % от общего количества монашествующих и послушников о.п. Томской епархии; 3) все женские монастыри Томской епархии появились во второй половине XIX в. в виде женских общин на волне крупных изменений в жизни российского общества. Созвучие их появления и деятельности духу времени позволило им сыграть

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 13, 42–51; ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 517.

² Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 42–57; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. // ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 517.

³ ТЕВ. 1891. № 4. Неофиц. отдел. С. 1.

значительную роль в деле просвещения, развитии благотворительных заведений, миссионерском служении на юге Западной Сибири.

В соседней Тобольской епархии, где монастыри имели более древние традиции, социально-карикативная и миссионерская работа имела свою специфику, т. к. в силу консерватизма и других причин (утрата позиций центра и динамика развития) они не смогли так же быстро и эффективно, как вновь образованные общины молодой Томской епархии, сосредоточиться на новой сфере приложения сил (социально-карикативной). К концу XIX в. в Тобольской епархии существовали архиерейский дом, три мужских, два женских монастыря, женская община. Два женских монастыря и община были преобразованы из мужских по причине упадка и запустения последних¹. Все женские обители Тобольской епархии при учреждении уже имели прочную экономическую базу, доставшуюся от упраздненных мужских монастырей, кроме того, были штатными – получавшими содержание от государственной казны. Основание новых обителей началось в епархии в начале XX в., когда появилось пять или, по другим данным, шесть женских общин². Несмотря на то, что процесс образования женских обителей, возрастание числа монашествующих и послушниц жен. пола шел в Тобольской епархии медленнее, чем в соседней Томской, и имел свои особенности, в основе развития женских обителей лежала просветительско-благотворительная деятельность.

Женские обители основывались как в административно-экономических центрах Томской губернии, так и в перспективных с точки зрения дальнейшего освоения и развития районах. На территории Алтайской миссии места их возникновения обозначали направления дальнейшего развития миссии. Томский архиерейский дом, Алексеевский мужской и Иоанно-Предтеченский женский монастыри были расположены в губернском центре – г. Томске, Бийские архиерейский дом и Тихвинский женский монастырь – в окружном городе и центре Алтайской духовной миссии – Бийске, Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь – в окружном городе Барнауле. Остальные обители находились на больших расстояниях от городов. Так, Улалинский монастырь – в 105 верстах от г. Бийска и 631 от г. Томска, в 6 верстах от с. Улалы³; Чемальская миссионерская община – в 160 верстах от г. Бийска в с. Чемальском; Александровская пустынь – в Барнаульском уезде, близ с. Жуланихи, в 137 верстах от г. Бийска; Синюхинская община – близ

¹ Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. 2. Отдел 2. С. 113, 122–123, 128, 139.

² Зыбковец В. Ф. Указ. соч. Приложение 1; Азиатская Россия. С. 223.

³ Православные русские обители. С. 701.

с. Колыванского Змеиногорского уезда и Алексеевская – в поселке Кучумовском Мариинского уезда. В значительном отдалении от русских населенных пунктов находились Чулышманский монастырь, расположенный в 6 верстах от стана миссии, 382 верстах от г. Бийска и 908 от г. Томска и Матурская община, находящаяся в Кузнецком уезде в 220 верстах от г. Минусинска, в нескольких верстах от стана миссии и 30 верстах от русских селений Енисейской губернии. Добраться до нее можно было только через Красноярск и Минусинск водным путем¹. В советской историографии распространенным являлся тезис о том, что за всю дореволюционную историю Русской Православной Церкви не было «...ни одного случая, чтобы монастырь основывался в глуши и чаще безлюдной»². Значение деятельности монастырей в процессе освоения языческого мира определялось соответствием его местоположения задачам, стоящим перед обителями, а не глухостью и безлюдностью места. Действительно, смысла организации монастыря в безлюдной сибирской глуши не было, т. к. одной из основных задач, стоящих перед обителями, была религиозно-просветительская деятельность по отношению к окружающему населению. Само существование обителей, основанных посреди языческого мира, вдали от русских поселений, имело важное миссионерское значение.

1.2. Источники существования обителей Томской епархии

Все иноческие обители Томской епархии, кроме Томского Алексеевского монастыря 3-го класса, Томского и Бийского архиерейских домов, являлись заштатными и не получали содержания от государственной казны. На строительство и поддержание работы учебных и благотворительных заведений при них могли отпускаться единовременные или постоянные пособия из средств Синода. Например, Училищный Совет Синода после разрешения строительства здания Чемальской второклассной школы при женской общине выделил пособие в 20000 руб. при смете в 52000 руб.³ С включением монастырских школ в епархиальную систему просветительских заведений им назначалось ежегодное пособие от Епархиального Училищного Совета⁴.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3081. Л. 6–7; Оп. 4. Д. 598. Л. 42–59; ТЕВ. 1913. № 18. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 985.

² Прошин Г. Г. Правда о православных монастырях // Атеистические чтения: сборник. М., 1989. С. 329.

³ Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 год // ТЕВ. 1914. № 7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 468.

⁴ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–28; Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 67; Томская епархия в 1900 году // ТЕВ. 1901. № 14. Неофиц. отдел. С. 17; Томская епархия в 1902 // ТЕВ. 1903. № 15. Неофиц. отдел. С. 41–42.

Томский Алексеевский монастырь получал пособие взамен следующих от казны земельных угодий. По этой статье монастырям в 1875 г. было отпущено Синодом 408749 руб. Из этой суммы Томская епархия получила всего 668 руб. (пособие Алексеевскому монастырю), Московская — 43154 руб., Петербургская — 15823, Казанская — 8808, Иркутская — 5490, Тобольская — 4767, Енисейская — 1675, Якутская — 1346¹. В 1916 г. из 934 монастырей в Российской империи только 275 были обеспечены казенным содержанием². Суммы, выделяемые государством для архиерейских домов Томской епархии и Алексеевского монастыря, не являлись для них основным источником доходов. Алексеевский монастырь после обращения в общежительный монастырь в 1909 г. сохранил содержание от казны 668 руб. 88 коп. При этом назначенному настоятелем епископу Барнаульскому полагалось ежегодно 2000 руб. из доходов монастыря³. Бийский архиерейский дом при ежегодном пособии от казны в 1000 руб. только от хождения с чтимыми иконами по окрестным селением собрал в 1910 г. 4000 руб⁴.

Важным источником существования, особенно на стадии возникновения обителей, служили пожертвования основателей и благотворителей (денежные капиталы, земельные участки и недвижимость, съестные припасы и вещи). Многие пожертвования делались в виде вечных вкладов в банковские учреждения с условием использования только процентов по вкладам на конкретные цели: содержание причта, учебных и благотворительных заведений, строительство храмов и т. п. Постепенно из пожертвований, денег, завещанных в пользу обителей и внесенных на помин души, формировались неприкосновенные капиталы монастырей и женских общин епархии, процент с которых становился одним из наиболее стабильных источников содержания обителей.

Наиболее благополучным в этом отношении был нештатный общежительный женский Томский Иоанно-Предтеченский монастырь, не имевший пособия от казны и содержащийся на собственные средства (в т. ч. приют, училище, больница). При открытии его основательница и первая настоятельница Е. И. Михеева (монахиня Евпраксия), купец И. А. Еренев и купеческая жена Н. Хромова сделали значительные пожертвования денежными капиталами, вложенными в Томский общественный Сибирский банк, и земельными участками. Необходимо отметить, что объем пожертвований в пользу монастырей со стороны купцов был напрямую связан с успешностью ведения бизнеса, что, в свою очередь,

¹ Ростиславов Д. И. Указ. соч. С. 91–92.

² Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988. С. 407.

³ ТЕВ. 1909. № 23. Офиц. часть. С. 1–2.

⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 44, 57; Д. 455. Л. 11–12.

зависело от уровня экономического развития региона. Так, именно в 60-е гг. XIX в. произошло расширение кожевенного производства И. А. Еренева, выпускающего до 30–50 тыс. кож в год на сумму 100–250 тыс. руб.¹ По желанию настоятельницы, полагавшей, что для содержания обители достаточно будет средств, пожертвованных первоначально основателями, закреплению указом Синода, монастырь не имел права испрашивать книги для сбора добровольных пожертвований и пособия от казны². За 1895–1916 гг. капитал монастыря возрос с 50180 до 93180 руб.³ В 1916 г. из 93180 руб. 3700 составлял церковный капитал, 39440 — причтовый, 38640 — монастыря и сестер, 11400 — училищный. Капитал монастырского училища для детей-сирот духовного звания сформировался из 10000 руб., вложенных настоятельницей при открытии училища в 1877 г., 500 руб., пожертвованных цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 г., 900 руб., приобретенных от экономии в расходах и платы за сверхштатных учениц. В 1916 г. процент с неприкосновенного монастырского капитала (38640 руб.) составил 7765 руб., с училищного — 325 руб. 05 коп. На содержание сестер и монастыря в этом году было израсходовано 48779 руб. 04 коп., на училище 2628 руб. 67 коп. (сверх продуктов питания и одежды от монастыря)⁴.

Рост капиталов градо-Томских монастырей шел более быстрыми темпами, чем у обителей Алтайской миссии, не имевших столь богатых жертвователей (см. приложение 1, табл. 2). Ценные бумаги миссионерских монастырей и женских общин хранились вместе с капиталами Алтайской миссии в Бийском окружном казначействе. Первоначально Чулышманский и Улалинский монастыри строились и содержались на средства благотворителя барнаульского купца А. Г. Малькова и первого миссионерского общества, затем на средства, выделяемые миссии Православным миссионерским обществом и княгини Васильчиковой⁵. С конца XIX в. Улалинский монастырь ежегодно получал пособие от миссии 400 руб.⁶ После перевода в монастырь приюта для инородческих детей из Улалинского стана на его содержание миссией из средств Православного миссионерского общества также ежегодно выделялось пособие⁷. Капитал монастыря возрос за период с 1885 по 1910 г. с 3100 руб. до 34150 руб. В 1912 г. капитал монастыря

¹ Дмитриенко Н. М. Промышленность Томска в эпоху капитализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 70–71.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 43–45.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 435. Л. 7–8; Д. 598. Л. 65, 71.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 72–74.

⁵ Объяснительная записка начальнику Алтайской миссии архим. Владимира // Домашняя беседа. 1868. Вып. 43. С. 1039.

⁶ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–18; ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 173–174.

⁷ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–108; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 144. Л. 30б.

составлял 35100 руб., причта — 150, приюта — 3600¹. Капитал Чулышманского монастыря увеличился за этот период со 100 руб. до 3020 руб. 57 коп., приютский капитал в 1909 г. составил 1254 руб. 20 коп.² Капитал Бийского Тихвинского монастыря вырос в течение 1897—1910 гг. с 5400 до 14400 руб., Барнаульского Богородице-Казанского монастыря за период 1899—1910 гг. с 25200 до 36970 руб. (см. приложение 1, табл. 3)³. Образованные в начале XX в. женские обители и мужская пустынь также были построены на средства благотворителей, в их пользу были сделаны денежные и земельные пожертвования. Большую роль в быстром обустройстве обителей играли вклады, сделанные на строительство монастырских зданий и церквей. В начале XX в. в Улалинском монастыре был возведен громадный каменный храм, строительство которого обошлось в сумму около 100000 руб.

Наиболее крупные пожертвования, сделанные в пользу миссии, часто распределялись между иноческими обителями и просветительно-благотворительными заведениями. Так, пожертвование М. А. Черкасовой (33320 руб.) было распределено следующим образом: 5000 — на устройство и содержание Чемальского приюта, 15.005 — на нужды Чемальской общины, 5000 — на приют при Чулышманском монастыре, по 300 руб. — Бийскому архиерейскому дому, Чулышманскому и Тихвинскому монастырям, 100 — Улалинскому монастырю⁴. С чистого дохода, ежегодно получаемого с дома, пожертвованного А. Г. Товаровой, в 1914 г. было отпущено: Чемальской общине с приютом — 1500 руб., второклассной школе при Чемальской общине 1000 руб., Чулышманскому приюту 500 руб., Чулышманскому интернату для мальчиков 500 руб., приюту при Улалинском монастыре — 500 руб., Катехизаторскому училищу — 1000 руб., школам миссии — 1000 руб.⁵ Данные факты свидетельствуют о повышенном внимании, которое уделяло руководство миссии развитию монастырей, женских общин и просветительно-благотворительных заведений при них.

Кроме крупных пожертвований, сделанных представителями духовенства, купечества, дворянства и чиновничества, небольшие

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 435. Л. 20—21; Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107—108; Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 67—68.

² Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 435. Л. 19; Справочная книга по Томской епархии за 1909/1910 гг. С. 93.

³ ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 194; Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 66; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 99.

⁴ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 6. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 296—297.

⁵ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1914 год // ТЕВ. 1915. № 8. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 316—317.

денежные суммы на нужды монастырей завещали представители различных социальных слоев. Например: в 1916 г. двенадцать человек по духовным завещаниям в пользу монастырей и причтов Томской епархии оставили 6699 руб. 46 коп. Жертвователями были шесть крестьян, четверо мещан, один отставной канцелярский служащий и почетная гражданка г. Бийска¹.

Если на начальном этапе существования основным источником существования иноческих обителей являлись пожертвования, то со временем монастыри создавали развитые комплексные хозяйства, которые составляли основу экономической самостоятельности и независимости от мира. Необходимо подчеркнуть, что монастырское хозяйство было ориентировано на самообеспечение, а не на получение доходов.

Основной доход на рубеже веков монастыри Томской епархии получали от результатов деятельности собственного хозяйства и капитала (см. приложение 1, табл. 4). Базу материального благополучия Томского Иоанно-Предтеченского монастыря составлял свечной завод (откр. в 1878 г.), долгий период удовлетворяющий потребность в свечах большинства причтов епархии. Сестры выполняли золотошвейные работы, шитье и ремонт церковных одежд, чистку и позолоту иконостасов. На «Александровской даче» (264 дес. 2018 кв. саж.), купленной на деньги, полученные в результате работы свечного завода и рукодельной мастерской, были расположены скотный двор, молочное хозяйство, огород, сенокосы, воскобойня и воскодельня². В 1910 г. доход от свечного производства, мастерских, сельского хозяйства и продажи просфор составил 19890 руб. 67 коп. (68 % от общего дохода Иоанно-Предтеченского монастыря в 29436 руб. 44 коп.); в 1916 г. — 22399 руб. 39 коп. (63 % от общего дохода в 35740 руб. 75 коп.). Большую часть дохода составляла прибыль от свечного завода: 14583 руб. 29 коп. в 1910 г., 12730 руб. в 1916 г.³. Важное значение в хозяйстве играло наличие арендных статей. Только от дома, пожертвованного вдовой коллежского советника С. Ф. Штадель, с 1895 г. сданного в аренду Управлению Томской железной дороги, монастырь ежегодно получал 3000 руб.

Для Томского архиерейского дома и Алексеевского монастыря деньги, полученные от сдачи в аренду земли и домов, служили основным источником дохода. В Томском Алексеевском монастыре в 1909 г. из 11523 руб. 25 коп. общего дохода — 8900 руб. 42 коп. (77 %) составила арендная плата⁴. В 1916 г. 8 дес. находилось в аренде, 393 дес. были отдаваемы исполу,

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 77.

² Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 62—63, 75.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 23—26; Д. 598. Л. 74—75.

⁴ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 90.

6 дес. обрабатывалось самостоятельно. Архиерейский дом в 1910 г. получил от арендных статей (жилые дома, сенокосные угодья, рыбная ловля) 9033 руб.¹

Основными источниками содержания для монастырей и общин Алтайской миссии и Барнаульского Богородице-Казанского монастыря были земельные угодья и доход от собственных трудов. Расширение хозяйства Улалинского монастыря было тесно связано с развитием Горного Алтая. С ростом товарно-денежных отношений, интенсивным заселением региона повысилась доходность скотоводства и молочного хозяйства, монастырское хозяйство приобрело товарный характер². Во второй половине XIX в. основой хозяйства монастыря являлось свечное производство (откр. в 1871 г.) В 90-е гг. завод вырабатывал до 800 пудов свечей белого воска на сумму 20–26 тыс. руб. с прибылью около 4000 руб.³. Монастырь имел подворья с свечными складами в Бийске и Барнауле. Покупка свечей со складов монастыря была обязательна для Бийского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского округов. В начале XX в. производство значительно сократилось⁴. Открытие свечных заводов при монастырях епархии в 70–80-е гг. было отражением общей тенденции хозяйственных преобразований в Русской Православной Церкви. Вопрос об открытии свечных заводов обсуждался в епархиях и Синоде в целях: 1) удержания капиталов, которые ранее переходили к частным заводчикам и торговцам; 2) учета доходов от свечных операций; 3) улучшения качества продукции. Как показал опыт работы свечных заводов, открытых при женских обителях Томской епархии, расчет оказался верен. Они долгий период обеспечивали потребность причтов епархии. Уменьшение объемов монастырского свечного производства в начале XX в. было следствием долгих трений между руководством монастырей и депутатами общепархиальных съездов в процессе открытия епархиального свечного завода и ограничительных мер по отношению к другим заводам после начала его работы в августе 1895 г.⁵

В 1910 г. сестры Улалинского Николаевского монастыря занимались 22 различными видами деятельности. При монастыре работала крупная

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 7–10.

² Богомолова А. П., Модоров Н. С. К вопросу о хозяйственно-экономической деятельности Улалинского монастыря (конец XIX – начало XX в.) // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Бийск, 1999. С. 296–298.

³ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–18; ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 173–174.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 43–44.

⁵ Журнал Томского общепархиального съезда о.о. депутатов. № 29 // ТЕВ. 1884. № 1. Нефид. отдел. С. 77; Проект устава Томского епархиального завода восковых свечей // ТЕВ. 1885. № 5. Офиц. отдел. С. 14–15; Епархиальный съезд духовенства и церковных старост // ТЕВ. 1912. № 22. Офиц. часть. С. 487–489.

иконописная мастерская (откр. в 1889 г.). Важную роль в многоотраслевом хозяйстве играли скотоводство, огородничество, пчеловодство. В монастырских отчетах отмечалось, что «...главным источником к содержанию монастыря служат обработки сестрами земли сенокосной, огородничество, скотоводство»¹. В начале века с ростом доходности молочного хозяйства было увеличено стадо дойных коров, заведено маслодельное производство, часть продукции которого шла на экспорт. Оно принесло в казну монастыря 1348 руб. в 1908 г., 1256 руб. — в 1910 г. Часть земли и дома сдавались монастырем в аренду: в 1900–1910 гг. сенокосные угодья — за 300 руб. в год, дома — за 200 руб.² В 1916 г. в аренде было 100 дес. земли, 800 дес. обрабатывалось собственными силами.

Чулышманский монастырь, несмотря на то, что его местонахождение значительно увеличивало стоимость при транспортировке товара, имел развитое сельское хозяйство, применял прогрессивные для своего времени технологии и орудия труда. В 1908 г. монастырское хозяйство имело скотный двор с сепаратором и маслобойкой, пресс для выжимки растительных масел, две водяные мельницы и кузницу³. Применение изобретенного в 1879 г. сепаратора позволило уменьшить расход молока на пуд масла с 35 пудов до 21–23 и ускорить процесс переработки в 2–3 раза. Следствием этого стало повышение товарности молочного хозяйства, увеличение доли скотоводства в сельском хозяйстве, рост объема и концентрации производства⁴. По данным алтайской статистической экспедиции 1897 г., монастырское стадо насчитывало 150 голов скота и 50 лошадей⁵. В 1903 г. — 15 лошадей, до 130 голов рогатого скота (50 дойных коров), 20 голов овец⁶. Кроме огородничества, пчеловодства, рыбных ловель, монастырь, располагавший из обителей епархии самыми крупными угодьями, пригодными для хлебопашества, с конца XIX в. занимался посевами зерновых. При уборке урожая использовались жнейка и конная молотилка. Пашни орошались арыками, что позволяло собирать обильные урожаи без истощения почвы в течение многих лет. С лугов собиралось более 2000 копен сена с помощью сенокосилки⁷. В отчете монастыря указывалось, что «средств на содержание монастырь не имеет никаких,

¹ ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 174об.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 43–46; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 139. Л. 1об., 4; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 100.

³ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 12. Л. 18.

⁴ Алексеева В. К. Роль новых отраслей в хозяйственном освоении дореволюционной Сибири // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С. 70–76.

⁵ Шевцов С. П. Указ. соч. С. 163.

⁶ Тыжнов И. И. Указ. соч. С. 118.

⁷ Там же. С. 117–118.

кроме земли сенокосной и хлебопахотной, отдаваемых временно в аренду местным инородцам...»¹. В 1910 г. от сдачи в аренду пахотной и сенокосной земли монастырь получил 645 руб.² В 1916 г. в аренду было отдано 936 дес. земли и 244 дес. обрабатывались своими силами.

Большое значение развитию сельскохозяйственной отрасли придавали Бийский Тихвинский и Барнаульский Богородице-Казанский женские монастыри. Для этой цели они арендовали земли у Кабинета: около 450 дес. Бийская и 600—900 дес. Барнаульская обители. В Тихвинском монастыре сестры занимались скотоводством (молоко сдавали на маслодельный завод), огородничеством, пчеловодством, разведением домашней птицы для удовлетворения собственных потребностей. Денежных доходов данные отрасли монастырского хозяйства не приносили³. Барнаульский монастырь, несмотря на крупное сельское хозяйство, также получал небольшой доход от продажи излишков (пшеница, овощи, сено, молоко, творог). В 1899 г. из 5454 руб. 87 коп. общего дохода 728 руб. 47 коп. (13 %) было получено от результатов сельскохозяйственной деятельности, в 1907 г. из 10740 руб. 70 коп. — 882 руб. 03 коп. (8 %)⁴. В натуральном выражении результаты сельского хозяйства монастыря выглядели куда более внушительно. В 1913 г. было получено с 60 дес. 4200 пудов пшеницы, с 3 дес. — 200 пудов ярицы, с 40 дес. — 3500 пудов овса, с 2 дес. — 120 пудов гороха, с 3 дес. — 1000 пудов картофеля, с 2 дес. — 200 пудов проса, с 1 дес. — 54 пуда конопли, 5700 вилок капусты, 100 ведер огурцов, 3500 копен сена. Монастырское стадо состояло из 35 лошадей, 68 голов рогатого скота, 85 овец. На пасеке находилось 36 колодок⁵. В начале XX в. значительную долю в общих доходах составляла прибыль, полученная от свечного производства. В 1911 г. при монастыре были вновь открыты живописная и иконописная мастерские.

Для основанных в начале XX в. общин также большое значение имело развитие сельского хозяйства. Спустя четыре года после образования, отдаленная от русских селений и малочисленная Матурская община занималась хлебопашеством и огородничеством на арендованной земле, имела 8 ульев, 4 лошади, 6 дойных коров и домашнюю птицу. Определенное значение играла и сдача в аренду домов дачникам Чемальской и Синюхинской общинами, земли — Матурской общиной.

Небольшой, но стабильный доход на протяжении всего времени монашеские обители Томской епархии получали от кружечно-кошельковых сборов, продажи могил, церковных принадлежностей, свечей и просфор и т. д. Иноческие обители Томской епархии вели активную хозяйственную деятельность, связанную с куплей-продажей земельных участков, сдачей в аренду земли и недвижимости, строительством, ценными бумагами, производством и торговлей, развитием сельского хозяйства и художественных ремесел. Специфика каждого монастырского хозяйства зависела от особенностей внешней среды. Приспосабливаясь к изменению внешних факторов (политика государства и епархиального начальства, наличие благодетелей, социально-экономическое развитие региона и т. д.) менялся и хозяйственный организм. В начале XX в. монастырское хозяйство приобрело товарный характер, вписываясь в новый ритм рыночных отношений. Основным источником содержания монашеских обителей епархии являлась хозяйственная деятельность, значительную роль играли пожертвования благодетелей. Для монастырей, имеющих большие земельные участки и недвижимость, важную долю дохода составляли арендные статьи. В 1910 г. от арендных статей обители Томской епархии получили доход 19300 руб. 23 коп.: Томский архиерейский дом — 9033 руб., Томский Алексеевский — 6068 руб., Томский Иоанно-Предтеченский — 1816 руб. 23 коп., Улалинский — 300 руб., Чулышманский — 645 руб., Барнаульский Богородице-Казанский — 1335 руб., Бийский Тихвинский — 103 руб.¹ Местоположение монастырей, часто удаленных от русских населенных пунктов, также способствовало развитию собственного хозяйства. На частые жертвования знатных людей и сборы с паломников, которые были важными источниками доходов для монастырей густонаселенных и экономически развитых епархий европейской части империи, рассчитывать не приходилось. Монастыри Томской епархии играли положительную роль в хозяйственном освоении и развитии региона, оказывая значительное влияние на окружающий языческий мир путем распространения русской бытовой культуры.

С конца XIX в. усилились нападки на монастыри с обвинениями в нарушении обетов бедности и нестяжательства. Богатства монастырей признавались бесполезными и вредными в религиозно-нравственном отношении². Но без прочной экономической основы была невозможна независимость обителей от мира, а следовательно, и достижение духовной

¹ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 9—10.

² Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 39—40.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37—46; Ф. 184. Оп. 1. Д. 22. Л. 64—92.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 6. Л. 1—3.

⁵ Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 15. Л. 4об. — 5об.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 1—50.

² Ростиславов Д. И. Указ. соч. С. 381.

свободы, без которой не могло произойти полного отречения от мира. Вместе с развитием монастырского хозяйства обитатели получали возможность принимать всех желающих в иночестве служить Богу и людям, открывать и расширять учебные и благотворительные заведения при обителях.

Основной формой государственной поддержки заштатных иноческих обителей Томской епархии являлось наделение земельными угодьями в бесплатное пользование на срок существования. За 1836–1861 гг. около 180 монастырей, расположенных в Российской империи, получили от казны более 16000 дес. леса и 9000 дес. пахотной и луговой земли¹. Вместе с утверждением определений Синода об открытии монастырей император пожаловал из земель Кабинета Улалинскому монастырю 6444 дес. 1297 кв. саж., Чулышманскому — 3 856 дес. 576 кв. саж.² До 1916 г. земельный фонд указанных обителей оставался без изменений. В 1916 г. Чулышманскому монастырю был пожертвован участок в 16 кв. саж. крестьянином с. Артыбаш Бийского уезда³. Бийскому и Барнаульскому женским монастырям в начальный период существования были выделены в бесплатное пользование участки для строительства обителей и служебных построек: первому — 22 1/2 дес. в 1897 г. и 6 дес. 1432 кв. саж. в 1904 г., второму — 22 дес. 528 кв. саж. в 1896 г.⁴ Долгое время обители для ведения сельского хозяйства были вынуждены арендовать земли у Кабинета. На многочисленные прошения настоятельниц, ходатайства епископа Макария (Невского) приходили отказы от министра императорского двора «...ввиду особой ценности этих земель и необходимости их для общегосударственных целей»⁵. Только после усилий, предпринятых митрополитом Московским Макарием (Невским), Бийскому Тихвинскому и Барнаульскому Богородице-Казанскому монастырям в 1914 г. было выделено в бесплатное пользование на время существования по 300 дес. земли различного рода угодий⁶. Земельные угодья, ранее находившиеся в пользовании сельских обществ, передавались в ведение обителей только после приговоров обществ об уступке участков.

¹ Ростиславов Д. И. Указ. соч. С. 73–74.

² Храпова Н. Ю. Захваты земель Горного Алтая Алтайской духовной миссии в пореформенный период... С. 206–218.

³ ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 509; Указ Его Императорского Величества из Синода от 3 января 1917 года // ТЕВ. 1917. № 3. Офиц. часть. С. 35–36.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3218. Л. 75–75об. // Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1997. С. 93–98.

⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3218. Л. 67–68 // Там же. С. 95.

⁶ Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 год // ТЕВ. 1915. № 6–7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 317.

В начале XX в., в связи с интенсивным заселением региона, землеустроительной политикой государства на Алтае, угодья в бесплатное пользование существующим и вновь образованным обителям не выделялись. Закон от 31 мая 1899 г. о землеустройстве населения Алтайского округа отвод земель монастырям не предусматривал, а бесплатное выделение земель было прекращено по Высочайшему повелению от 20 августа 1908 г. Но земельные участки могли быть выделены для обеспечения работы причтов, церковно-приходских школ. Вновь учрежденным общинам оказывалось содействие путем назначения льготной цены при продаже земли и сдаче в долгосрочную аренду. Матурская и Синюхинская женские общины арендовали земли у Кабинета, Кучумовской были пожертвованы небольшие земельные участки. К Александровской пустыни был приписан Жулахинский приход с земельным участком. Чемальской общине для обеспечения второклассной церковно-приходской школы было выделено 46 дес. земли, кроме этого, обитель арендовала у Кабинета 60 дес.¹

Из 465 дес. 1513 1/4 кв. саж. земельных угодий Томского Иоанно-Предтеченского монастыря 57 дес. 1170 1/4 кв. саж. было пожертвовано в пользу обители, находилось в собственности 256 дес. 1373 дес. (участок куплен в 1886 г.), 151 дес. 1370 кв. саж. отведено управлением Государственного имущества в 1909 г.² Томский Алексеевский монастырь, кроме собственных владений, был обеспечен казенными землями как штатный монастырь. 1198 дес. 2327 кв. саж. были оставлены по указу 26 февраля 1764 г. и возвращены в течение XIX в. настоятелями из утраченных в результате секуляризации угодий на основании указов Петра I и Николая I³.

Таким образом, из 12267 дес. 1506 1/4 кв. саж. монастырского земельного фонда Томской епархии в 1910 г. более 90 процентов составляли земли, выделенные государством в бесплатное пользование на срок существования обителей. Если в 1890 г. четыре монастыря и Томский архиерейский дом были наделены 7647 дес. земли⁴, то в 1910 г. ее размер составил более 12267 дес., т. е. возрос за 20 лет более чем в 1,5 раза. Монастырский земельный фонд состоял из различных категорий угодий. Их соотношение постепенно менялось в связи с расширением

¹ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. // ТЕВ. 1916. Неофиц. часть. № 15. С. 511–512; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 г. // ТЕВ. 1917. № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 211, 214.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 25–26.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 19–20; Беликов Д. Н. Указ. соч. С. 91–96.

⁴ Любинецкий Н. А. Указ. соч. С. 10.

монастырями площади пахотных и сенокосных угодий. В начале XX в., в связи с открытием новых обителей и развитием старых, расширился фонд казенных монастырских земель, с развитием монастырского сельского хозяйства увеличилась доля арендованных кабинетских земель, незначительно возросла за счет пожертвованных долей земель, находящихся в собственности (см. приложение 1, табл. 5).

1.3. Управление и организационная структура монашеских обителей

Управление монастырями и общинами Томской епархии – низовыми подразделениями организационной структуры Русской Православной Церкви – осуществлялось в исследуемый период по традиционной трехуровневой схеме: Синод – епархиальное начальство – монастырская администрация.

В монастыре по гражданско-церковным законам и традиции высшей властью обладал настоятель/настоятельница. Он нес полную личную ответственность за общее состояние обители: за соответствие деятельности монастыря существующим гражданским законам и церковным правилам, соблюдение насельниками норм иноческой жизни, нравственный климат в обители, эффективность ведения хозяйства и т. д. Настоятель осуществлял непосредственное руководство церковно-религиозной сферой, просветительно-благотворительными структурами, решал все проблемы многоотраслевого монастырского хозяйства (занимался строительством, проводил торговые сделки, принимал решения о развитии новых хозяйственных направлений). Обладая широкими полномочиями, он отстаивал интересы обители перед внешними церковными и гражданскими инстанциями¹. По уставу все в обители делалось с благословения настоятеля. Поддерживая порядок в общине, он должен был посещать кельи братии для надзора и наставления, при необходимости наказывать провинившихся. Целью его деятельности являлся «не один внешний порядок, но душевное спасение всех и каждого»².

Обязательной для монастырского аппарата управления была должность казначея. Как правило, на место казначея назначались проверенные и образованные лица, которые утверждались в должности епархиальным начальством. В круг обязанностей казначея входило ведение финансовой документации, хранение монастырской казны. В некоторых случаях круг его обязанностей расширялся до управления хозяйственной частью.

Но при соблюдении принципа единоначалия в управлении обителью большинство вопросов требовало принятия коллективных решений и совместных действий настоятеля и старшей братии. В случае отсутствия, болезни или смерти настоятеля за сохранение собственности и ведение отчетности отвечала старшая братия, как правило, во главе с казначеем. В случае смерти настоятеля в управление монастырем вступал наместник или казначей, а при их отсутствии – старший из иеромонахов с помощью старшей братии до особого распоряжения епархиального начальства. По Уставу духовной консистории непосредственное управление и заведование всей хозяйственной частью в мужских монастырях вверялось настоятелю при участии старшей братии, в женских – настоятельницам при участии (или с советом) старших сестер¹. На них возлагалось предварительное обсуждение и решение следующих вопросов: 1) о ремонте церквей и монастырских зданий; 2) о приобретении необходимой литературы и утвари; 3) о посылке закупщиков; 4) о примерных сметах расходов; 5) о сдаче в наем оброчных статей; 6) о подрядах на наем рабочих. При этом решения монастырской администрации о сдаче в наем оброчных статей, капитальном строительстве и расходах, превышающих 500 рублей, необходимо было представить на рассмотрение и утверждение епархиальному начальству.

К наличным средствам монастыря по правилам также не могло иметь доступ только одно лицо из монастырской администрации. Деньги должны были храниться в особом сундуке за печатью настоятеля в ризнице или другом безопасном месте, ключ находился у казначея. Процедура вкладывания или изъятия денежных средств была такова: ее проводил казначей в присутствии настоятеля и старшей братии с записью в бухгалтерской книге, которая скреплялась подписями всех присутствующих. Четко регламентировались периодичность и порядок приема денег казначеем в монастырское казнохранилище от различных доходных статей и их учет посредством бухгалтерской документации. После приема наличных средств от сборщиков подаяний, от лиц, осуществляющих продажу различных предметов, от монастыря (еженедельно), управляющей гостиницей и т. д. казначей выдавал расписки в приеме денег и сданные суммы фиксировал в приходно-расходной книге. В конце каждого месяца подводились итоги и проводилась проверка приходно-расходной книги настоятелем, казначеем и старшей братией. Все первичные финансовые документы хранились в папке «Счета к статьям приходно-расходной описи», на основании них составлялись «Книга для записей прихода-расхода» и годовой отчет о приходе и расходе денежных сумм².

¹ Устав духовных консисторий (далее УДК). Гл. VI, отделение 2. Ст. 118–129.

² Инструкция благочинному монастырей. Ст. 12–21.

¹ УДК. Гл. 6, отделение 2. Ст. 118.

² ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 4А, 4Б, 4В.

После проведения освидетельствования по итогам года указанные выше лица составляли отчеты, которые вместе с приходно-расходными книгами предоставлялись в Духовную консисторию, где тщательно проверялись заведующим хозяйственным столом. После чего результаты проверки докладывались присутствию, которое, в свою очередь, делало заключение и представляло его епархиальному архиерею¹. В описи церковного и монастырского имущества, вторые экземпляры которых хранились в Томской духовной консистории, периодически вносились изменения и дополнения. Они представляли собой прошнурованные книги, утвержденные настоятелем, скрепленные печатью начальника миссии для миссионерских монастырей или консистории для прочих².

Назначение настоятеля утверждалось епархиальным начальством и указом Синода. По Духовному регламенту и монастырским уставам должность настоятеля являлась выборной. Но на практике это условие часто соблюдалось формально, т.к. для второй половины XIX в. было характерным назначение на должность настоятелей монастырей и общин Томской епархии монашествующих из других епархий, часто европейских, с опытом управленческой работы. Особенно при открытии женских общин. Основной причиной подобных действий епархиального начальства являлась непродолжительность существования большинства обителей епархии, в которых еще не были подготовлены собственные управленческие кадры, и большинство обителей даже не посвящены в иночество. Назначение настоятельницы епархиальным начальством закреплялось избранием ее на должность сестрами обители. Часто призванная из другого монастыря монахиня назначалась сначала управляющей, начальницей или и.д. настоятельницы и только по прошествии испытательного срока избиралась сестрами на должность. В ряде случаев возраст, болезни, географо-климатический фактор, специфика существования обители в окружении языческого мира не позволяли назначенным настоятельницам эффективно управлять общинами. В конце XIX – начале XX в. во вновь открытые общины стали направляться опытные монахини, иногда с группой сестер, приобретшие опыт управленческой работы в женских монастырях Томской епархии, что являлось типичным для сибирских епархий.

Это подтверждает ситуация с назначением настоятельниц Улалинского монастыря. Она очень точно отражает всю трудность и нестабильность управления женскими общинами в первый период существования и

показывает, как стабилизировалось положение вместе с подготовкой собственных управленческих кадров. После двухгодичного существования общины, когда одна из дочерей Чевалкова «заведовала молитвенным правилом» и некоторые сестры «по окончанию молитвы отправлялись ночевать домой»¹, в 1863 г. в нее из Ардатовского Покровского монастыря Нижегородской губернии прибыла рясофорная Анастасия Логинова (в возрасте 59 лет) – ученица Серафима Саровского². По указу Томской духовной консистории от 20 марта 1864 г. она утверждается настоятельницей общины, но уже в марте 1866 г. уходит на покой в число сестер общины. В период с марта 1866 г. по февраль 1868 г. обязанности управляющей исполняла сестра Дарья Киселева, прибывшая из Дивеевской обители, а затем Анисья Кониная³. После ее смерти указом консистории от 13 февраля 1868 г. было определено поставить Анастасию Логинову управляющей общины до усмотрения ее способности и благонадежности к управлению. В 1869 г. она была пострижена в Николаевской церкви общины игуменом Акакием в мантию⁴. В конце 1869 г. в Улалинскую общину из Московской епархии прибыла монахиня Ольга, состоявшая в Спасо-Влахернском монастыре старшею над сестрами в живописной⁵. После того как по резолюции епископа от 8 мая 1870 г., согласно желанию, монахиню Афанасию «по преклонным летам и болезненному состоянию» уволили от должности настоятельницы, монахиню Ольгу по выбору сестер назначили на ее место⁶. Новая настоятельница, «вразумевшая существенное назначение общины» и стремившаяся к осуществлению ее задач, оказалась слаба здоровьем и в 1872 г. умерла, как писал начальник Алтайской миссии архимандрит Владимир, оставив «по себе в сердцах сестер добрую память»⁷. На место покойной была определена монахиня Алексия (в возрасте 54 лет), прибывшая в Улалинскую общину из Московского Зачатьевского монастыря по своему желанию с разрешения митрополита Московского Иннокентия. По резолюции епископа Томского и Семипалатинского Платона, указом Томской духовной консистории от 14 октября 1874 г. она

¹ Чевалков М. В. Указ. соч. С. 103.

² Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 254.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1185. Л. 1–3; Солодчин И. В. Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 41. С. 986.

⁴ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 46–47.

⁵ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1186. Л. 1–3.

⁶ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 46–47.

⁷ Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 819. Л. 4–5; Сб. сведений о православных миссиях... Кн. II. С. 367–368.

¹ УДК. Пл. 6, отделение 2. Ст. 118.

² ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 68; Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 71; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 20, 57.

была утверждена настоятельницей общины. До ее прибытия с августа 1873 г. по 14 октября 1874 г. должность настоятельницы вновь исполняла монахиня Афанасия (А. Логинова)¹.

Несмотря на такое обилие назначений опытных сестер из монастырей европейской части империи, период стабильности и процветания монастыря связан со временем управления общиной воспитанных в обителях епархии управленческих кадров. По резолюции епископа Томского от 25 сентября 1878 г., из Томского Иоанно-Предтеченского монастыря в Улалинскую общину перевели монахиню Анастасию (Акулину Балашову). Позже указом Синода от 8 февраля 1881 г. она была утверждена настоятельницей общины, в этом же году переименованной в монастырь². В 1890 г., по избранию сестер, с 1 ноября была определена епископом Макарием исполняющей должность настоятельницы монахиня Серафима, поступившая в Улалинскую общину в 1870 г. и имевшая большой опыт управленческой работы (с 1875 г. заведовала миссионерской больницей, с 1879 г. – детским приютом). Указом Синода от 9 мая 1893 г. ее утвердили в должности настоятельницы и возвели в сан игуменьи. Именно с именем «новой энергичной игуменьи» связан период экономического расцвета монастыря. Она перенесла обитель на новое место и полностью построила заново. Как отмечалось в отчете Алтайской миссии за 1914 г., эта деятельность «бесспорно, ставит ее наряду с видными строителями мужских и женских монастырей»³.

В начале XX в. на должности настоятельниц новых общин часто назначались сестры, уже зарекомендовавшие себя при исполнении определенного послушания и проявившие свои организаторские способности. Именно по причине отсутствия способного лица для заведования приютом для мальчиков при Чулышманском монастыре, его открытие было отложено, а вместо него основан приют для девочек под начальством бывшей казначеи Улалинского монастыря монахини Магдолины (Чевалковой). Управляющей открытой в 1912 г. Матурской общины была назначена «энергичная и деятельная» рясофорная монахиня Томского Иоанно-Предтеченского монастыря Анна Ямова⁴. Существовала практика назначения на должности настоятельниц сестер, ранее заведовавших школами, приютами монастырей. Во многих случаях лица монастырской администрации совмещали выполнение своих непосредственных функций и заведование различными просветительско-

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–47.

² Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–101.

³ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 27–28.

⁴ ТЕВ. 1913. № 18. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 986.

благотворительными структурами обителей. Например, после смерти игуменьи Анастасии на должность настоятельницы Улалинского монастыря определили монахиню Серафиму, которая ранее заведовала больницей, а затем – приютом миссии. А заведование приютом было поручено послушнице Ирине Саввиной (Ерохиной), более 10 лет состоявшей учительницей Улалинской женской школы¹. Игуменья Томского Иоанно-Предтеченского монастыря Зинаида, будучи казначеей монастыря, состояла заведующей приютом и Домом трудолюбия. После вступления в должность настоятельницы Дом трудолюбия находился в ее непосредственном ведении как председательницы Совета. Игуменья Чемальской общины Людмила до назначения начальницей была заведующей Чемальского приюта и учительницей миссионерской школы.

Управление мужскими монастырями значительно отличалось от женских. В Чулышманском монастыре с начала основания обители настоятельство было закреплено за начальниками миссии, с 1880 г. – vicариями Томской епархии, епископами Бийскими. Определением Синода 24 ноября 1865 г. настоятелем и строителем монастыря с присвоением степени настоятеля 2-классного монастыря был назначен архимандрит Владимир (Петров)². Из-за выполнения им основных обязанностей (резиденция начальника миссии находилась в с. Улала), а также долгого пути в монастырь при епископе Томском Порфирии, в монастыре ввели должность заместителя³. Заместник утверждался епархиальным преосвященным и во время отсутствия настоятеля должен был выполнять круг его обязанностей. Должность заместителя известна с самого начала возникновения монашеских обителей на Руси⁴. Фактически на протяжении всей второй половины XIX в. должность заместителя Чулышманского монастыря оставалась почетной, лишь подчеркивая положение ее обладателя в иерархической структуре миссии. Первый заместитель иеромонах Макарий (Невский), назначенный 14 ноября 1864 г. (с 1875 г. – помощник начальника миссии), постоянно не находился в обители и не выполнял прямых обязанностей по управлению монастырем из-за широкого спектра других разнообразных поручений⁵.

Положение дел, при котором монастырская администрация постоянно отсутствовала, а монастырским хозяйством заведовал единственный

¹ Отчет о миссиях Томской епархии – Алтайской и Киргизской за 1890 год // ТЕВ. 1891. № 5. Неофиц. отдел. С. 3.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.

³ ТЕВ. 1891. № 5. Неофиц. отдел. С. 3.

⁴ История православного монашества... С. 64.

⁵ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 10–11.

иеромонах монастыря, а после его смерти рясофорный послушник из инородцев, привело к плачевному состоянию обители и отсутствию братии¹. Начальство Алтайской миссии считало, что хотя Чулышманский монастырь и «предполагался быть центральным пунктом алтайской миссии», но место выбрано было «неосмотрительно и неудачно», и поэтому он «...не может получить того назначения для миссии и для всего края, какое имелось в виду при его учреждении». По этой причине укрепление управления и благоустройство «бесперспективного» монастыря долгое время не стояло в планах миссии². Во время управления Алтайской миссией епископ Макарий (Невский) (1883–1891) назначил 12 августа 1890 г. и. д. наместника с поручением временного заведования Чулышманским монастырем своего старшего брата иеромонаха Иннокентия (Невского)³. С 1899 г. по 1902 г. в монастыре наместничал известный сибирский миссионер, брат архиепископа Казанского Владимира (Петрова) архим. Антоний. Он оживил жизнь в Чулышмане, после удачных посевов зерновых, завел хлебопашество и развил скотоводство. Монастырь был перенесен на новое место и отстроен заново⁴. Но вскоре после его смерти дела в обители пришли в упадок. Епархиальное начальство и миссия долго не могли подобрать достойную кандидатуру для управления монастырем, т. к. способные управленцы не задерживались в Чулышмане, где не существовало обозримой перспективы, а продвигались вверх по иерархической лестнице. В начале XX в. вновь назначенный наместником Иннокентий из-за отсутствия опыта управленческой работы и возраста не смог исправить ситуацию.

Епархиальные власти принимали решения по конкретным вопросам существования монастыря в том случае, когда монастырская администрация не могла самостоятельно разрешить проблему. Так, в июле 1907 г. архиепископ Томский Макарий писал епископу Бийскому: «...чтобы сохранить среди обитателей монастыря мир, думаю, необходимо удалить оттуда строптивых монахов Моисея, Григория и Мирона, выдавши им билет для приискания себе места в других монастырях. Нужно выбросить старую закваску, чтобы она не испортила новое тесто — новых пришельцев в монастырь»⁵. Из-за неспособности наместника справиться с ситуацией епархиальное начальство приняло решение об удалении из монастыря непокорных монахов. Но проблему не удалось решить таким способом.

¹ ТЕВ. 1883. № 10. Неофиц. часть. С. 274–275; ТЕВ. 1885. № 7. Неофиц. часть. С. 16.

² Там же. 1891. № 5. Неофиц. отдел. С. 3.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 2–3.

⁴ ТЕВ. 1902. № 1. Неофиц. отдел. С. 11.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 56. Л. 29.

В сентябре 1909 г. наместник иеромонах Иннокентий доносит епископу Бийскому о неблагоприятном поведении изгнанного из монастыря Моисея, от буйного нрава которого страдали не только обитатели монастыря, но и инородцы. При монастыре состояли священник Лавров и инородец Иван Елбачев, которые, как писал Иннокентий, были неподходящи к монастырской жизни, не соблюдали интересы и пользу монастыря, принимали подозрительных. Священник Лавров ездил по требам, не отчитываясь в полученных деньгах, часто возвращался пьяным, в постные дни ел мясо и пил араку, подавая плохой пример для инородцев. Из-за малочисленности братии досмотр за ними был невозможен, и наместник ходатайствовал о приеме на их место людей, которые «будут служить на пользу и соблюдать интересы монастыря»¹.

После назначения наместником иеромонаха Виктора, который подобрал новую братию из лиц, не ищущих удобств и не бежавших из других монастырей, положение исправилось. Он поднял хозяйство, обитель стала возрождаться и в 1911 г. представляла собой «...стройно сформированное учреждение, с крепкой организацией своей внутренней и внешней жизни»². Но с отъездом в начале 1912 г. наместника в Россию, во главе монастыря был поставлен казначей, послушник Наклескин — «...человек невоздержанного характера», и Чулышман вновь стал приходить в упадок. После его замены новый казначей Сизов также не прилагал никаких усилий к исполнению обязанностей, и в обитель назначили очередного казначея из монахов³.

В силу указанных причин, наместник в Чулышмане не обладал всей полнотой власти, и вся его деятельность часто сводилась к элементарному наблюдению за хозяйственными делами. Миссионерским трудам внимания уделялось крайне мало. Малочисленность и непостоянство братии делало невозможным принятие коллективных решений и избрание лиц монастырской администрации. В начале XX в. с развитием миссии произошла переоценка роли Чулышманского монастыря как будущего центра «посвящения сопредельной языческой страны»⁴. Для оживления миссионерской деятельности монастыря была признана необходимость приглашения способного и просвещенного руководителя. С помощью митрополита Московского Макария (Невского) в 1916 г. из Москвы прибыл

¹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 56. Л. 30.

² Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 г. // ТЕВ. 1912. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 647.

³ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 г. // ТЕВ. 1913. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 589.

⁴ ТЕВ. 1916. № 18. Неофиц. часть. С. 13; № 14. Офиц. часть. С. 480.

наместник Симоновского монастыря архимандрит Филарет. Служа на Кавказе, он восстановил заброшенные обители, найдя на это средства и людей. Новый наместник находился в расцвете лет, имел богатый жизненный опыт и связи. Перед ним были поставлены задачи не только оживления жизни монастыря, но и изменения ситуации в крае¹. Спустя небольшой промежуток времени после его назначением наместником жизнь в обители заметно оживилась. Но революционные события не дали осуществиться планам миссии.

Третьеклассный Томский Алексеевский монастырь, расположенный в губернском и епархиальном центре, имел архимандритское настоятельство. На основании Высочайшего указа 18 декабря 1797 г. в 3-классных монастырях в исключительных случаях Синоду разрешалось вместо игуменского предоставлять архимандритское настоятельство с игуменским окладом. После архимандрита Виктора, занимавшего место настоятеля Алексеевского монастыря с 1839 по 1883 г., руководители обители часто менялись. Было распространено назначение на короткие периоды исполняющих должность настоятеля, временных заведующих. Так, с 2 ноября по 10 декабря 1883 г. должность настоятеля исполнял эконом Томского архиерейского дома игумен Лазарь, затем вновь назначенный экономом архиерейского дома, а несколько позже опять настоятелем Алексеевского монастыря². Игумену Иннокентию (Солодчину), по указу консистории, до назначения помощником начальника миссии «временно было поручено заведование» Алексеевским монастырем с 22 мая по 9 августа 1890 г.³

После открытия в Томской епархии второго викарства и назначением викарным епископом Барнаульским ректора Томской духовной семинарии Мелентия (М. В. Забаровского) в 1908 г. местопребыванием нового епископа был назначен Томский Алексеевский монастырь. На викарного епископа возлагалось управление обителью на правах настоятеля с получением жалования из оброчных статей монастыря 2000 руб. в год⁴. Для Российской империи XIX – начала XX в. стала типичной практика передачи монастырей в управление епископам в «качестве дополнительного вознаграждения за труды»⁵. Передача Алексеевского монастыря в управление викарному епископу Барнаульскому, несомненно, повышала авторитет вновь назначенного архиерея и служила способом изыскания

¹ ТЕВ. 1916. № 14. Неофиц. часть. С. 480.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 2; Д. 3488. Л. 38.

³ Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–4.

⁴ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 г. С. 1–5.

⁵ Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ... С. 64, 90.

средств на улучшение управленческой структуры епархии без дополнительных отчислений из казны. В монастыре также ввели должность наместника. Д. И. Ростиславов отмечал, что соединение в одном лице епископа и настоятеля крайне неудобно для монастыря из-за постоянного отсутствия настоятеля, более низкого статуса наместника, обладающего меньшими полномочиями и опытом¹. Не всегда отношения настоятеля и наместника складывались должным образом. Печально известный случай с наместником Алексеевского монастыря иеромонахом Антонием (К. С. Прокудин), который 16 сентября 1911 г. был отстранен от должности и отдан под следствие и суд «за нанесение оскорбления епископскому сану словом и делом»².

К началу XX в. произошли изменения в организационной структуре и внутреннем управлении женских монастырей епархии. Если для начального этапа формирования обителей было характерно: а) приглашение настоятельниц, иногда с «командой» сестер, из монастырей европейской части империи или других сибирских епархий; б) при назначении основную роль играл выбор епархиальной власти, то в начале XX в. во главе монастырей и общин встали сестры, прошедшие долгий путь служения и получившие управленческий опыт в обителях Томской епархии. Изменился статус настоятельниц, при переименовании общины в монастырь его настоятельница возводилась в сан игуменьи. Из женских монастырей Томской епархии стали выходить управленческие кадры для обителей соседних епархий. Например, по указу Синода от 10 декабря 1899 г. бывшая казначея Барнаульской общины Агриппина Мещеринова (монахиня Анастасия) была назначена настоятельницей Читынского женского монастыря в сане игуменьи³. В 1899–1900 гг. к ней на помощь было отправлено несколько сестер Барнаульского Богородице-Казанского монастыря⁴.

В течение всего изучаемого периода из 17 настоятельниц, начальниц и управляющих женских монастырей и общин 11 первоначально поступили в обители других епархий и только затем были переведены в Томскую епархию, из них восемь сразу на должности настоятельниц. В 1916 г. среди настоятельниц четырех монастырей и четырех общин епархии лишь три сестры были переведены из монастырей других епархий (см. приложение 1, табл. 6).

¹ Ростиславов Д. И. Указ. соч. С. 393–395.

² ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.

³ ТЕВ. 1900. № 2. Офиц. часть. С. 1.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 5. Л. 45–46.

Если в 60–80-х гг. XIX в., по причине малочисленности и неопытности насельниц женских общин, в практике монастырского управления преобладал принцип единоначалия — монастырская администрация состояла из настоятельницы (начальницы, управляющей) и казначеи, то к концу XIX в. активнее стали применяться принципы соборности и выборности. Назначение на должности казначеи и благочинной, как и настоятельницы, происходило по избранию сестер определением епископа и утверждалось указом консистории. Начал расширяться круг лиц, входящих в монастырскую администрацию. В 1899 г. в четырех женских обителях епархии состояло четыре настоятельницы, три казначеи, две благочинные, 19 монахинь и 454 послушницы¹. В начале XX в. все большую роль в жизни обителей стали играть монастырские советы, в которые входили не только лица монастырской администрации, но и сестры, избранные коллективно. Одним из доказательств описанных изменений в структуре и принципах управления являлись подписи, стоящие на отчетах и ведомостях монастырей. Если для документов второй половины XIX в. характерно наличие одной подписи настоятельницы, то в начале века отчеты заверялись подписями нескольких лиц монастырской администрации. Они также показывают различия в подходе к управлению монастырем и распределением ответственности между лицами администрации разных обителей. Так, если отчетная ведомость Иоанно-Предтеченского монастыря за 1916 г. подписана настоятельницей и и. о. казначеи, то ведомость Бийского Тихвинского монастыря за 1912 г. — настоятельницей, казначеей, благочинной и помощницей благочинной².

По сравнению с мужскими, в женских монастырях Томской епархии существовала более разветвленная организационная структура из-за многочисленности насельниц, а следовательно, и число административно-исполнительских должностей, выполняющих конкретные задачи в церковно-религиозной, хозяйственной и просветительно-благотворительной сферах. Женские обители епархии обладали четким горизонтальным разделением труда по специализированным линиям. Организационная и управленческая структуры женских обителей епархии динамично развивались на протяжении всего исследуемого периода. Росло число сестер, расширялось хозяйство, открывались приюты, школы, больницы. К началу XX в., кроме настоятельницы, казначеи, благочинной — высшей монастырской администрации, — появляется целый ряд средних и мелких

послушаний, связанных с выполнением организационно-управленческих функций. Например, в Улалинском монастыре — должность помощницы казначеи, в Иоанно-Предтеченском — экономки, помощниц казначеи и экономки¹.

Самой разветвленной структурой управления, основанной на принципе широкого делегирования полномочий, отличался Бийский Тихвинский монастырь. В начале XX в. здесь к числу лиц среднего звена монастырской администрации относились: экономка, помощницы благочинной и экономки, дворовая экономка, уставщица, письмоводительница². Практика поручения ответственного послушания рясофорным послушницам и лицам, состоящим на искусе, позволяла проверить способность сестер к управлению, помогала им почувствовать уверенность в своих силах, необходимость и пользу выполняемой работы для обители.

Условно все монастырские службы можно разделить на следующие направления: культовое, хозяйственное, просветительно-благотворительное, службы поддержания порядка и обеспечения. Указанные в именных ведомостях монастырей послушания, выполняемые сестрами, помогают выявить отрасли монастырского хозяйства и уровень специализации управления. Наибольшее количество послушаний, связанных с ответственностью за деятельность конкретных подразделений, давало хозяйственное развитие обителей. В Бийском Тихвинском монастыре старшие сестры заведовали свечным заводом и рукодельной мастерской. Для организации работы мастерских, скотного двора, маслобойни, пасеки, полевого хозяйства, огорода были закреплены определенные сестры. В Богородице-Казанском монастыре предметом заботы определенных сестер было огородничество, скотный двор, конный двор, пчеловодство, садоводство, мастерские (живописная, чеботарная, переплетная, рукодельная, ткацкая, матрасная), хозяйство на монастырской заимке. В Улалинском монастыре, кроме заведования свечным заводом (откр. в 1872 г., в 1890 г. на нем работало 23 чел., в 1898 г. — 19, в 1912 — 6), рукодельной и живописной (откр. в 1889 г.) мастерскими, важными послушаниями, возлагаемыми на сестер, были работа на скотном дворе, в огороде, на пасеке, в поле, занятия молочным хозяйством и маслоделием. Сестры монастыря заведовали в 1890 г. свечными складами в Барнауле и Бийске, в 1903 г. старшие сестры состояли на подворьях в Бийске и Улале. Одна из старших сестер заведовала монастырской гостиницей. Временные

¹ ТЕВ. 1900. № 20. Неофиц. отдел. С. 20.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 72; Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 63–64.

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–38; Д. 22. Л. 34–37.

² Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 66–101; Д. 20, Л. 56–88.

послушания были связаны со сбором пожертвований, присмотром за рабочими на полевых работах, организацией бесплатных столовых для переселенцев¹. Подобная структура хозяйства существовала и в Иоанно-Предтеченском монастыре.

Сестры монастырей стояли во главе школ, приютов, больниц, открытых при монастырях. Кроме того, сестры Улалинского монастыря заведовали больницей и приютом миссии в с. Улала, учительствовали в женской миссионерской школе. Сестры Томского Иоанно-Предтеченского монастыря заведовали и обеспечивали работу приюта и Дома трудолюбия.

В культовой сфере важными послушаниями являлось руководство монастырским хором, заведование ризницей, чтение псалтыри. В Улалинском монастыре сестры занимались подготовкой язычниц к крещению, в Барнаульском Богородице-Казанском исполняли обязанности пономарей. Сестры обеспечивали работу кухни и трапезной, хлебопекарни и просфирни; следили за чистотой в церкви, келье настоятельницы и доме священника.

При исследовании управленческих решений лиц, возглавляющих томские обители, наряду со следованием традиционной схеме, необходимо отметить определенную степень новаторства, готовность к нововведениям в хозяйственной, бытовой, благотворительных сферах деятельности. Например, архим. Томского Алексеевского монастыря Иона (1901–1908) провел серию мероприятий по восстановлению былой роли монастыря в жизни города и епархии с помощью популяризации истории обители. Основным моментом программы было создание культа старца Федора Кузьмича, большое внимание уделялось увековечиванию дат и мест в истории города, связанных с монастырем.

Организация при Томском Иоанно-Предтеченском монастыре в короткие сроки Дома трудолюбия также служит примером точного расчета и гибкости монастырской администрации в принятии решений. После открытия Дома трудолюбия монастырь был вынужден затратить крупные суммы на его развитие. Применение нестандартных схем разрешения сложных экономических ситуаций, связанных с вопросом выживания благотворительных учреждений при обители дали положительный результат. После открытия Дома трудолюбия из-за отсутствия средств могла сорваться заготовка кормов для скота на зиму, что привело бы к срыву продовольственного снабжения сестер монастыря и Дома трудолюбия.

¹ Подсчитано нами по: ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52; Д. 20. Л. 34–52; Д. 24. Л. 107–132; Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; Д. 5. Л. 25–61, 68–92; Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–46; ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–66. Д. 3. Л. 1–36; Д. 7. Л. 3–40; Д. 11. Л. 2–46.

Игуменья Зинаида добилась от городской управы права бесплатного пользования городскими покосами. Проблемой оставалось отсутствие денег на найм рабочих. Настоятельница упросила начальника исправительных рот, чтобы арестанты выполнили работы с отсрочкой платежа, и удачно сделала запасы на всю зиму¹. В дальнейшем гибкость и быстрота в принятии решений, дар предвиденья или тщательный просчет ситуации проявились в расширении ткацкого цеха и сотрудничестве с Сибирской железной дорогой, а позже, в связи со снижением доходов от этого вида деятельности, в покупке типографии и переплетного цеха. Игуменья Людмила в двухлетний срок сумела организовать образцовую женскую общину в с. Чемал и второклассную церковно-приходскую школу с учительским классом, превратившуюся к 1917 г. в центр подготовки учителей для школ Алтая.

В XIX – начале XX в., как и в предшествующее столетие, Российское государство стремилось регламентировать все сферы деятельности Русской Православной Церкви, в том числе и работу ее низовых звеньев – монастырей. В связи с усовершенствованием административной системы империи в первой половине XIX в. произошли серьезные изменения и в организации управления, выразившиеся в усилении государственного контроля, прежде всего за высшим звеном церковного управления, расширением власти обер-прокурора, бюрократизации аппарата².

Роль распоряжений обер-прокурора и Синода была чрезвычайно важна в регуляции общего хода развития монастырей империи и незначительна в организации повседневной жизни монашеской общины. Большинство указов, предписаний, требований высших органов церковного управления носили общий характер и предназначались для исполнения во всех епархиях Российской империи. Часто они были реакцией на крупные события в жизни страны (революционные волнения, войны и т. д.), требовали соблюдения определенных государственных актов и церковных норм, информировали об изменениях в различных государственных сферах, введении новых форм отчетности и контроля.

Во второй половине XIX – начале XX в. ряд законоположений был призван стимулировать и регламентировать просветительскую деятельность обителей. По условиям указа от 25 апреля 1866 г., при учреждении новых монастырей обязательным условием было открытие просветительского или благотворительного заведения³. На протяжении

¹ ТЕВ. 1903. № 12. Неофиц. отдел. С. 34–35.

² Римский С. В. Указ. соч. С. 45, 55–56.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 148. Д. 1386. Л. 3–3об.; Ф. 834. Оп. 4. Д. 612. Л. 13об. – 14об.

всего исследуемого периода прилагались усилия к активизации деятельности обителей в данном направлении¹. Проект «Устава о монастырях» (1917) предписывал устраивать школы везде, где это окажется возможным².

Во время Русско-японской и Первой мировой войн государство использовало ресурс Церкви для создания дополнительных структур медицинской и социальной помощи воинам и их семьям. Так, указ Его Императорского Величества из Синода от 3 мая 1904 г. касался размещения в монастырях и других учреждениях духовного ведомства больных и раненых воинов с содержанием от казны³. Во время Первой мировой войны Синод издал ряд распоряжений с призывами к отводу помещений для выздоравливающих и раненых воинов, учреждении сиротских приютов, другим формам помощи⁴.

Наряду с указами, которые являлись реакцией на значительные изменения в жизни империи, множество распоряжений касались совершенно незначительных вопросов. Например, июньское определение Синода 1880 г. касалось передачи поступающей в монастыри и церкви медной монеты прежнего чекана в местные казначейства для обмена на кредитные билеты или монеты нового чекана⁵. Указ от 25 мая/13 июля 1877 г. был посвящен мерам против нищенства в монастырях, церквях и на кладбищах⁶.

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. государство пыталось поставить обители под жесткий контроль, заставив исполнять многочисленные бюрократические правила. Целая серия императорских указов имела целью напомнить монастырскому начальству о строгом соблюдении уже существующих законов по причине «замеченных уклонений» и расстроенного состояния управления во многих монастырях. Так, указ от 9 сентября 1873 г. подтверждал положения циркулярных указов Синода от 21 июля 1804 г., 23 апреля и 30 июня 1841 г. о приеме в число послушников людей, за благонравность которых могут поручиться настоятели⁷. Указ от 19 октября 1871 г. также требовал соблюдения существующих правил, касающихся приема послушников и подачи

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 190. Д. 230. Л. 1–4; Сб. правил о школах церковно-приходских и грамоты. 2-е изд. СПб., 1898. С. 90–91; Циркулярные указы Св. Синода 1867–1899 гг. / собрал А. А. Завьялов. 2-е изд., доп. СПб., 1901. С. 48–49, 85–86, 94–95.

² РПЦ. Монастыри... С. 398.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4300. Л. 10, 23–27.

⁴ ТЕВ. 1914. № 16. Офиц. часть. С. 483–486.

⁵ ТЕВ. 1880. № 4. Офиц. отдел. С. 18–19.

⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 1447. Л. 1–3.

⁷ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1993.

сведений о них местному полицейскому начальству и духовной консистории¹. Но требования, содержащиеся в отношении обер-прокурора Синода на имя епископа Томского в 1905 г. об усилении надзора за приемом послушников и составом лиц, проживающих в монастырях, позволяют сделать вывод, что государству и в начале XX в. не удалось полностью упорядочить эту сферу жизни монашеских обителей². Кроме этого, важным по значению направлением законотворчества высших инстанций церковного управления на протяжении всего изучаемого периода было наведение порядка в управлении монастырским хозяйством и ведении отчетности, которая существенно усложнилась в результате общей бюрократизации системы государственного управления во второй половине XIX в. Многие циркулярные указы Синода, в т. ч. от 5.02.1883, 27.05.1888, 28.05.1892, 27.11.1893, 24.05.1903, касались порядка хранения, расхода денежных сумм, ведения отчетности и мер по устранению беспорядка, т. к. и в начале XX в. Синод признавал, что «означенная часть в обителях ведется беспорядочно»³. В качестве грубых нарушений существующих правил указывалось то, что денежные суммы не обращаются в государственные процентные бумаги, а хранятся в келье настоятелей; заведование денежной частью «находится в единоличной и безотчетной власти настоятелей, не допускающих установленного законом участия казначеев и совета старшей братии в приеме, хранении и расходовании монастырских сумм»; документация часто ведется «небрежно и с нарушениями основных правил денежной отчетности», запись прихода производится неточно и нередко принадлежащие обители процентные бумаги на значительные суммы оказываются не учтены; благочинные недобросовестно выполняют возложенные на них обязанности по контролю над монастырями⁴. В ходе изучения отчетов благочинных, документации монастырей Томской епархии, ведомостей и заключений консистории нами не были выявлены перечисленные в указе нарушения.

В ходе церковных реформ 60–70-х гг. XIX в. была упрощена процедура ухода из мира в иноческую обитель, в 1865 г. епархиальным архиереям было предоставлено право пострижения монашествующих без разрешения Синода, который с помощью епархиальных властей пытался контролировать ситуацию и пресекать нарушения, связанные с приемом и увольнением послушников и монашествующих в обители епархии⁵.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1611. Л. 1.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4280. Л. 1.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 375. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 4. Д. 375. Л. 15.

⁵ Ивановский В. Указ. соч. С. 1–10.

В 1904 г. был облегчен доступ в монашеский сан для крестьян и мещан, перестало требоваться согласие податной общины на постриг. Указ Синода от 19 октября 1871 г. касался подачи сведений о послушниках, увольнении их из монастыря и был следствием «замеченного уклонения монастырского начальства от исполнения правил...»¹. В нем предписывалось монастырскому начальству подтвердить строгое соблюдение законов и содержалась прямая угроза «неблагоприятных последствий» для него в случае несвоевременного заявления местному полицейскому начальству и консистории о лицах, поступивших на жительство в монастырь. Упорядочению увольнений из обителей «по разным случаям» и для богомоления посвящен второй пункт указа. В нем разрешается допускать отлучки послушников из обители лишь по делам монастыря или особо уважительным причинам под личную ответственность настоятеля по причине того, что отпуски, «...находясь вне надзора Духовного начальства, не представляют никакого ручательства в соблюдении правил монастыря, при неблагоповедении могут навлекать незаслуженное нареkanie на иноческое одеяние...». Также во избежание случаев, когда послушники, оставившие монастырь по нежеланию или после признания их недостойными «воспринять иночество», могли поступить в другой монастырь, начальству предписывалось причины увольнения таких лиц указывать на свидетельства, которые служили основанием для принятия в монастырь. Указ являлся не столько свидетельством беспорядков, происходивших в монастырях, сколько объясняет, какой степенью независимости при принятии решений пользовалось монастырское начальство, и как оно противодействовало светской власти навязать полицейское регламентирование жизни обители.

Указ от 9 сентября 1873 г. был издан в подтверждение циркулярных указов Синода от 21.07.1804 г., 30.07.1841 г. Он также касался регламентации приема лиц в число послушников и послушниц монастырей, разрешая поступление только тех желающих, «за благонравность коих могут вполне поручиться настоятели и настоятельницы монастырей». Нетрудно заметить, что в обоих документах вся полнота ответственности за поведение послушников и их прием в обитель возлагалась лично на настоятеля. Монастырское начальство должно было: 1) немедленно увольнять из монастырей лиц, замеченных «в несвойственных иноческой жизни качествах»; 2) не позволять носить иноческое одеяние и имена до пострижения в монашество «под опасением строгой за сие по закону ответственности»; 3) не отпускать послушников и послушниц для сбора пожертвований на нужды монастыря².

Контроль за исполнением указов осложнялся тем, что полицейское наблюдение не проникало за стены монастыря из-за уважения к церковным порядкам, а система епархиального контроля являлась поверхностной, касалась больше церковных дел и часто закрывала глаза на незначительные нарушения.

Ситуация обострилась в начале века, период быстрого роста населения иноческих обителей в Российском государстве. Циркуляр обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева № 57 от 7 апреля 1905 г. — документ, точно характеризующий то тревожное время, когда устои империи пошатнулись, что отразилось и на ослаблении порядка в монастырях. Перед лицом опасности правительство пыталось усилить выполнение Русской Православной Церковью полицейско-фискальных функций. Победоносцев просил епископа Томского Макария усилить наблюдение за порядком монастырского управления и надзором за составом лиц, проживающих и прибывающих в монастыри, объясняя это тем, что братия пополняется часто случайно пришлыми людьми из мира. Он писал: «...принимаются без разбора в послушничество бродяги и скрываются без ведома настоятеля посетители и гости неизвестного имени и поведения...», при этом в монастырях «...весьма удобно могут укрываться люди неблагомерные, не чуждые и преступных замыслов»¹. На примере выполнения епархиальными и монастырскими властями указанного циркуляра можно проследить последовательность предпринимаемых действий и их результативность в подобных случаях. После получения циркуляра епископ Макарий немедленно принял резолюцию и отправил в консисторию для исполнения распоряжение, в котором приказал: 1) разослать благочинным градо-Томских, миссионерских и Барнаульского монастырей копии по числу обителей циркуляра обер-прокурора; 2) настоятелям по получению циркуляра немедленно удалить из монастырей всех проживающих в них без надлежащих документов и впредь таковых не принимать «...под опасением строгой ответственности»². И только после донесений настоятелей монастырей благочинным, от них в консисторию поступили рапорта о выполнении распоряжения. Так, рапорт от благочинного градо-Томских монастырей в консисторию поступил лишь в сентябре 1905 г., в нем он сообщал, что настоятельница Иоанно-Предтеченского монастыря донесла о том, что без надлежащих документов (паспортов, метрик, приговоров обществ) никто в монастыре не проживал и впредь такие приниматься не будут³. Как видно, епархиальное начальство действовало

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1611. Л. 1.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1993. Л. 1.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4280. Л. 1.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4280. Л. 2–3.

³ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4280. Л. 12.

формально, по стандартной схеме, возлагая выполнение отношения под угрозой наказания на настоятеля, который, несомненно, был в курсе всего происходившего в обители. И в конечном итоге от его воли зависело ограничиться формальной отпиской или полностью пункт за пунктом исполнить распоряжение Синода и епархиальных властей. Но иногда, из-за отдаленности и труднодоступности обители, преклонных лет и личных качеств настоятеля, дела в обители выходили из-под контроля епархиального начальства и монастырской администрации, как мы уже отмечали в случае с Чулышманским монастырем в начале XX в.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на достаточно многочисленные распоряжения высшего звена церковного управления, направленные на создание управляемой государством, хорошо организованной, унифицированной сети монашеских обителей на территории империи пунктов, конечная цель так и не была достигнута, в силу противоречия многих государственных законов иноческим нормам и противодействия монастырской администрации, незаинтересованности епархиального начальства, отдаленности обителей от епархиальных центров. Хотя, по сравнению с XVIII в., когда при «...широких полномочиях настоятеля средств регулярного контроля за его деятельностью со стороны внешних инстанций практически не существовало», государством была создана четкая и достаточно эффективная система управления и контроля монашескими обителями¹.

Намеченное в ходе реформ 1905–1906 гг. позитивное разрешение многих проблем Русской Православной Церкви затронуло и монашеские обители. Основное внимание государства в этот период было направлено на пересмотр правил ведения монастырского хозяйства для большего использования экономических ресурсов обителей в решении государственных и общественных задач, что позволило повысить их эффективность и социальную значимость для снятия обвинений в накопительстве и выдвигании экономических интересов на первый план. При Синоде было создано особое совещание по пересмотру существующих правил ведения хозяйства и экономической отчетности монастырей. В целях разработки «Проекта правил по ведению монастырского хозяйства и отчетности», в епархиях собирались сведения о размере, характере недвижимых владений архиерейских домов, монастырей и общин; о суммах, получаемых от разного рода арендных статей; о размере и составе годового дохода. Но намеченным преобразованиям помешали революционные события и смена политического режима.

¹ Нечаева М. Ю. Указ. соч. С. 22.

В начале XX в., во время революционных событий и войн, резко обострился конфликт между черным и белым духовенством. Усилилась критика иноческих обителей не только со стороны радикально настроенных слоев общества, но и внутри Церкви. Их обвиняли в безнравственности и бездеятельности, накоплении огромных капиталов и отсутствии при большинстве из них благотворительно-просветительских заведений¹. После значительных перемен в положении Русской Православной Церкви 1904–1906 гг. (Временное постановление от 30.04.1905 г., Указ о веротерпимости от 30.10.1906 г.) «церковь проснулась, бурлила, полная надежд и свежих жизненных соков, соков в основном свежих и здоровых»². Монашество пыталось решить накопившиеся проблемы, самоорганизоваться на более высоком уровне. В 1909 г. прошел Всероссийский съезд монашествующих, после чего появился указ Синода об упорядочении жизни монашествующих и определение о необходимости поднять духовную жизнь в монастырях³. На последующих епархиальных и миссионерских съездах была предпринята попытка решения вопросов и объединения усилий в рамках регионов или конкретных направлений деятельности⁴. Четвертый Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (12–26 июля 1908 г.) особое внимание обратил на монашество и монастыри, «...которые должны быть светочами мира и проводниками здравого Христова учения»⁵. Съезд признал, что те монастыри, которые по разным причинам не могут содержать школы, приюты и т. п., должны оказывать обителям, ведущим просветительно-благотворительную деятельность, материальную помощь. Иркутский миссионерский съезд, на который прибыли представители сибирских, китайской и японской миссий, рассмотрел вопрос о более активном участии в деле миссий мужских и женских монастырей⁶. Было признано необходимым учреждение монастырей в местностях с инородческим населением. Решениями съездов монастырям был задан вектор дальнейшего развития – усиление просветительской, благотворительной и миссионерской деятельности, что являлось особенно важным для сибирских монастырей. Революционные

¹ ТЕВ. 1908. № 18. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 20–31; *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 19.

² *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 28.

³ Церковные ведомости. 1909. № 13–14. С. 100–101; Прибавления к Церковным ведомостям. 1909. № 28. С. 1294–1296.

⁴ ТЕВ. 1911. № 14. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 738–746.

⁵ Там же. 1908. № 24. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 1–9; Церковные ведомости. 1909. № 6. С. 34.

⁶ Там же. 1909. № 17. Офиц. часть С. 393; ТЕВ. 1913. № 10. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 475.

события и разложение существующего государственного режима помешали намеченным преобразованиям. Логическим итогом событий, происходящих в среде монашества в начале XX в., стали постановления Всероссийского поместного собора 1917 г., который издал уставы новой соборной структуры Русской Православной Церкви, в т. ч. монастырские «...с предоставлением на всех уровнях широкой инициативы снизу и выборного начала»¹. Собор восстановил автономию и внутренний демократический строй жизни монастырей, возложил на них новую, более важную миссию в деле церковного просвещения. Кроме этого, планировалось открытие школ и академий — специальной структуры учебных заведений для монашествующих. Для улучшения сотрудничества, перед всероссийскими соборами предполагалось проводить съезды представителей монашества, а монахи-богословы должны были объединиться во Всероссийское монастырское братство церковного просвещения².

Гораздо в большей степени жизнь монастырей епархии зависела от деятельности и управленческих решений епархиальных властей — среднего звена управленческой структуры Русской Православной Церкви. Решения высшего управления были основаны на информации, полученной от епархиальных властей. Во многом от их позиции зависела эффективность реализации решений высших инстанций, т. к. исполнение любого распоряжения не могло состояться без функционирования традиционного механизма исполнения и контроля на епархиальном уровне. Именно епархиальные власти принимали конкретные управленческие решения, реагируя на изменения внешней и внутренней среды иноческой обители.

В границах епархии — церковно-административного округа Русской Православной Церкви — положение и развитие монастырей зависело от личных качеств и программы действий епархиального архиерея. Кроме епископа, в результате реорганизации епархиального звена управления Русской Православной Церкви во второй четверти XIX в., важной частью управления епархией стала Духовная консистория, из канцелярии архиерея превратившаяся, по сути, в представительство обер-прокурора, имеющее функции контроля за деятельностью преосвященных, частично ограничивающее их власть. Практически все дела епархии рассматривались в Томской духовной консистории, но ее решения вступали в силу только после их утверждения епархиальным архиереем. По Уставу духовной консистории контроль за управлением монастырей принадлежал

епархиальному начальству и осуществлялся через консисторию. Важной частью Томской епархии являлась Алтайская духовная миссия — высокоразвитая организация со значительной подконтрольной территорией, собственными управленческими структурами и особыми задачами, возглавляемая начальником миссии, с 1880 г. — викарным епископом Бийским. Большинство монашеских обителей епархии было основано на территории Алтая с миссионерской целью и подчинялись начальнику миссии. Чулышманский монастырь миссии, в силу географического положения, играл роль форпоста русской государственности в буквальном смысле. В начале XX в. в нем проживали врач, таможенный чиновник и при них нижний полицейский чин¹.

Во время инспекционных поездок викарного епископа Бийского и епископа Томского обязательно предусматривалось посещение монастырей и общин на подконтрольной территории. Архиереи участвовали в мероприятиях, посвященных открытию общин, переименованию их в монастыри, освящению храмов, открытию школ и приютов, постригу в монашество и возведению в сан. Кроме участия в официальных церемониях, оценивалось положение дел в обителях, делались предложения по их дальнейшему развитию. Часто решались конкретные проблемы. Так, во время осмотра Чулышманского приюта епископом Томским Анатолием в 1915 г. выяснилось, что дети часто болеют коклюшем и в районе часто бывают эпидемии. Вследствие распоряжения епархиального преосвященного, для профилактических мер в Чулышман с необходимыми медикаментами был направлен иеромонах Пионий, имеющий фельдшерское образование². Для Матурской общины, находящейся на границе Томской и Енисейской епархий, помимо разрешения проводить сбор пожертвований на всей территории Томской епархии, епископ Анатолий письменно достиг договоренности с епископом Енисейским и Красноярским о разрешении сбора в Енисейской епархии. Традиция, когда посещение монастыря архиереем было скорее не начальственной ревизией, а конкретной помощью в решении проблем и часто обучением и наставлением монашествующих, была заложена епископом Макарием (Невским) еще в бытность его начальником миссии³.

Открытие монастырей и общин, преобразование общин в монастыри, утверждение в должности настоятелей и настоятельниц и возведение их в сан (игумена, игуменьи, архимандрита) требовало специального указа,

¹ ТЕВ. 1902. № 1. Неофиц. часть. С. 11.

² Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. // ТЕВ. 1916. № 14. Неофиц. часть. С. 480.

³ Отчет о миссиях за 1891 г. // ТЕВ. 1892. № 5. Неофиц. отдел. С. 14.

¹ Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 41.

² Там же. С. 43.

определения Синода, вступавшего в силу только после «Высочайшего соизволения». Но и в этих случаях ход делу давало ходатайство епархиального архиерея. Только при открытии обители прошение могло подать частное лицо (Улалинский и Чулышманский монастыри были открыты по ходатайству купца Малькова), но с благословения епископа и при его поддержке. Епископ рассматривал необходимость и пользу учреждения общины или монастыря, вопросы экономического обеспечения (отвод земли, наличие первоначального капитала, привлечение жертвователей, открытие свечных заводов и т. д.).

Кроме того, епархиальное начальство решало дела об отпуске в столицы, другие города и за границу (с выдачей паспорта из Томской духовной консистории). В консистории находились вторые экземпляры подробных описей всего монастырского имущества, первые хранились в монастырях. В них были указаны все прибыльные и ценные вещи, кроме «маловажных и удобноповреждаемых, о которых ведется в монастыре особый реестр»¹. Настоятели ежегодно подавали в консисторию ведомости о состоянии монастыря. На основании ведомостей настоятелей и отчетов благочинных в консистории составлялась сводная ведомость для приложения к отчету обер-прокурору. Донесения о нуждах и проблемах монастырей рассматривались также в Томской духовной консистории, в т.ч. об отводе пахотных или лесных участков, отпуске леса. В случае положительного решения консистории и епископа, епархиальное начальство ходатайствовало перед местным начальством государственных имуществ. В случае отказа последнего епархиальный архиерей делал представление Синоду². Консистория делала заключение о выгодности сделки и давало разрешение о сдаче недвижимости монастыря в оброчное или арендное содержание, рассматривало вопросы внешнего устройства, улучшения хозяйственного управления обители³.

Важную роль в структуре епархиального управления играли благочинные монастырей — лица, непосредственно осуществляющие контроль над братией и хозяйством, действующие на основании инструкции благочинному монастырей Устава духовных консисторий. Благочинный избирался епархиальным архиереем из способных настоятелей с безупречным поведением «для надзора за монастырями и монашествующими»⁴. На практике должность благочинного градо-Томских монастырей занимали, как правило, настоятели Алексеевского

¹ УДК. Гл. 6, отделение 2. Ст. 120.

² УДК. Гл. 6, отделение 2. Ст. 125.

³ УДК. Гл. 6, отделение 2. Ст. 126–129.

⁴ Инструкция благочинному монастырей. Ст. 1.

монастыря, в отдельные периоды — ректоры семинарии (архим. Моисей в 70-е гг. XIX в.) или авторитетные представители белого духовенства (протоиерей И. И. Изосимов в 1899–1901 гг.). Должность благочинного монастырей Алтайской миссии выполнял благочинный церковью миссии.

Кроме того, надзор за монастырями и общинами миссии осуществлялся администрацией миссии, поскольку они являлись частью ее структуры. Контроль за Барнаульским Богородице-Казанским монастырем осуществлял благочинный церковно-административного округа № 17 (г. Барнаул). Надзор за женскими монастырями мог быть поручен благочинному мужских монастырей или избранной смотрительницей благочиния из игумений, «или же из старших сестер монастыря, где он один». В Томской епархии, по причине больших расстояний между обителями, благочинные выбирались из старших сестер монастыря, отвечающих за соблюдением правил богослужения и благочиния. А благочинные церковно-административных округов осуществляли сбор информации и общий контроль за деятельностью обители.

В сферу контроля благочинного монастырей входили: богослужение, благочиние, нравственность и хозяйство. Они следили:

- за соблюдением жизни обители по уставу монастыря, древним общим иноческим правилам и церковно-гражданскому законодательству;
- за благоустройством монастырских церквей и религиозным настроением обитателей;
- за приходом-расходом денежных средств, соблюдением правил их хранения, состоянием строений монастыря.

Они также оценивали эффективность ведения хозяйства, проверяли, чтобы сдача оброчных статей осуществлялась с разрешения епархиального начальства¹.

Благочинный был обязан посещать обитель не реже одного раза в год и о результатах проверки сообщать епархиальному архиерею и консистории. Проверка хозяйства и документации должна была проводиться раз в полгода с подготовкой отчета в Томскую духовную консисторию². В донесении благочинного монастырей г. Томска, ректора семинарии архим. Моисея в консисторию о состоянии поднадзорного Иоанно-Предтеченского монастыря в 1871 г. содержалась общая оценка: «Все в порядке, чистоте и должной исправности» и сведения о церквях и зданиях, хозяйстве, просветительско-благотворительных учреждениях, изменении в числе сестер. В нем были подробно описаны источники содержания общины и полученный годовой доход, результаты проверки

¹ Инструкция благочинному монастырей. Ст. 1–10.

² УДК. Гл. 6, отделение 2, ст. 119.

религиозного настроения и начальных знаний христианской веры¹. Благочинные могли оказывать определенное влияние на судьбу монашествующих. В именных ведомостях в графе «каких качеств» они давали характеристику лицам монастырской администрации и монашествующим. Они же собирали и подавали в консисторию сведения о настоятелях и настоятельницах.

Благочинные применяли различные формы и методы контроля. Так, благочинный монастырей г. Томска архим. Моисей «в разные времена года и внезапно осматривал» подопечные обители². Благочинному вменялось в обязанность собирать информацию для ежегодного отчета по епархии и по распоряжению Синода. Через него до сведения настоятелей доводились указы Синода и распоряжения епархиального начальства. На него же возлагался контроль за их исполнением.

Благочинный монастырей обладал широкими полномочиями. Он имел право все осматривать и во всем требовать отчета и объяснения, давать советы и наставления настоятелю даже в присутствии братии, но с сохранением «приличного уважения». Мог увещевать братию при настоятеле и с его согласия налагать эпитимию за проступки. В особых случаях он имел право проводить дознания, кроме того, ему разрешалось прибегать к более жестким мерам с разрешения епархиальных властей³. При увольнении настоятеля от должности и передаче монастыря обязательно было присутствие благочинного или других доверенных лиц. Монахи и послушники, приходящие в город, обязаны были являться к нему и докладывать о цели прихода, сроке и месте пребывания.

Изученные нами отчеты благочинных не содержат отрицательных оценок состояния обителей и сведений о применении чрезвычайных полномочий. В основном контроль носил поверхностный характер, касаясь больше церковно-религиозной сферы, для положительной оценки хозяйственной деятельности требовалось отсутствие грубых нарушений и правильность ведения документации. Проверку невозможно было провести за одно или несколько посещений в течение года, большинство отчетов составлялись благочинными на основе сведений, поданных монастырской администрацией. Кроме того, должность благочинного не освобождала от выполнения основных обязанностей. Вступление в конфликт с настоятелем могло иметь и отрицательные последствия для благочинного, т.к. руководитель монастыря занимал высокую ступень в епархиальной иерархии и обладал значительным влиянием и авторитетом

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1627. Л. 13–16.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1627. Л. 13.

³ Инструкция благочинному монастырей. Ст. 34–37 // Там же.

как среди духовенства, так и у светских властей. Поэтому проблемные ситуации в большинстве случаев не выходили за стены монастыря и решались монастырской администрацией самостоятельно. В особых случаях для освидетельствования состояния монастыря, по избранию епархиального архиерея из лиц, не только хорошо знающих монастырский устав, «но и отличающихся опытностью, правдолюбием и духовною рассудительностью», назначался проверяющий¹. В начале XX в. Синод отмечал, что во многих случаях благочинные не проводят проверок в установленные сроки, а тем более внезапно. Редко и невнимательно проверяют денежную отчетность в подконтрольных обителях, хотя несут ответственность за точное исполнение требований к хранению, использованию денежных сумм и отчетности.

В связи с возрастанием роли женских обителей в культурно-просветительской, благотворительной и религиозной жизни российского общества в XIX – начале XX в., как уже было определено, необходимо рассмотреть особенности женских общин как социальных организаций. Русская Православная Церковь всегда с почтением относилась к женскому служению. Принимая огромные лишения в начале пути, женские общины выстояли, и уже во второй половине XIX в. государство и общество смогли по достоинству оценить их значение.

Важно понять микроклимат, существовавший в женских обителях, преобладающая часть сестер которых входила в возрастную группу до 35 лет. Межпоколенческие отношения в монастыре составляли основу для социокультурной преемственности, усваивания системы традиционных ценностей и мировоззренческой ориентации молодыми членами общины. В этих отношениях большую роль играл институт наставничества. После облечения в рясофор сестра несла трехлетний иску для испытания веры под руководством духовной наставницы-старицы. Опытная наставница в духовной жизни и труде не только давала советы, но и служила примером. При такой системе у молодых сестер шло формирование внутренней потребности к духовному самосовершенствованию.

В труде складывалась определенная система отношений между опытными сестрами и молодыми членами общины. Послушницы, попадая в обитель, на протяжении первых лет проходили испытания на различных работах, в основном связанных с физическим трудом. Исследователи советского периода подчеркивали, что обнищавшие крестьянки набирались в монастырь в качестве послушниц для выполнения более грязной работы в качестве дармовой рабочей силы, готовой «...за кров

¹ УДК. Ст. 118 // Там же.

и хлеб нести самые трудные послушания»¹. Но это противоречит их собственному выводу о том, что крестьяне уходили в монастырь от мирских проблем и забот в поисках более спокойной жизни, т. к. труд в монастыре был не тяжелее крестьянского, а кров и еда гарантированы. Труд монашествующих был не только частью их религиозно-нравственной жизни, но и основным условием существования монастыря. В отличие от мирской жизни, за стенами иноческой обители труд становился способом выражения способностей и достоинства человека, поскольку уже не воспринимался «долгом рабов» и был средством преобразования окружающего мира во славу Бога и на пользу людей².

Уровень профессиональной и образовательной подготовки не достигался автоматически, он требовал целенаправленных и систематических усилий со стороны монастырской администрации в процессе непрерывного обучения кадров. На основе способностей и прилежания сестер проходил отбор и дальнейшая специализация в одной из монастырских структур. В мастерских, церкви, школах и больницах, требовавших более квалифицированных работниц, трудились сестры, прошедшие начальный период испытания и получившие определенные трудовые навыки. В отдельных случаях достигшая определенного положения и получившая образование в миру сестра сразу по поступлению в обитель могла быть поставлена на высокую должность в одной из монастырских структур. Подобная система, связанная с испытанием твердости намерений, веры и сил, органической частью которой была образовательная и профессиональная подготовка, позволяла отсеять ненадежных и случайных послушниц на первом этапе и подготовить испытанных временем и трудом членов общины, с которыми были связаны дальнейшая судьба и благополучие всей обители. Важно подчеркнуть, что в монастыре существовала лишь моральная оценка труда. Каждая сестра, работая, заботилась о благе всех обитателей общины. Сестры ощущали полезность и безопасность своего существования. В случае заболевания и неспособности выполнять послушания они не бросались на произвол судьбы, проходили лечение в монастырской или городской больнице. Так, в Бийском Тихвинском монастыре вплоть до 1918 г. оплачивались вызов доктора и доставка лекарств, содержание и лечение в Бийской городской больнице³. При постоянной потере трудоспособности оставались на содержании монастыря под присмотром сестер.

¹ Прошин Г. Г. Указ. соч. С. 128; Зыбковец В. Ф. Указ. соч. С. 35.

² Фермантти Е. Монашество в процессе становления европейской культуры и цивилизации // Православие. Общество. Культура: материалы Международной научной конференции. Омск, 1995. С. 202–207.

³ ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 4В. Л. 68; Д. 6А. Л. 58–60; Д. 11. Л. 207, 214.

Факторами, оказывающими значительное влияние на эффективность деятельности и развитие женских обителей, являлись: конкретная сфера приложения усилий – просвещение и благотворительность; стабильность состава и гибкость организационной структуры. С увеличением количества сестер росло и число квалифицированных кадров. Постоянное развитие женских обителей было отличным стимулом и для личного роста, что разительно отличало их от замерших в развитии мужских монастырей епархии.

В монашестве, в отличие от мира, положение и сферу деятельности человека не определяла сословная принадлежность, поэтому в монастырях «...имелись большие возможности для реализации способностей человека, в том числе и творческих»¹. Для талантливой, энергичной женщины было практически невозможно реализовать себя в мирской жизни, т. к. ее жизненный путь должен был протекать в основном на семейном поприще и не был связан, за редким исключением, со службой или общественной деятельностью. И положительные черты женщин-руководителей (с точки зрения современной управленческой науки): контактность и практичность мышления, предпочтение конкретно-гарантированного результата, и отрицательные: отсутствие глобального взгляда на проблему, более развитый консерватизм, увязание в человеческих отношениях, повышенное внимание мелочам и эмоциям, во второй половине XIX – начале XX в. при управлении иноческими обителями Томской епархии, несомненно, относились к их сильным чертам. Об этом свидетельствуют успехи, достигнутые ими за короткий промежуток времени в просветительско-благотворительной и хозяйственной сферах.

Поскольку монашествующие женского пола не могли священнодействовать и подняться по иерархической лестнице Русской Православной Церкви выше должности настоятельницы монастыря, то они не могли составлять конкуренцию при продвижении по служебной лестнице представителям как черного, так и белого духовенства. По этой же причине они оказались невтянутыми в обострение отношений между черным и белым духовенством по вопросу принадлежности управляющего звена Русской Православной Церкви к монашескому званию, связанному с проблемой рассмотрения иночества некоторыми лицами только как фундамента для духовной карьеры, что создавало конфликтную ситуацию между монахами по должности и монахами по призванию². Такое положение позволяло настоятельницам женских монастырей и общин пользоваться неизменным уважением и авторитетом среди духовенства.

¹ Русское православие: веки истории... С. 101.

² Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. С. 340.

Развитие женских обителей Томской епархии было связано с расширением их структур путем создания взаимодействующих между собой разнофункциональных подразделений и постоянным совершенствованием деятельности, направленной на достижение социального эффекта. Одной из причин успешной деятельности являлась система подготовки сестер, включающая в себя учет особенностей при выборе поля деятельности, развитие личных качеств, приобретение, кроме профессиональных, навыков в хозяйственной, религиозно-церковной сфере, знаний в области психологии личности, развитие организационных и коммуникативных способностей. Особенности жизни монашеской общины, регламентирующей до мелочей отношения между сестрами и обеспечивающей консолидацию ее насельниц на основе единства судьбы и отсутствия противоречий между системой духовных ценностей и характером социальной деятельности, обеспечивали стабильное поступательное развитие женских обителей в исследуемый период.

Несомненно, что монастыри как социально-экономические организации, основанные на самообеспечении, самоуправлении, самоконтроле, без активного воздействия враждебной внешней среды, могли успешно существовать в автономном режиме. Подтверждением этому служат примеры сохранения монашеских обителей на протяжении достаточно долгого периода в условиях жестко проводимой государственной политики гонений на церковь. Монахини и послушницы Бийского Тихвинского монастыря, официально ликвидированного в 1920 г. и переданного для устройства детского дома, пытались приспособиться к новым условиям. Зарегистрировавшись в качестве религиозной общины, они сумели сохранить за собой монастырский храм, несмотря на многочисленные попытки педагогического коллектива детского дома и местной администрации закрыть его и переделать под клуб, построили шесть новых домов, продолжали вести хозяйство. Сократившаяся до 86 сестер к 1928 г., община фактически руководствовалась монастырским уставом и управлялась бывшей настоятельницей, официально являющейся председателем церковного совета¹.

В XIX–XX вв. монастыри являлись низшими подразделениями в трехступенчатой структуре управления Русской Православной Церкви. Для этого периода были характерны попытки государства поставить обители под более жесткий контроль, заставить исполнять многочисленные бюрократические правила. Практически все сферы жизни монастыря были регламентированы указами внешних инстанций. Но роль центральных церковных властей, чрезвычайно важная в регуляции общего хода развития монастырей империи, была незначительна в организации повседневной

¹ ЦХАФ АК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1. Л. 155–156.

жизни монашеской общины. В большей степени положение монастырей епархии зависело от деятельности и управленческих решений епархиальных властей – среднего звена управленческой структуры Русской Православной Церкви, непосредственно осуществляющего контроль за братией и хозяйством обителей. Именно на епархиальном уровне был создан эффективный механизм контроля.

Монастыри обладали известной самостоятельностью в административном отношении. Система внутримонастырского управления, основанная на принципах коллегиальности и взаимоконтроля при решении важных хозяйственных вопросов, позволяет говорить об определенной автономности существования обителей юга Западной Сибири. Контроль со стороны епархиальных властей осуществлялся по наиболее важным направлениям, большинство вопросов находилось в полной компетенции монастырской администрации. Организационная структура и специализация управления иноческих обителей развивалась параллельно с ростом экономического благосостояния и количества обитателей. Во внутримонастырском управлении наибольшая специализация была достигнута в организации хозяйства. Список административных должностей и их функции (круг полномочий) могли значительно различаться в разных обителях. В конце XIX – начале XX в. монастыри Томской епархии превращаются в крупные полифункциональные общности, играющие важную роль в религиозной, культурной, хозяйственной жизни региона.

Женские монастыри Томской епархии отличались от мужских более разветвленной организационной структурой и специализацией управления по причине быстрого роста числа сестер и появлением новых направлений деятельности. К началу XX в. произошли значительные изменения во внутреннем управлении женских обителей. В отличие от начального этапа, когда для устройства дел в недавно основанных обителях приглашались сестры из монастырей европейской части России или Тобольской епархии, к концу XIX в. в женских обителях Томской епархии были подготовлены собственные управленческие кадры. В конце XIX – начале XX в. активно стали применяться принципы соборности и выборности. В начале века все большую роль в жизни женских обителей стали играть советы старших сестер. Наряду со следованием традиционной схеме можно отметить определенную степень новаторства и готовность к нововведениям руководителей томских обителей.

Схема управления в мужских монастырях епархии существенно отличалась от женских, по причине исторической традиции и направлений деятельности, малочисленности братии и географического расположения. Важную роль в их управленческой структуре играла должность наместника, в связи с тем, что настоятелями мужских обителей являлись архиереи.

1.4. Численность и состав монашествующих, послушников и послушниц

Монашествующие составляли только около 10 % духовного сословия, но во всех церковно-гражданских законодательных актах рассматривались как отдельная субсословная группа. У них были свои права и обязанности, отличные от белого духовенства, к ним предъявлялись другие требования со стороны государства. Только представители черного духовенства могли занимать управленческие посты высшего и среднего звена в Русской Православной Церкви. «Закон о состояниях» делил монашествующее духовенство на две группы: 1) Духовные власти: митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, строители, игуменьи и настоятельницы женских монастырей и ризничий Московского Синодального Дома; 2) прочая монашеская братия¹. По сравнению с белым духовенством, основным источником воспроизводства которого вплоть до XIX в. служили внутренние ресурсы, монашество обладало более широкой сословной структурой. Для представителей низших сословных групп пострижение в монашество долгое время было единственной возможностью реализовать свои способности и добиться в рамках Русской Православной Церкви высокого положения в обществе, т. к. в монашестве происхождение не играло роли. Еще одной важной особенностью черного духовенства являлась значительная доля женщин, особенно во второй половине XIX — начале XX в., имевших право занимать управленческие посты.

В то время как само духовенство обладало специфической культурой, отличной «...как от европеизированной дворянской, так и от народной крестьянской», монашество, в свою очередь, века создавало свою субкультуру, оказавшую огромное влияние на развитие общероссийской культуры². Черное духовенство отличалось определенным культурно-историческим стереотипом поведения, основанном на ценностных ориентирах и соблюдении этико-религиозных норм. Это было связано и с формой проживания монашествующих достаточно замкнутым социумом-общинной с особыми моделью управления и социокультурными признаками: концентрацией христианской культуры и традиций, высоким культурным уровнем и общей грамотностью, четкими ценностными ориентирами и твердостью нравственных принципов, отсутствием вредных привычек и особой системой питания, внутренней иерархией и строгим

¹ Извлечение из IX тома Свода Законов. Изд. 1899, раздел второй «О духовенстве», гл. 2, отделение первое, ст. 406 // Церковное благоустройство: сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному ведомству. М., 1901.

² Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 102.

распределением обязанностей, системой внутреннего воспитания, образования и профессиональной подготовки и т.д. В Сибири монашеские общины часто существовали в окружении языческого мира и, вступая с ним в контакт, оказывали значительное влияние на окружающую социокультурную среду, принося с собой свет учения Христа.

Общероссийская тенденция преобладающего роста числа монашествующих женского пола и послушниц, связанная с открытием новых женских монастырей и общин, четко прослеживается при исследовании динамики роста числа монашествующих, послушников и послушниц иноческих обителей Томской епархии. В ней первые женские общины были основаны в период 1860–1864 гг., который являлся гранью между преобладанием в Российской империи количества мужских монастырей над женскими и началом этапа усиления учреждения женских общин и обращения их в монастыри¹.

Из анализа таблицы 7 приложения 1 следует, что за период 1869–1886 гг. в Томской епархии число монахинь возросло в 6 раз, в то время как число монахов уменьшилось вдвое. Общее количество монахинь и послушниц увеличилось в 4,2 раза, в большей степени за счет резкого роста числа послушниц, и в 1886 г. превысило общее число монахов и послушников в 8,2 раза. На протяжении 30 лет (1869–1899 гг.) в Улалинском монастыре среднегодовой прирост насельниц составлял 22,73 % в год.

Численность монашествующих и лиц, несущих послушания, за этот период выросла в три раза (с 71 до 214 человек), причем число монашествующих о.п. увеличилось незначительно — на 28 %, из-за снижения числа монахов, а общее число послушников и послушниц возросло в 3,5 раза. По данным на 1 января 1884 г., монашествующие Томской губернии составляли примерно 0,005 % от общего населения губернии, 0,006 % — от православного населения, 4 % — от православного и единоверческого духовенства, один монашествующий приходился на 14840 православных жителей губернии².

Открытие в 1894 г. двух новых женских общин, преобразование их в 1900 г. в общежительные монастыри дало дополнительный импульс росту числа монахинь и послушниц, создав еще большую диспропорцию в половой структуре обитателей иноческих обителей епархии. Как видно из таблицы 8 приложения 1, в 1898–1899 гг. число монашествующих и несущих послушание о.п. обителей Томской епархии составляло 501 (474 жен., 27 муж.), из них монашествующих и рясофорных 90 (76 жен., 14 муж.).

¹ Зверинский В. Монастыри в Российской империи. С. 9–10.

² Подсчитано нами по: ТЕВ. 1885. № 20. Неофиц. отдел. С. 2–3.

За первые пять лет число сестер Барнаульского и Бийского женских монастырей почти сравнялось с числом сестер Томского и Улалинского женских монастырей, имевших 36-летнюю историю существования к концу века. Тенденция ускорения роста общей численности насельниц двух новых монастырей прежде всего была связана с активизацией процесса переселения на Алтай во второй половине XIX в. и увеличением населения городов. За 1858–1897 гг. население г. Барнаула увеличилось с 11287 тыс. до 29408 тыс. человек (в 2,6 раза), Бийска – с 5035 тыс. до 17206 тыс. человек (в 3,4 раза). Преобладающий рост населения этих городов в последние два десятилетия XIX в. был определен возрастанием их роли как административных и торговых центров региона и развитием перерабатывающей промышленности¹. Несмотря на то, что к 1900 г. из двух архиерейских домов, двух мужских и четырех женских монастырей на территории Алтайского округа находились один архиерейский дом, один мужской и три женских монастыря, соотношение числа жителей, приходящихся на одного монашествующего, было выше, чем в среднем по епархии, из-за резкого подъема численности населения Алтая. С выходом закона от 13 июля 1889 г. число переселенцев в Сибирь увеличилось, и преобладающая их часть оседала на Алтае: в 1889 г. – 17,2 тыс., 1890 г. – 31,3 тыс., 1893 г. – 43,4 тыс. человек. В конце XIX в. в Алтайском округе один монашествующий (в т. ч. рясофорные послушники) при населении 965546 человек приходился на 24758, один послушник/послушница – на 5455, одна иноческая обитель – на 241386 человек². В Томской епархии в 1894–1895 гг. православное население насчитывало 1411367 чел. о.п. и одна иноческая обитель (включая архиерейские дома) приходилась на 176420, один монашествующий (включая рясофорных) на 15682, один послушник/послушница на 5077 православных жителей епархии³.

И. Преображенский отмечал, что в большинстве епархий империи рост православного населения во второй половине XIX в. опережал рост числа монашествующих⁴. Если в 1860 г. в среднем в епархиях Русской Православной Церкви на один монастырь приходилось 84775, на одного монашествующего – 6065, на одного послушника/послушницу – 3940, на

¹ Городецкий А. Э. Население Барнаула и Бийска во второй половине XIX века // Россия и мировой исторический процесс: материалы Всероссийской межвузовской конференции. Бийск, 1999. С. 93–94.

² Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897 гг.). СПб, 1897. С. 117–118.

³ Подсчитано нами: ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3775. Л. 55; Справочная книга по Томской епархии за 1898–99 гг., Томск, 1900. С. 76–77; ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–8; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3488. Л. 19; ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–13; Мисурев А. А. Указ. соч. С. 71.

⁴ Преображенский И. Указ. соч. С. 39.

епархию – 912890 православных, то в 1890 г. на один монастырь – 99540, на одного монашествующего – 5085, на одного послушника/послушницу – 2790, на епархию – 1181420 православных. Число православного населения Томской епархии было приблизительно равным среднему показателю по империи, а число монашествующих меньше среднероссийского показателя в 3 раза, послушников/послушниц – в 2 раза.

В начале XX в., наряду с постоянным ростом числа монахинь и послушниц, прослеживается тенденция постепенного количественного увеличения насельников мужских обителей. Если в конце XIX в. монахини и послушницы в 17,5 раза превосходили число монахов и послушников (монахини – в 2 раза; послушницы, включая рясофорных, – в 21 раз), то в 1910 г. – в 8,4 раза (монахини – в 2,6 раза, послушницы – в 11,3 раза). На протяжении первых 16 лет начала XX в. численность обительниц женских монастырей и общин Томской епархии продолжала все так же стремительно расти. В 1911–1916 гг. были открыты четыре новые женские общины. Только в Чемальской общине (осн. в 1911 г.) число сестер за 1912–1916 гг. выросло с 10 до 38 человек¹. Одним из решающих факторов роста численности населения иноческих обителей епархии продолжали оставаться внешний и внутренний миграционный потоки населения. К 1916 г. число монахинь и послушниц превосходило число монахов и послушников в 8,5 раза (монахини – в 2 раза, послушницы – в 15,5 раза) и уже в 1907 г. было значительно выше, чем общее количества сестер обителей соседних сибирских епархий (см. приложение 1, табл. 9).

Процесс роста численности сестер женских монастырей и общин в соседней Тобольской епархии шел менее быстрыми темпами и имел свои особенности, но в целом отражал описанную выше тенденцию. В 1869 г. общая численность сестер двух женских монастырей – Иоанно-Введенского и Туринского Николаевского – составляла 186 человек². В конце XIX в. количество женщин в обителях Тобольской епархии составляло примерно 380 человек³. Особенностью возникновения женских обителей в Тобольской епархии являлось то, что часть их была учреждена на месте закрытых мужских. Это создавало яркий контраст при сравнении положения монастыря до и после переименования, в том числе и по числу обитателей.

¹ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 93–96; Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 13.

² Скачкова Г. К. Женские монастыри Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Русский вопрос и современность: материалы 3-й Всероссийской научной конференции. Омск, 1998. С. 205.

³ Тобольская епархия. С. 125, 135, 164.

За 1869–1916 гг. общее число монашествующих, послушников и послушниц в Томской епархии возросло в 13,6 раза (монашествующих — в 11,7, послушников и послушниц — в 14,2 раза). Такой рост стал возможен в первую очередь по причине динамичного развития женских обителей, численность насельниц которых увеличилась за этот период в 20 раз. Из-за непродолжительного периода существования большинства иноческих обителей епархии преобладающую долю от числа их обитателей в 1916 г. составляли послушники и послушницы — 83 %, в то время как в среднем в монастырях империи они составляли 70 % общего постоянного населения¹ (см. приложение 1, табл. 10).

В 1916 г. на 3499939 лиц православного вероисповедания в Томской епархии (1800804 м. п., 1699135 ж. п.) приходилось 25 протоиереев, 1042 священника, 136 диаконов, 872 псаломщика, 164 монашествующих, 808 послушников/послушниц. Сверх того уволено по старости и болезни за штат 7 протоиереев, 23 священника, 5 диаконов, 19 псаломщиков².

В мужских монастырях и архиерейских домах монахи составляли в конце XIX в. не менее 40 % братии, в отличие от женских обителей, где монахинь было около 5 %, а вместе с рясофорными послушницами — 16 % от общего числа сестер. Данный структурный дисбаланс: явное численное превосходство послушниц над монахинями являлось характерным для большинства женских монастырей Русской Православной Церкви. По данным И. Преображенского³, в империи во второй половине XIX в. в среднем на один женский монастырь приходилось 30 монахинь и 90 послушниц, на один мужской — 14 монахов и 11 послушников, в Томской епархии — 6 монахинь и 80 послушниц, 3 монаха и 4 послушника. Описанная тенденция объясняется быстрым ростом числа женских монастырей и общин во второй половине XIX — начале XX в., а следовательно, непродолжительным периодом существования обителей и более высоким возрастным цензом для монашеского пострига, определенным законодательством для женщин — по достижению 40 лет (у мужчин — 30 лет).

Формально быстрому росту численности монахинь и послушниц способствовало то, что все женские обители епархии являлись нештатными, и в них разрешалось принимать столько сестер, сколько обитель сможет содержать. После секуляризации и указа 1764 г. монастыри были разделены на три класса. Мужские монастыри и архиерейские дома, будучи штатными, могли принимать желающих посвятить себя служению Богу лишь при наличии вакансии. Штат 3-классного монастыря составлял 12, а 2-классного — 17 человек с четко определенными функциями. Так, по

штату братия Томского Алексеевского монастыря должна была состоять из архимандрита, казначея, четырех иеромонахов, двух иеродиаконов, пономаря, просфирника, ключника, чашника. Но практически на протяжении всего изучаемого периода штат был не укомплектован (см. приложение 1, табл. 11). С 1834 г. монастырь стал местопребыванием епархиального архиерея¹, но ни это событие, ни реформы 60-х гг. XIX в. не привели к увеличению числа братии, хотя «поступление в монастыри для пострижения в них со стороны мирских светских людей, свободных от обязательных отношений к государственной службе, обществу или помещикам, теперь уже не было стеснено»². Только в начале XX в. число его обитателей стало возрастать, в основном за счет увеличения доли послушников.

Одной из особенностей состава насельников Алексеевского монастыря было то, что в нем постоянно находились на исправлении священнослужители за различные провинности. В 1831 г. одновременно при обители состояло 20 человек под штрафом³. Во второй половине XIX в. их количество не достигало такого размера, но к священнослужителям и монашествующим, находящимся на исправлении, прибавилась другая категория — дети священно- и церковнослужителей, уволенные из духовных учебных заведений епархии. Все это являлось причиной крайне непостоянного состава братии монастыря. В 1869 г. в обители состояли настоятель, иеромонах, два иеродиакона, рясофорный и шесть послушников. Из числа послушников трое были исключены из низшего отделения Томского духовного уездного училища, бывший священник Нижегородской епархии, сосланный в 1867 г. в Томскую губернию по решению Сената за составление фальшивого метрического свидетельства, и крестьянский сын, сосланный по решению Владимирского губернского суда по делу «о противности его помещику»⁴. За два года в составе монастыря произошли существенные изменения, по фамильному сравнению именных ведомостей показывает, что состав братии обновился на 50 %. К 1871 г. из 12 человек, состоящих в братии монастыря в 1869 г., осталось лишь шесть. За это время к братии были причислены, наряду с тремя молодыми людьми, уволенными из духовного училища, вдовый диакон К. Киселев, замеченный в нетрезвом поведении и других «неприличных духовному званию поступках», определенный в монастырь по его прошению и вдовый запрещенный священник Красносельский, в 1869 г. бывший под судом

¹ Зыбковец В. Ф. Указ. соч. С. 23.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 11–33.

³ Преображенский И. Указ. соч. С. 17.

¹ ТЕВ. 1887. № 11. Неофиц. отд. С. 8.

² Беликов Д. Н. Указ. соч. С. 127.

³ Там же. С. 129–130.

⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 39–43.

за потерю «дарохранительницы со святыми дарами» и нетрезвую жизнь. Был подвергнут Томской духовной консисторией 3-месячной эпитимии в Алексеевский монастырь, затем «как неподающий надежды к исправлению и в своем объяснении благочинному сознавшийся в уклонении для совершения таинства крещения над младенцами и в вымогательстве платы за совершение этого таинства» был уволен за штат с запрещением священнослужения¹. В 1883 г. численность братии монастыря значительно сократилась, и из пяти человек двое находились в нем на исправлении, в том числе 68-летний иеромонах Герман, бывший в разное время наместником Иркутского Вознесенского, Чикойского Иоанно-Предтеченского монастырей, сотрудником Иркутской миссии. В 1880 г. он был назначен казначеем Алексеевского монастыря, но за нетрезвую жизнь и самовольные отлучки в административном порядке определен в клиросное послушание при обители с запретом священнослужения на месяц, сверх этого на основании п. 10 ст. 187 Устава духовной консистории ему предписывалось за каждую службу налагать по 25 земных поклонов в течение месяца². На исправление и послушание в монастырь также посылали прощтрафившихся из других мужских обителей. Малочисленность братии, непостоянство состава, большая доля лиц, находящихся на исправлении, не могли не накладывать негативный отпечаток на духовно-нравственный климат в Алексеевском монастыре, резко контрастировавший с положением, сложившимся в исследуемый период в женских обителях епархии. Этому способствовало то, что распространенной мерой наказания для лиц духовного звания, регламентированной Уставом духовной консистории, являлась посылка в монастырь на послушания и труды на срок от двух до шести месяцев для исправления. Подобная ситуация была характерна и для остальных мужских монастырей и архиерейских домов епархии. Наличие в братии Томского архиерейского дома людей «сложной судьбы» характерно для второй половины XIX в.³ В 1869 г. из восьми монахов и священнослужителей архиерейского дома: монах Гурий — бывший священник, сосланный в Сибирь за ложную подпись духовного завещания; монах Филарет — бывший бродяга, сосланный в Сибирь; диакон К. Киселев, штрафованный ранее за пьянство и неблаговидный поступок в церкви⁴.

Во многом иначе протекал процесс формирования братии Чулышманского монастыря, до начала XX в. немногочисленной и жившей в «...скудности, граничащей иногда с нищетой». Из-за суровых природных

условий, отдаленности от населенных пунктов и тяжести миссионерского труда немногие могли «...вынести жизнь в этом монастыре. Много приходило сюда со всех сторон для иноческой жизни, много перебывало из российских монастырей, с Афона, но большинство из них через несколько месяцев суровой жизни уходило из монастыря при первом удобном случае», — отмечал в отчете начальник Алтайской миссии, епископ Бийский Иннокентий¹. В 1870 г. по ведомости в монастыре числилось семь человек, но настоятель — начальник миссии — находился в Улале с келейным монахом при себе, наместник — иеромонах Макарий — был миссионером Чемальского отделения миссии, одного послушника перевели в Алексеевский монастырь, а в самой обители находились: иеромонах Варсонофий, престарелый послушник из купцов и один послушник на искусе². Ситуация не изменилась и спустя 13 лет, в ведомости за 1883 г. указано четыре человека, но настоятель — начальник миссии епископ Владимир — имел резиденцию в Бийске, наместник — игумен Макарий — как помощник начальника миссии в Улале, бывший строитель — епископ Иеремия лишь числился с 1882 г., согласно своему желанию, постоянно находясь на покое в Печерском монастыре Нижегородской епархии, а в Чулышманском монастыре обитал один иеромонах Варсонофий, поступивший в обитель в 1865 г. из Оптиной пустыни³. После его смерти в декабре 1884 г. заведование хозяйством монастыря было поручено рясофорному послушнику из инородцев, окончившему миссионерскую школу⁴. В 1886 г. к нему присоединились два послушника⁵. В конце 80-х гг. XIX в. начальством миссии принимается решение о привлечении иноков в монастырь. В 1890 г. и. д. наместника был назначен иеромонах Иннокентий (Невский) и к 1898 г. братия состояла из трех монахов, рясофорного и пяти послушников⁶. В начале XX в. тенденция постепенного увеличения числа монахов и послушников, характерная для большинства сибирских монастырей, проявилась и в Чулышмане, хотя многих желающих вступить на путь иноческих подвигов пугала тяжесть жития в этом оторванном от цивилизации крае. Наиболее показателен

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

² Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. II. С. 403.

³ О миссиях Томской епархии, Алтайской и Киргизской в 1882 году // ТЕВ. 1883. № 10. Неофиц. отдел. С. 274–275.

⁴ Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1884 год // ТЕВ. 1885. № 7. Неофиц. отдел. С. 15–16.

⁵ Миссионерство на Алтае и Киргизской степи в 1885 г. // ТЕВ. 1886. № 5. Неофиц. отдел. С. 10.

⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 13–17.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1861. Л. 7–13.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 38–42.

³ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 31–38.

пример с юношей-послушником из Соловецкого монастыря, вызвавшимся служить на паровом катере, купленном в столице специально для облегчения сношений обители с внешним миром, который, приехав в Бийск и услышав от монахов архиерейского дома рассказы о диком крае, сразу же попросился назад¹. С 1898 по 1916 г. количество братии возросло с 8 до 16 человек². Несмотря на малочисленность братии, постороннему наблюдателю число обитателей монастыря казалось гораздо выше, до 30 человек, за счет работников из новокрещенных и сойотов с семьями.

Использовали обитель и как место исправления провинившихся лиц духовного звания. Иеромонах Антоний, бывший коллежский регистратор, 10 июня 1910 г. назначенный заместителем Алексеевского монастыря, осенью 1911 г. после следствия и суда «...за нанесение оскорбления епископскому сану словом и делом...» был запрещен в священнослужении, рясоношении и определен на послушание и труды, вплоть до полного раскаяния, в число братии Чулышманского монастыря. Позже был назначен для священнослужения в молитвенный дом Александровской пустыни³.

Существенным отличием женских обителей являлась стабильность состава сестер. «Текучка» среди послушниц в среднем по всем обителям епархии составляла не более 5 % в год на протяжении всего исследуемого периода, в то время как в архиерейских домах и мужских монастырях в течение нескольких лет часто полностью менялся состав братии. За 1871–1881 гг. в Томском архиерейском доме сменился весь состав братии, кроме игумена, эконома Лазаря. К 1883 г. при архиерейском доме не осталось ни одного послушника, указанного в 1881 году. Многие из монахов и послушников, движимые духовными исканиями, прошли трудный путь на ниве иноческих подвигов до поступления обители Томской епархии. Иеромонах Сергей, из мещан г. Риги после увольнения от общества, по указу Синода и согласия епископа Филарета, в 1844 г. стал послушником Рижского архиерейского дома, где был рукоположен в иеродиакон. С 1850 по 1864 г. он нес послушания в двух мужских пустынях и монастыре, где за усердие и заслуги был рукоположен в 1852 г. в иеромонахи. В 1866 г. по прошению его приняли в Томскую епархию в состав братии Чулышманского монастыря. В 1868 г. он был переведен в Алексеевский монастырь⁴. Сын священника, исключенный из Тобольского духовного училища Яков Кайдалов в 1863–1865 гг. состоял послушником

Иерусалимской духовной миссии, в 1869 г. определен послушником Томского архиерейского дома. Еще более интересен состав братии Чулышманского монастыря. В 1912 г. из 18 монашествующих лишь два мантийных монаха и шесть рясофорных послушников были пострижены в Чулышмане, а семь мантийных монахов и три рясофорных — в других обителях, из них четверо — на Афоне. Иеромонах Виктор, из потомственных почетных граждан г. Ростова-на-Дону, был пострижен в монашество 13.05.1906 г. духовником Покровской обители на Афоне иеросхимонахом Василием, 7.04.1907 г. рукоположен в иеродиакон греческим архиепископом Нифитом, в 1910 г. принят в число братии Чулышманского монастыря, где в апреле 1911 г. епископом Бийским Иннокентием рукоположен в иеромонахи и назначен заместителем монастыря. Иеромонах Афанасий, из мещан г. Ориенбурга, был пострижен в 1908 г. в обители св. Иоанна Богослова (где пребывал с 6.02.1904 по 1.03.1912) на Афоне настоятелем иеросхимонахом Герасимом, в 1912 г. рукоположен в иеромонахи греческим митрополитом Нилом, 28.05.1912 г. зачислен в состав братии Чулышманской обители¹.

При разрешении епархиального начальства монашествующие «только несомнительного поведения» могли получить отпуск на небольшие сроки в другие епархии с выдачей паспорта из консистории «по самым настоятельным нуждам», по делам монастыря и болезни, а также быть уволенными за границу на Афон и в Иерусалим и для поклонения святым местам в столице². Для перемещения в пределах епархии был необходим паспорт, выданный настоятелем, за ее границами — паспорт от епархиального начальства. Во многих случаях отпуск разрешался не только монашествующим, но и послушникам. Для насельников иноческих обителей епархии не было редкостью и длительное паломничество к святым местам, в т. ч. и заграничное. Н. Д. Попов, из государственных крестьян, принятый в число послушников Томского архиерейского дома в 1881 г., был уволен в заграничное путешествие по прошению с выдачей паспорта на два года³. Сестра Тихвинского монастыря монахиня Евфимия в 1899 г. ездила в Киев на поклонение святым угодникам, монахиня Феофания в начале века дважды побывала в Иерусалиме⁴. По сравнению со второй половиной XIX в., в начале XX в. стала чаще практиковаться выдача временных отпусков для лечения и паломничества, особенно сестрам женских обителей. Например, в Улалинском монастыре в конце XIX в.

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 22.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 13–17; Оп. 4. Д. 598. Л. 49, 52.

³ Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 33–35.

¹ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

² УДК. Гл. IV. Ст. 82, 83.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 3.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.

в Россию по делам монастыря отлучались только настоятельница — на два месяца в 1893 г. и три в 1897 г., монахини Клавдия и Магдалина — на четыре месяца в 1898 году. В 1905—1912 гг. около 50 сестер получили отпуск на срок от трех недель до года. В именных ведомостях тщательно фиксировалось: когда и на какой срок отпущена сестра, явилась ли в срок, причина в случае опоздания. Были случаи самовольного оставления монастырских стен. Так, монахиня Елена, после двенадцатилетнего служения в Барнаульской Богородице-Казанской обители, в 1913 г. без разрешения отправилась на паломничество в Иерусалим, где монашествовал ее супруг¹. Иеродиакон Моисей покинул Чулышманский монастырь и отсутствовал в течение двух лет, после возвращения его вновь приняли в число братии Бийского архиерейского дома с запрещением в священнослужении на три месяца. Монастырское начальство достаточно мягко относилось к подобным проступкам, если они не были связаны с явной дискредитацией монашеского звания.

По социальному происхождению подавляющее большинство сестер женских обителей Томской епархии были представительницами крестьянского сословия. В четырех женских монастырях они составляли не менее 70 % от общего числа сестер, и их доля постоянно возрастала. Наиболее «крестьянским» по составу являлся Барнаульский Богородице-Казанский монастырь, в котором доля бывших крестьянок достигла 89 % в 1913 г. Надо подчеркнуть, что географическое расположение и сфера приложения усилий женских обителей во многом обуславливали и специфику их социальной структуры. Например, в Улалинском монастыре, открытом в 1863 г. как инородческая женская община, на протяжении всей истории существования от 8 до 16 % составляли представительницы неславянских народов, в основном алтайки. В 1912 г. в число 20 инородок входили три чувашки, что составляло около 12 % от общего числа сестер². Поскольку принятие решения посвятить свою жизнь Богу должно основываться на твердых убеждениях, которые вырабатываются долгие годы, то с ростом доли русского населения в крае община постепенно утратила свой инородческий характер за счет увеличения доли русских сестер. В первые годы было несколько случаев, когда инородки покидали общину «...или потому, что нашла жениха, или потому, что ее стали тяготить труды и послушания общины»³. Обительницы остальных женских обителей принадлежали к славянским народам, за исключением Бийского Тихвинского монастыря, в котором в начале XX в. несколько сестер

¹ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

² ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 67—87.

³ *Солодчин И. В.* Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 38. С. 914.

относились ранее к инородческому сословию (около 3 %). В этой же обители, начиная с первых дней существования, дочери и вдовы солдат и унтер-офицеров были представлены 13,5 % в 1898 г., 12,2 % в 1910 г. (пятнадцать дочерей солдат, две — унтер-офицеров, одна — казака, и шесть вдов солдат), в то время как в других женских монастырях епархии их доля не превышала 2,5 %¹. В Иоанно-Предтеченском монастыре, расположенном в губернском центре, на первом этапе существования наиболее значительную долю по сравнению с другими женскими обителями епархии составляли мещанки, но их число к концу XIX в. постепенно уменьшилось.

Представительниц привилегированных сословий в женских монастырях практически не было. Их можно буквально перечислить по именам. В Барнаульском Богородице-Казанском монастыре с 1896 г. служила Господу дочь коллежского асессора Ю. Е. Берестова, получившая образование в Томском Владимирском детском приюте². Монахиня Улалинского монастыря Евгения, поступившая в общину в 1870 г., в миру была почетной гражданкой города Томска Филимоновой³. Основательница и настоятельница Томского Иоанно-Предтеченского монастыря монахиня Евпраксия в миру была дочерью унтер-офицера, вдовой томского купца Е. И. Михеевой. В 1869 г. в числе сестер монастыря состояли дочери обер-офицера, городского учителя и губернского секретаря⁴. А. В. Патрушева, окончившая восьмиклассную женскую гимназию, после поступления в Томский Иоанно-Предтеченский монастырь служила учительницей церковно-приходской школы при Доме трудолюбия и приюте, позже — надзирательницей приюта. Она была дочерью В. Г. Патрушева (ок. 1845—1914), купца 2-й гильдии, активно участвующего в жизни г. Томска, неоднократно избираемого гласным городской Думы⁵. В Бийский Тихвинский монастырь в качестве послушницы в 1901 г. поступила вдова дворянина Т. И. Товянская, в возрасте 61 года, прожившая в обители не менее 12 лет.

Анализ социального состава сестер монашеских обителей Томской епархии позволяет говорить о его «демократическом» крестьянском характере, т. к. основным источником пополнения общин традиционно являлись представительницы крестьянского сословия (см. приложение 1, табл. 12, 13, 14, 15, 16, 17). Это связано в первую очередь с исторически

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37—46; Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 68—96.

² ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 45—46.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 45—52.

⁵ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1996. Т. 3. Кн. 2. С. 106.

сложившимися особенностями социального состава обитателей юга Западной Сибири. К 1 января 1883 г. население Томской губернии составляло 1134748 человек о.п., из них: потомственных дворян — 832 (0,07 %), личных дворян — 2304 (0,2 %), духовенства всех вероисповеданий — 1656 (0,15 %), из духовенства всех вероисповеданий — православного и единоверческого — 1615 (0,14 %); почетных граждан и купцов — 3259 (0,29 %), мещан — 132.374 (11,67 %), крестьян — 847381 (74,68 %), военного звания — 49544 (4,39 %), инородцев — 94518 (8,39 %)¹. Сословная структура сестер женских обителей являлась лишь отражением общей социальной ситуации, сложившейся на юге Западной Сибири во второй половине XIX в. Изменения, произошедшие в начале XX в., выразившиеся в увеличении доли крестьянок, кроются в высоких темпах роста крестьянского населения Сибири, выросшего с 5273 тыс. человек в 1897 г. до 8805 тыс. человек в 1914 г., вызванного переселением крестьян из европейской части империи². Общины, основанные в начале XX в., были немногочисленны и по сословной структуре подобны женским монастырям.

Социальная картина женских монастырей и общин епархии свидетельствует о том, что определенную роль при принятии решения об уходе из мира играл и социально-бытовой фактор, так как представительницы привилегированных слоев общества — купечества, государственных служащих, горожан составляли незначительный процент насельниц монастырей. Экономические и правовые условия жизни женщины в крестьянской семье могли повлиять на принятие такого решения. По крестьянским понятиям «...женщина без мужа не имела самостоятельной ценности», была обречена на бедность или нищенство и оптимальным выходом для нее являлся постриг в монашество³.

Но объяснять причину преобладания представительниц крестьянства только последствиями семейно-бытовых трагедий и экономическими трудностями было бы не совсем верно. Преобладающая часть сестер поступала в монастырь, будучи девицами. В 1898—1899 гг. вдовы составляли 4 % в Улалинском монастыре, 2,5 % — в Барнаульском, 3,5 % — в Бийском Тихвинском. В среднем по России в начале XX в. среди крестьянок вдовы составляли 8 %⁴. В 1903 г. доля вдовых сестер из разных сословий в тех же монастырях составляла 4,8 %, 3,8 %, 4,5 % соответственно. После Русско-японской войны число вдов увеличилось до 5,8 % (1913) в Барнаульском и до 8,8 % (1912) — в Бийском монастыре. Произошли изменения и

в сословном составе вдов. В Барнаульском монастыре в 1902 г. — три вдовы крестьян, по одной — мещанина, священника, писаря, унтер-офицера; в 1913 г. — десять вдов крестьян, две — мещан, одна — унтер-офицера. В Бийском в 1902 г. — по одной вдове — крестьянина, канцелярского служащего, священника, дворянина, духовного лица; в 1912 г. — пять вдов крестьян, четыре — мещан, одна — псаломщика, одна — священника, одна — дворянина, четыре — солдат. В приюте монастыря возросло число дочерей солдат.

Социальный состав монахов и послушников монастырей и архиерейских домов епархии значительно отличался от женских обителей (см. приложение 1, табл. 18, 19). Вплоть до 90-х гг. XIX в. значительную часть братии архиерейских домов и монастырей составляли представители духовного сословия. Причем около 50 % были выходцами из семей церковнослужителей. В 1869 г. в Томском Алексеевском и Чулышманском мужских монастырях и Томском архиерейском доме из 31 чел. — 23 выходцы из духовного сословия. В томских мужских обителях в 1869 г. служили Господу два бывших священника, шесть братьев из семей священников, четыре — из семей диаконов и одиннадцать — из семей церковнослужителей (дьячков, пономарей, причетников) ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 31—44; Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 41—42.

В Томском архиерейском доме и Алексеевском монастыре существовала практика приема послушников для обучения псаломническим и причетническим должностям из детей лиц священно- и церковнослужителей, отчисленных из духовных семинарий и училища. С одной стороны, это приводило к непостоянству состава послушников, с другой — нерадивым ученикам давали возможность освоить церковную профессию и сохранить сословную принадлежность, а приходы Томской епархии получали подготовленные кадры церковнослужителей.

В отличие от Томских обителей, социальный состав братии Чулышманского монастыря был более разнообразен, в 1876 г. его братия состояла из четырех монашествующих: двух детей церковнослужителей и выходцев из купеческого и крестьянского сословий¹. В 1898 г. братия состояла из четырех монашествующих (сына пономаря, троих из податного сословия) и четырех послушников (двух отставных солдат, мещанина и подростка «монгольского племени»)².

В начале XX в. социальный состав мужских обителей епархии стал более демократичным, уменьшилась доля представителей духовного сословия, существенную долю в братии архиерейских домов и монастырей

¹ ТЕВ. 1885. № 20. Неофиц. отдел. С. 2—3.

² Токавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 30.

³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 161.

⁴ Там же. С. 178.

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 41—42.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 13—17.

епархии начали составлять представители крестьянства. В 1910 г. в Алексеевском монастыре из 13 человек было пять крестьян, три лица духовного звания, мещанин, потомственный дворянин и коллежский регистратор; в Чулышманском монастыре из семи человек — два отставных солдата, один из податного сословия, потомственный гражданин, сын церковнослужителя; в Бийском архиерейском доме из 14 — девять крестьян, три мещанина, потомственный гражданин и киргиз¹. В 1912 г. братия Чулышманского монастыря насчитывала 18 человек, из них 10 крестьян, три лица податного сословия, мещанин, почетный гражданин, коллежский регистратор, отставной рядовой и киргиз Семипалатинской области².

Основной категорией населения, являющейся источником формирования монашества юга Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в., являлось крестьянство. Это было связано как с особенностями социальной структуры населения Сибири, так и общероссийским положением данного сословия. Население иноческих обителей епархии постоянно пополнялось представителями различных социальных слоев. Монашеский постриг уравнивал бывшего бродягу и потомственного дворянина.

Крайне трудно выявить географическое происхождение обитателей архиерейских домов, монастырей и женских общин епархии, так как оно определялось документом (увольнением от общества, паспортом, справкой), выданным по последнему месту жительства. Поэтому под географическим происхождением лица мы будем иметь в виду место выдачи документа (населенный пункт, административную единицу: губернию, область, округ, уезд) перед уходом в иноческую обитель.

Основную часть насельниц женских монастырей и общин епархии составляли бывшие жительницы Томской губернии. На этом фоне выделялся Томский Иоанно-Предтеченский монастырь. Несмотря на то, что расположен он был в губернском центре, в 1869 г. томские горожанки от общего числа сестер (27 чел.) составляли в нем 22 %, представительницы различных населенных пунктов губернии — 44 % и других губерний — 33 % (Енисейской, Тобольской, Иркутской и Самарской). В 1883 г. число сестер достигло 67 человек, при этом количество уроженок Томской губернии сократилось до 34 %, значительно увеличился удельный вес представительниц Тобольской губернии — до 26 % и до 31 % других городов и губерний империи (Енисейской, Пермской, Вятской, Пензенской), нет данных по шести сестрам³.

¹ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 89—92, 105—107.

² ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 8—14.

³ Подсчитано нами по: 1869 г. — ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 45—52; 1883 г. — ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 15—31.

Такая картина коррелирует с данными о населении г. Томска в этот период. Надо отметить, что к 1897 г. Томск стал самым населенным городом Сибири и по темпам роста уступал только Красноярску и Чите. За период с середины 60-х гг. до 1897 г. число его обитателей увеличилось в 2,6 раза, с 19,8 тыс. до 52,2 тыс. человек, а к 1917 г. достигло 101,1 тыс. жителей (т. е. в 5,1 раза). По материалам переписи 1897 г. лишь 32,2 % его населения составляли местные жители, 17,3 % выходцы из уездов Томской губернии и 50 % уроженцы других губерний¹.

Своеобразие демографической структуры г. Томска наложило отпечаток и на географический портрет сестер Иоанно-Предтеченского монастыря, подавляющее большинство которых в конце XIX в. составляли уроженки урало-сибирского региона. По-другому обстояло положение в остальных женских обителях. В Улалинском монастыре в 1876 г. около 30 % составляли представительницы в основном европейской части империи (Самарской, Московской, Вятской, Пензенской, Нижегородской, Вологодской губерний), к концу XIX в. их доля снизилась до 8 % (Вятской, Волынской, Воронежской, Оренбургской, Пензенской, Пермской губерний, Семипалатинской области). В 1889 г. в Уале проживало 1420 жителей о.п. — 667 русских и 757 инородцев. В 1910 г. инородческое население составляло около 1/4 населения (854 жителя о.п.), а 3/4 — крестьяне и мещане, переселившиеся из различных губерний — Тобольской, уральских и северных, с Волги, Украины, Кавказа². В Богородице-Казанской и Тихвинской женских общинах доля уроженок не Томской губернии составила в 1898—1899 гг. 11 %, в Барнауле из 152 сестер было 78 крестьянок Барнаульского, 10 Бийского, 10 Змеиногорского уездов Томской губернии. В начале XX в. доля крестьянок Томской губернии в Барнаульском монастыре составляла от 66 до 73 %³. Приведенные данные не опровергают вывод о том, что возрастание числа сестер алтайских обителей было тесно связано с активным переселенческим движением, так как географическое происхождение лиц устанавливалось нами на основании документа, выданного по последнему месту жительства.

В связи с постоянной нехваткой монашествующих мужского пола, особенно старшей братии, в архиерейских домах и мужских монастырях практиковался перевод монахов из других российских и сибирских

¹ Дмитриенко Н. М. Демографическая структура сибирского города эпохи капитализма (на материалах Томска) // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 114, 115, 119.

² Отчет об Алтайской духовной миссии за 1910 г. // ТЕВ. 1911. № 6. Неофиц. часть, миссионерский отдел. С. 297.

³ Подсчитано нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37—46; ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 35—66; Д. 3. Л. 1—36; Д. 7. Л. 3—40; Д. 11. Л. 2—46.

монастырей в случае открытия новой обители или для оживления и наведения порядка в уже существующих. В 1869 г. в Томском архиерейском доме из 14 человек пятеро было из европейской части империи, трое из Тобольской епархии, один из Иркутской; в Алексеевском монастыре из 12 человек шесть представителей европейских епархий и шесть сибиряков¹. В Чулышмане в 1876 г. все четыре обитателя были уроженцами европейских губерний². В начале века среди монахов и послушников обителей епархии также преобладали уроженцы других губерний: в Чулышманском монастыре в 1912 г. из 18 — не менее 10 человек, в Томском архиерейском доме в 1914 г., после переукомплектования штата, из пяти человек трое были из Забайкальской епархии, по одному из Московской и Иркутской³.

Преобладающая часть обитателей иноческих обителей Томской епархии владела грамотой. Если по Всероссийской переписи 1897 г. средний уровень грамотности в империи составлял 21,1 %, среди мужчин 29,3 %, у женщин 13,1 %, а за Уралом грамотных было еще меньше — лишь 12,4 % населения⁴, то в женских монастырях в 1899 г. грамотой владели не менее 70 % сестер. В Томском женском монастыре в 1869 г. грамотные (умеющие читать) составляли 66,6 %, из них 3 обучались в общине; а в 1883 г. — более 40 % сестер. Более впечатляюще дела с образовательным уровнем сестер обстояли в Улалинском монастыре (см. приложение 1, табл. 20). В 1903 г. в обители состояло 16 сестер, прошедших курс монастырской школы, а также окончившие: Улалинскую женскую школу (1), Ирбитскую прогимназию (1), церковно-приходские (2) и народные (2) школы, училище при Улалинском приюте, в Вятской губернии. В 1912 г. 11 обучались и 24 окончили школу при монастыре, еще пять — учебные заведения церковного ведомства и лишь три сестры — школы других ведомств.

В Бийском Тихвинском монастыре в 1904 г. из 118 грамотных сестер 37 умели читать и писать, 77 — читать и 4 учились. В Барнаульском Богородице-Казанском в 1899 г. одна послушница имела свидетельство педагогического совета Барнаульского городского двухклассного училища, другая — свидетельство педагогического совета Томской гимназии на звание сельской учительницы⁵. Часть сестер получили начальное образование при монастыре (1908 г. — 5, 1913 г. — 7) (см. приложение 1, табл. 21, 22).

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 31–44.

² Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 41–42.

³ Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. С. 86–87.

⁴ Волкова В. Н. Книга и чтение в среде коренных народов Сибири второй половины XIX века // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 143.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 43–44.

Сравнительный анализ числа грамотных сестер и сестер, окончивших школы различных ведомств, приводит к выводу об огромном значении домашнего образования и частной школы в Сибири, которые и во второй половине XIX — начале XX в. были самой распространенной формой обучения крестьянских детей грамоте. Велика роль частной школы в распространении общей грамотности среди обитателей сибирских обителей и населения прилегающих территорий. Для поступающих в иноческие обители большую роль имело обучение элементарной грамоте в том объеме, который был необходим для участия в церковно-религиозной и хозяйственной жизни монастыря. Кроме того, послушницы обучались редким ремеслам: золотошвейному, переплетному, живописи и могли реализовать свои способности в рамках религиозного искусства, раскрыть педагогический талант, получить навыки организационно-управленческой работы. Обучение монашествующих чтению и церковному пению было издревле заведено в русских иноческих обителях. Учителями выступали образованные представители старшей братии¹.

Если в 1898–1899 гг. в Улалинском, Барнаульском, Бийском монастырях грамотные составляли в среднем 83,3 %, то в 1912–1913 гг. — 90 %. Высока была доля грамотных сестер и в женских общинах, открывшихся в начале XX в. В 1912 г. в Чемальской миссионерской женской общине из десяти сестер только две не владели грамотой. По данным однодневных переписей Томска в 1880 г., Барнаула в 1895 г., уровень грамотности составлял в это время в Томске — 38,21 %, в Барнауле — 31,57 %². Летом 1917 г. в Томской губернии грамотность крестьянства составила 18,3 % (среди мужчин — 27,5 %, среди женщин — 8,7 %) ³. Создание специальных образовательных структур, специализация с учетом способностей сестер при обучении грамоте, рукоделию, пению и живописи помогли добиться чрезвычайно высокого процента грамотных сестер по сравнению с женским населением губернии.

Для подготовки собственных квалифицированных кадров, необходимых для успешного функционирования хозяйственных и просветительско-благотворительных подразделений женских обителей, практиковалась отправка сестер в учебные заведения или другие монастыри

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 48.

² Городецкий А. Э. Города Томской губернии во второй половине XIX века (численность и состав населения) // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Бийск, 1999. С. 281.

³ Зверева К. Е. Уровень грамотности крестьянства Сибири накануне Октябрьской революции // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири (секции I, II, III): тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1987. С. 26–27.

для получения специального образования. Так, послушница Бийской обители Ксения Яцкова училась медицине в Барнаульской Покровской общине сестер милосердия, окончила обучение в Томской общине Красного Креста и от нее была награждена медалью за усердие¹. Из Улалинского монастыря три сестры были отправлены для обучения иконописи в Серафимо-Понетаевский монастырь Нижегородской епархии. Одна из них скончалась по дороге на Алтай, две другие, возвратившись в Улалу, начали писать иконы и обучать живописи до 20 сестер, при монастыре была открыта иконописная мастерская². Из Барнаульского монастыря сестер, преподающих в монастырской школе, отправляли для повышения мастерства на учительские курсы³. Миссионерское предназначение женских обителей предъявляло особые требования к образовательному уровню их насельниц. Устройство учительской школы при Чемальской женской общине обусловило необходимость специальной подготовки сестер и их постоянного совершенствования. В 1912 г. начальница общины Л.Т. Михайлова, окончившая Томскую женскую гимназию, имела шестнадцать лет учительского стажа. С 1896 по 1908 г. она преподавала в училище для девиц духовного звания и церковно-приходской школе при приюте Дома трудолюбия Томского Иоанно-Предтеченского монастыря, в 1908 г. была откомандирована в Алтайскую миссию, в Чемальскую миссионерскую школу. Среди учебных заведений, оконченных сестрами общины, значились Псковская гимназия, Санкт-Петербургская женская школа⁴. В 1914 г. способнейшая из послушниц была послана в Краснотоцкий монастырь для изучения сельского хозяйства и ручного труда, а «близкое к игуменье лицо готовилось для поступления в Московскую богословскую школу...»⁵.

Монахи и послушники архиерейских домов и монастырей Томской епархии во второй половине XIX в. обладали более высоким образовательным уровнем, чем сестры женских обителей (см. приложение 1, табл. 23). В 1869 г. среди учебных заведений, оконченных монахами, были Барнаульское окружное училище, Калужская и Нижегородская духовные семинарии. Шесть человек были исключены из духовных семинарий и училищ до окончания курса. Настоятель монастыря, архимандрит Виктор, окончил Тверскую семинарию и долгое время преподавал латинский язык,

¹ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 58–59.

² ТЕВ. 1889. № 5. Неофиц. отдел. С. 11.

³ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 11. Л. 25–26, 38–39.

⁴ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 93–96.

⁵ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 28–29.

занимал должности смотрителя и инспектора духовных училищ¹. Подобная ситуация была характерна и для мужских монастырей Тобольской епархии. Среди монахов Тобольского Знаменского монастыря 42,5 % окончили семинарию, 30 % исключены до завершения курса обучения².

В начале XX в. изменения в социальной структуре Томского архиерейского дома и Алексеевского монастыря отразились на образовательном уровне братии обителей. Если во второй половине XIX в. население архиерейского дома и монастыря в основном составляли лица духовного звания, окончившие или уволенные из духовных учебных заведений, то позже, с увеличением представителей крестьянского сословия, изменился и список учебных заведений, которые окончили монахи и послушники томских иноческих обителей. В 1910 г. из 13 человек братии Алексеевского монастыря шесть получили домашнее образование, один окончил начальное училище, двое – духовное училище, один – Московский университет (монах Иннокентий), один – курс Омской центральной фельдшерской школы (наместник Антоний), один – Казанскую духовную академию (настоятель, епископ Бийский, кандидат богословия Мелентий)³.

Религиозно-просветительская деятельность Алтайской миссии придала своеобразие образовательному уровню членов Бийского архиерейского дома, многие из которых служили в учебно-просветительских заведениях миссии. В 1888 г. из шести человек братии: иеромонах Мефодий, обучавшийся в Казанской Духовной академии, служил учителем, а с 1885 г. – заведующим Бийского катехизаторского училища; иеродиакон Леонид, окончивший Томскую духовную семинарию, состоял учителем начальной школы при катехизаторском училище; два послушника окончили Бийское катехизаторское училище (учитель начальной школы при катехизаторском училище, учитель пения); двое получили домашнее образование, один из них состоял письмоводителем начальника миссии⁴. В братии Бийского архиерейского дома часто состояли образованные люди, ранее добившиеся высокого положения в светской жизни. Иеромонах Алексей (Капелькин), из дворян, после окончания курса 3-го военного Александровского училища был уволен с военной службы по состоянию здоровья с присвоением чина губернского секретаря. Согласно прошению, был принят Православным миссионерским обществом на службу в миссию учителем катехизаторского

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 31–38.

² Щербич С. Н. Указ. соч. С. 20.

³ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 89–90.

⁴ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.

училища и руководителем двухклассной церковно-приходской школы при архиерейском доме с 1891 г., в 1892 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеромонахи с причислением к братству Бийского архиерейского дома, в 1894 г. назначен помощником начальника миссии¹. В начале XX в. образовательный уровень братии снизился, в 1903 г. из семи человек четверо имели домашнее образование, один окончил Орловскую духовную семинарию, один – Томское реальное училище, один – Улалинское миссионерское училище². В 1910–1914 гг. от 70 до 85 % братии Бийского архиерейского дома имели домашнее образование³. Более низким был образовательный уровень братии Чулышманского монастыря (см. приложение 1, табл. 24).

Показатель уровня грамотности насельников иноческих обителей Томской епархии, составляющий 80–90 %, был значительно выше средних показателей грамотности населения как Сибири, так и в целом Российской империи. Динамика увеличения количества грамотных среди обитателей монастырей и женских общин была характерна и для соседних епархий. В Абалакском Знаменском монастыре процент грамотных (с 20-х гг. XIX в. до 1896 г.) увеличился с 66,6 до 93,3. Высокий уровень грамотности отмечается исследователями и у обитательниц женских монастырей и общин Тобольской епархии. В Екатеринбургской епархии неграмотные составляли 37 % в мужских монастырях и 24 % в женских. Необходимо подчеркнуть высокий образовательный уровень всех слоев духовенства в изучаемый период, т.к. выполнение профессиональных обязанностей требовало от них соответствующей подготовки. Средний показатель грамотности среди духовенства (старше 9 лет) в империи в 1897 г. составлял 89 %, в то время как у дворян – 77 %. Среднее и высшее образование получили 33,5 % дворян и 55,5 % духовенства⁴.

Лица, готовящиеся к постригу, составляющие подавляющее большинство обитателей монастырей и общин епархии, в основном принадлежали «к молодому и сильному возрасту...»⁵. В женских обителях на протяжении всего исследуемого периода не менее 40 % насельниц составляли сестры в возрасте не старше 30 лет. Именно на этом этапе шло испытание веры, освоение новых видов работ (см. приложение 1, табл. 25). Тридцать лет – время становления личности, пик активности. В начале

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 33. Л. 8–9.

² Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–15.

³ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 105–107; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. С. 87–89.

⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 200, 202.

⁵ Зверинский В. Монастыри в Российской империи. С. 10.

XX в. средний возраст обитательниц женских обителей становится старше, но доля сестер моложе 50 лет на протяжении 1898–1912 гг. составляла примерно 85 %. Пятидесятилетний рубеж знаменовал пик духовного совершенства, по достижении этого возраста многие сестры имели значительные результаты в организационно-управленческой деятельности, в деле обучения и передачи накопленного опыта молодому поколению. Поэтому большей части мантейных монахинь было за пятьдесят. Неактивная часть насельниц женских монастырей, по слабости здоровья или преклонным годам не несущих послушание, составляли незначительную долю общин. Например: в Улалинском монастыре в 1876 г. – 3, 1885 – 4, 1890 – 11, 1898 – 13, 1903 – 9, 1910 – 11. По закону, монашествующий с 60 лет мог быть выведен за штат и оставаться в монастыре на иждивении. Нередки были случаи приема в монастырь слепых, увечных, припадочных послушниц. Уход за престарелыми и больными несли, как правило, молодые сестры. В 1902 г. в Бийской обители состояли: заштатная настоятельница монахиня Евпраксия (66 лет), страдающая болезнями и нуждающаяся в постоянной помощи сестер; «темная» Е. Самаковская (38 лет), для нее был специально заказан псалтырь, приспособленный для чтения слепыми, и закреплена послушница. Кроме них, одна сестра, слепая «от роду» (36 лет), и две больные сестры (22 лет). В 1904 г. из вновь поступивших одна была больна припадками, одна слепа от рождения и одна в преклонных годах (71 год). В 1912 г. в монастыре из числа сестер проживало пять хронически больных: 3 в возрасте 31, 37, 80 лет, семь больных (20, 22, 27, 28, 47, 72), калека (14), две слепые (64, 71), припадочная (61)¹.

В мужских монастырях средний возраст обитателей был выше, чем в женских. Но также большую половину насельников составляли монахи и послушники не старше 50 лет.

Монашествующие обители епархии имели за своими плечами долгий путь иноческого служения. В Улалинском монастыре стаж 10 мантейных монахинь в 1903 г. в среднем был около 30 лет (см. приложение 1, табл. 26). У 50 рясофорных, принявших постриг в 1901–1902 гг., срок пребывания в монастыре составлял от 7 до 29 лет. У 13 монахинь Бийского Тихвинского монастыря в 1910 г. срок между поступлением и пострижением в мантию был свыше 20 лет, у семи сестер – свыше 10 лет. Из 55 рясофорных более десяти лет у 25 сестер, свыше пяти лет – у 17². Длительный стаж являлся

¹ Подсчитано нами по: ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52; Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–52; Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–132; Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–92; Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–52; Ф. 184. Оп. 184. Д. 24. Л. 107–132; Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–61.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 68–95.

показателем постоянства, стабильности и свидетельством осмысленности выбора (см. приложение 1, табл. 27). Интервал между поступлением и пострижением сократился в начале века, особенно в мужских монастырях, где из-за малочисленности братии послушникам часто сокращали сроки послушания на искусе. В Алексеевском монастыре в 1910 г. из шести монашествующих интервал между поступлением и постригом составил пять лет лишь у одного монаха. У остальных гораздо меньше, причем у трех человек — по одному году¹.

Причины ухода в монастырь выявить чрезвычайно сложно, поэтому выводы можно сделать, опираясь лишь на косвенные доказательства: трудность поступления в монастырь и правила пострига, стаж и достижения сестер, тяжесть послушаний на первом этапе и т. д. Несомненным, по нашему мнению, является то, что большинство насельников иноческих обителей Томской епархии уходило от мира по «душевной склонности», а не из-за житейских невзгод. Хотя социально-экономические причины играли определенную роль при принятии такого решения, однако оно не могло быть воплощено в реальность только из-за «обида на мир», без твердой Веры и осознания необходимости посвятить всю свою жизнь службе Богу и ближнему.

Основными причинами уменьшения числа монахов и послушников во второй половине XIX в. стало освобождение крестьян от крепостного права, т. к. это повлияло на статус государственных крестьян, приток переселенцев в Западную Сибирь и введение всеобщей воинской повинности. Социально-экономические последствия реформ 60–70-х гг. XIX в. также создали основу процесса роста численности монахинь и послушниц. В результате реформ появился класс состоятельных благотворителей из низших слоев общества. Ранее отмечалось, что большинство сестер общин и монастырей епархии в XIX– начале XX вв. составляли представительницы крестьянского сословия. Этот факт был связан как с численным преобладанием среди населения Сибири, так и наиболее тяжелыми условиями жизни крестьянства и зависимым, бесправным положением, которое в нем занимали женщины. Революционные события начала века, Русско-японская и Первая мировая войны также способствовали росту численности монахинь и послушниц за счет числа осиротевших невест и вдов, искавших спасение в вере.

Уход из мира в монашескую обитель жестко регулировался со стороны государства и был очень сложной процедурой. В монастырь могло поступить лицо любого сословия по предъявлению служащими —

увольнения от начальства, а прочими людьми «бывшего податного сословия» увольнение от общества и свидетельства о согласии Казенной Палаты. Окончательное решение вопроса об увольнении в монашество лиц «бывшего податного сословия» — предоставлялось губернатору. При этом государство было крайне не заинтересовано в уменьшении числа податных душ, что часто приводило к отклонению прошения. В случае, если гражданские власти не чинили препятствий и выдавали необходимые документы, епархиальные власти, после проверки и отсутствия причин к отказу, определяли желающего принять монашество на послушничий искусе в монастырь и консистория уведомляла об этом учреждение, выдавшее документы. Для женских обителей было типичным явлением, когда часть сестер проживали в них, не имея паспортов. Срок пребывания в монастыре без документов иногда растягивался на несколько лет, при этом в именных ведомостях указывалась причина их отсутствия. Часто причиной служили пожар в церкви или правлении, переселение. При принятии в монастырь существовал целый ряд ограничений для женатых, обязанных долгами, состоящих под судом. Как уже было отмечено, более 90 % сестер обителей составляли девицы, т. е. не вышедшие замуж. Для замужних женщин уход в монастырь был возможен лишь в случае развода или при одновременном уходе в монашеские обители обоих супругов. Подобные случаи встречались крайне редко, но и они имели место. В 1898 г. в Барнаульский монастырь поступила 47-летняя мещанка на основании свидетельства от мужа, удалившегося на святые горы Афона¹. Не всегда такое решение переживалось легко. Так, монахиня Елена из Барнаульского монастыря самовольно отправилась в 1913 г. на паломничество в Иерусалим, где монашествовал ее муж². В Государственном архиве Томской области содержится дело о заключении брака монахини А. Рубцовой в 1915 г³.

Существовал возрастной ценз: мужчинам разрешалось принимать постриг по достижении 30 лет, женщинам — 40, окончившим курс богословия в учебных заведениях — с 25 лет⁴. Встречались и редкие исключения из правил, связанные не со снижением возрастного ценза, а с сокращением испытательного срока. В основном они касались лиц мужского пола, зрелого возраста, имевших высокий образовательный уровень и твердые намерения уйти из мира. Типичный пример: коллежский ассессор К. С. Прокудин, окончивший Омскую центральную фельдшерскую

¹ Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. С. 89–91.

¹ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–55.

² Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 377.

⁴ ПСЗ. 1865. № 42505.

школу, после поступления в Алексеевский монастырь в 1910 г., уже 11 апреля был рукоположен в иеромонахи, а 5 июля назначен наместником. Достигнув указанного возраста, монашествующие принимали обет служения Богу и ближнему и составляли особый вид духовного сословия, теряя светское звание.

Принявший постриг исключался из любого сословия, слагал с себя гражданское звание, отрекался от своего имущества навсегда. И даже в случае сложения монашеского сана, при возвращении в мир, он мог пользоваться правами, принадлежащими ему по «роду и происхождению» без возврата чинов и отличий, имущества, которые он имел до пострижения¹.

Прежде пострижения в монашество на мирянина настоятелем возлагалось послушание — выполнение определенной обязанности (работы) в монастыре. Часто она была связана с тяжелым физическим трудом, исключение делалось для лиц, имеющих высокий образовательный уровень или владеющих редкими ремеслами. По правилам срок послушания на искусе составлял три года. После того как настоятель убеждался в твердости намерения послушника принять иноческий сан, он ставил в известность архиерея и консисторию, которая рассматривала, может ли послушник быть удостоен пострига по возрасту, времени пребывания в монастыре на искусе, свидетельствам о его поведении и «по беспрепятственности в гражданском ведомстве». Только затем епархиальное начальство издавало постановление, на основании которого совершался постриг, который, как правило, производил епархиальный или викарный архиерей. О числе постриженных в течение года епископ составлял ведомость в виде приложения к ежегодному отчету о состоянии епархии².

На протяжении второй половины XIX — начала XX в. в иноческих обителях епархии только несколько монахинь после прохождения долгого пути, полного иноческих подвигов, были удостоены чести пострига в великую схиму. Одна из них — старица схимонахиня Евдокия (монахиня Елена) 1821 года рождения, дочь мещанина Орловской губернии. По увольнении от общества г. Болхова, согласно ее желанию, она была отправлена в 1847 г. архимандритом Макарием (Глухаревым) на служение в миссии, где около 30 лет обучала детей грамоте, пекла просфоры, делала свечи, шила и занималась починкой церковных вещей. После пострига в рясофор в 1860 г., в мантию в 1870 г., в 1883 г. поступила в Улаинский монастырь, где была пострижена в схиму³. Также пострига в великую схиму

были удостоены сестры Бийского Тихвинского монастыря схимонахиня Артемия (А. В. Овчинникова, из крестьян, поступила в монастырь в 1881 г., пострижена в рясофор в 1896 г., в мантию — в 1903 г., под именем Анисья, в схиму — в 1910 г. епископом Бийским Иннокентием, умерла в 1912 г.) и схимонахиня Анна — родная сестра митрополита Макария (Невского) (А.А. Торопова, вдова священника, поступила в монастырь в 1903 г., пострижена в рясофор в 1904 г., в мантию — в 1906 г., под именем Марфа, в схиму — в 1910 г., скончалась в 1915 г. на 83-м году жизни)⁴. Очевидно, пострижение в великую схиму монахинь в этот период было редким явлением для сибирских монастырей. Так, сведения о постриге в 1892 г. епископом Тобольским в схиму сестер Иоанно-Введенского женского монастыря игуменьи Миронии (под именем Митрофании) и монахини Екатерины (под именем Еванойя) в историю Тобольской епархии были вписаны со словами «чего ранее не бывало»².

Выход из монашества также был весьма непростой процедурой. После просьбы о сложении сана в течение шести месяцев, которые давались, чтобы поддавшийся искусу монашествующий одумался. За этот период он подвергался увещанию со стороны настоятеля и старшей братии, затем лиц, назначенных епархиальным начальством, и вызывался на полное присутствие в консисторию. После снятия монашеского сана, вернувшись в «первобытное гражданское состояние», расстрига не имел права на прежние чины, награды, отличия и имущество; не мог поступить на гражданскую службу, проживать и быть приписанным к какому-либо обществу в той губернии, где состоял монахом, а также в Москве, Санкт-Петербурге на время нахождения под эпитимией в течение семи лет³.

Слова В. О. Ключевского, характеризующие древнерусское монашество, которое «...было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных», несомненно, могут служить и для характеристики русского монашества XIX — начала XX в. Именно «широкое разлитие по лицу земли русского монашества и монастырей», по оценке А. В. Карташева, свидетельствует об обилии святости и нравственного возрождения «Святой Руси» в конце Синодального периода истории Русской Православной Церкви⁴. Попытки

¹ Извлечение из Св. Законов. Т. IX. Изд. 1899. Гл. II. Отделение второе. Ст. 409–425 // Церковное благоустройство: сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному ведомству. М., 1901.

² УДК. Гл. IV. Ст. 77.

³ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 19–20; Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 18; ТЕВ. 1890. № 5. С. 14–17.

¹ ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–10.

² Тобольская епархия. Ч. II. С. 168.

³ Извлечение из Св. законов Т. IX. Изд. 1899. Гл. II. Отделение 2. Ст. 414, 415.

⁴ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 320.

открытия иноческих обителей в первой половине XIX в. на территории Томской епархии, свидетельствующие о потребности в них части сибирского общества, основание и быстрое развитие монастырей во второй половине XIX в. служат доказательством религиозного подъема в Западной Сибири в этот период.

Монашеские обители Томской епархии являлись частью православного русского монашества, обладавшего отличными от других сословий субкультурными характеристиками, имели свои особенности формирования и развития. Приведенные нами данные позволяют выявить следующую картину изменения численности и состава обителей монастырей и общин Томской епархии во второй половине XIX – начале XX в. Общероссийская тенденция преобладающего роста числа монахинь и послушниц, связанная с открытием множества новых женских обителей в империи в изучаемый период, четко прослеживается при исследовании динамики изменения численности монашеских, послушников и послушниц монастырей и общин Томской епархии, в которых число монахинь и послушниц за 1869–1916 гг. увеличилось с 71 до 870 чел., в то время как в мужских – с 29 до 102 чел. Процесс роста числа сестер женских обителей епархии шел более быстрыми темпами, чем в соседних сибирских епархиях и имел свою специфику в силу географического положения и выбора сферы приложения усилий. Одним из решающих факторов роста численности населения иноческих обителей епархии являлся внешний и внутренний миграционный поток населения.

Существующий дисбаланс – многократное численное превосходство послушниц над монахинями, характерное для большинства женских монастырей, ярко проявился в составе сестер обителей Томской епархии, в связи с непродолжительным периодом их существования. На рубеже веков в мужских монастырях и архиерейских домах монашеские составляли не менее 40 % братии, в отличие от женских, где только 5 % от общего числа сестер были удостоены пострига в мантию и схиму.

Ситуация, сложившаяся в женских обителях епархии резко контрастировала с бедственным положением мужских монастырей. Их существенным отличием, наряду с многочисленностью, была стабильность состава сестер. Монахини имели за своими плечами длительный стаж иноческого служения, что являлось показателем осмысленности выбора и постоянства.

Основной категорией населения, служащей источником формирования обителей монастырей и общин епархии во второй половине XIX – начале XX в., являлось крестьянство. Это связано как с исторически сложившимися особенностями социальной структуры населения Западной Сибири, так

и с общероссийским положением данного сословия. Большинство сестер женских обителей по своему социальному происхождению (не менее 70 %) были представительницами крестьянского сословия, и их доля постоянно возрастала к 1917 г. В мужских монастырях к началу XX в. уменьшился процент представителей духовенства по сравнению со второй половиной XIX в., существенную долю братии стали составлять представители крестьянства. Особенности социальной структуры отдельных обителей во многом определяли географическое положение и специфика деятельности монастыря.

На протяжении всего периода преобладающую часть монашеских, послушников и послушниц составляли лица не старше 50 лет. В мужских монастырях средний возраст насельников был выше, чем в женских, в которых менее 40 % насельниц были не старше 30 лет.

Показатель уровня грамотности монашеских, послушников и послушниц Томской епархии, составляющий 80–90 %, был значительно выше средних показателей грамотности населения как Сибири, так и Российской империи в целом. К началу XX в. образовательный уровень еще более возрос. Большое значение имела специальная система обучения, сложившаяся внутри монастырей, в процессе которой послушницы осваивали элементарную грамоту, редкие ремесла. В рамках монастыря сестры могли раскрыть свои таланты, получив навыки управленческой работы, добиться значительного положения в Русской Православной Церкви. Для подготовки квалифицированных кадров практиковалась отправка сестер в женские обители других епархий и учебные заведения. Монахи и послушники обладали более высоким образовательным уровнем, чем монахини и послушницы.

Для образованной в 1834 г. Томской епархии основание монастырей и женских общин было неразрывно связано с крупными изменениями в положении Церкви второй половины XIX в., которые придали их деятельности прогрессивную для того времени социально-карикативную направленность. К концу XIX в. потенциал, накопленный монастырями, архиерейскими домами и женскими общинами (экономическая база, образовательный уровень насельников, организационная структура и управление), позволил им занять важное место в жизни региона, стать значимыми для населения Томской губернии не только религиозными центрами, но и сосредоточением просветительских, благотворительных, культурных учреждений.

Глава 2

Просветительская и благотворительная деятельность архиерейских домов, монастырей и женских общин епархии

2.1. Православные обители как центры просвещения и благотворительности

Главным содержанием деятельности православных монастырей являлось распространение и утверждение православия среди населения империи. И в этом отношении организация просветительско-благотворительной работы была лишь средством укрепления Веры¹. Но наряду с выполнением основной функции как центров религиозного просвещения и воспитания монастыри так или иначе выполняли общекультурную функцию, играли важную роль в социально-нравственном воспитании окружающего населения. В Церкви воспитывали уважение к государственной и духовной власти, приучали с малых лет анализировать свои поступки не только с религиозной, но и этической точки зрения². Издревле монастыри играли роль культурно-образовательных центров, распространяя среди населения округа элементарную грамоту, знания об истории и искусстве, об устройстве государства и мира, хозяйственные новшества.

Если в первой главе нами исследовался объект — православные обители Томской епархии, то во второй изучается выполнение им социально-карикативной функции. Для интересующего нас периода отличительной чертой, по нашему мнению, наряду с культовой, религиозно-просветительской деятельностью, являлось усиление социальной и просветительской работы, заключающейся в открытии специализированных учебных и благотворительных заведений для нуждающихся в помощи представителей различных сословий. В первом параграфе второй главы мы исследовали поле деятельности православных обителей в сфере «заботы о народе» и определили место, которое в данном направлении занимала работа просветительско-благотворительных заведений при монастырях. Показателем первоочередного внимания

и неформального подхода монастырей к выполнению социально-карикативной функции являлся постоянный качественный и количественный рост монастырских просветительско-благотворительных учреждений, применение новаторских форм работы.

В XIX в., в связи с изменением роли и места Русской Православной Церкви в государственной структуре, дальнейшим активным расширением территории государства, Церковь, ставшая практически идеологическим ведомством империи, под воздействием управленческой машины, помимо основной сферы — литургической, все более активно стала действовать в культурно-идеологической, что было связано с задачей укрепления государственного строя¹. Значительно возросла роль миссионерской деятельности Церкви, в т. ч. монашеских обителей, в национальной политике и укреплении государственных позиций на присоединенных территориях с иноэтническим населением. Интенсивная миссионерско-просветительская деятельность монастырей и женских общин Томской епархии определила своеобразие процесса развития обителей.

В результате небывалого подъема благотворительности и интереса к просвещению в российском обществе, вызванного преобразованиями второй половины XIX в., Русская Православная Церковь резко усилила внимание к выполнению социальной функции. В связи с данными процессами, общество требовало от монастырей расширения сферы приложения усилий, имевшей социально значимый характер. В этом смысле во второй половине XIX — начале XX в. просветительско-благотворительная деятельность приобрела для обителей более самостоятельный и значимый характер, чем в предшествующий период. Указанная тенденция не противоречила христианским заповедям, по которым служение Богу, спасение души и богопостижение возможны через нравственный подвиг, самопожертвование во имя блага людей.

Само существование обителей служило формой приобщения русского населения и инородцев к духовным ценностям христианства, знакомства с церковной архитектурой, пением, живописью. Монастырские храмы являлись памятниками церковного зодчества и служили украшением своего города или сельского округа. Казанский собор Алексеевского монастыря 1789 г. (стиль «сибирское барокко», первоначальный проект 1767 г. московского архитектора князя Д. Макулова) на плане города занимал положение центра «...связей храмовых доминант г. Томска и составлял с Воскресенской церковью и ансамблем Иоанно-Предтеченского монастыря градообразующую ось города»². К числу архитектурных достопримечательностей г. Томска

¹ Русское православие: веки истории... С. 157–158.

² Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР... С. 41.

¹ Римский С. В. Указ. соч. С. 39.

² Храмы Томска / Сост. Г. Скворцов. Томск, 1990.

относились соборная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы (освящена в 1870 г.) и церковь во имя Святителя и Чудотворца Иннокентия Иркутского Иоанно-Предтеченского женского монастыря (освящена в 1865 г., архитектурный стиль «сибирское барокко»). В окрестностях г. Барнаула главенствующее положение в монастырском ансамбле Барнаульского монастыря занимала соборная церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери (освящена 1.10.1904)¹. Строительство православных храмов в местности с сакральным для язычников смыслом имело важное значения для расширения границ православного мира. Храмы монастырей и общин Алтайской миссии играли роль центров распространения русской православной культуры среди автохтонного населения. Особенно выделялся величием и красотой каменный двухэтажный, трехпредельный собор Улалинского монастыря (освящен в 1911 г.) «обширный по размерам и замечательный по архитектуре...»². Он мог «...служить украшением любого города», отмечали в отчетах епископ Томский Анатолий и начальник миссии, епископ Бийский Иннокентий³. К 1917 г. при монастырях и женских общинах епархии действовало 20 церквей, включая домовые церкви и молитвенные дома.

В монастырях создавались легенды о святых, блаженных, жизнь которых была связана с обителем или местностью. Обители популяризировали исторические достопримечательности, находящиеся на монастырской территории. К Казанскому собору Томского Алексеевского монастыря примыкал древний монастырский некрополь. В нем были похоронены настоятели, томские епископы Виталий (ум. 24.11.1866) и Платон (ум. 8.10.1876), томские губернаторы Н. Родзянко (ум. 1871) и И. Красовский (ум. 1885, через год тело было перевезено в Москву), воеводы, высшие военные и гражданские чиновники, почетные граждане⁴. Настоятель Алтайского монастыря архим. Иона (1901–1908) провел ряд мероприятий по восстановлению былой роли обители в жизни города и епархии (см. приложение 2). Основным пунктом программы стало создание культа старца Федора Кузьмича: организация общества почитателей старца, сбор и публикация материалов, совершение ежедневных панихид над его могилой. С 1864 г. могилу старца на кладбище Алексеевского монастыря отмечали четыре кедра по углам ограды. В 1904 г. на деньги жертвователей над могилой был возведен памятник-часовня (архитектурный стиль «русский классицизм») по проекту закончившего

¹ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.

³ ТЕВ. 1916. № 14. Неофиц. часть. С. 478.

⁴ Мисюров А. А. Указ. соч. С. 14, 18–19; История названий томских улиц. Томск, 1998. С. 300–306.

Академию художеств молодого талантливого архитектора В. Ф. Оржешко¹. Ежегодные панихиды в день смерти старца совершались при большом собрании народа. В путеводителях осмотр достопримечательностей, связанных с его жизнью, рекомендовался путешественникам. Могилу старца посещали важные гости города: цесаревич Николай Александрович в 1891 г., главком Линевиц, министры². 9 мая 1904 г. на могиле Федора Кузьмича собралось более 1500 человек³. С могилой старца были связаны чудесные исцеления от болезней⁴. Подобные святые чудодейственные места находились и при других обителях епархии (св.иконы, ключи и т. д.). Намерение архим. Ионы увековечить память 70 иноков-воинов, погибших по преданию в начале XVII в. во время набега киргизов, и установить на месте их мученической гибели крест, было осуществлено уже после его смерти.

У северных врат Иннокентьевского храма Иоанно-Предтеченского монастыря находилась каменная часовня Домны Томской – юродивой, блаженной старицы (ум. 1872), пользовавшейся огромным авторитетом и почетом среди горожан. На кладбище женского монастыря были похоронены многие известные и уважаемые люди, в т. ч. епископ Томский Порфирий (ум. 1865). Особенностью данного кладбища являлось наличие «Профессорского некрополя», где хоронили известных ученых Томского университета, технологического и учительского институтов, архитекторов, художников, писателей (в т. ч. профессоров М. Г. Курлова, Э. Г. Салищева, Сапожникова, краеведа, князя Н. А. Кострова, писателей Наумова, Потанина)⁵. Уникальность некрополя еще раз подтверждает место православия в жизни интеллектуальной и творческой элиты XIX – начала XX в. и бережное отношение насельников монастырей к сохранению исторической памяти нации.

В связи с увеличением влияния профессиональных светских художников на иконописание, потерей связей с древнерусскими традициями и отсутствием традиций, важное место в процессе сохранения церковного иконописного искусства в Западной Сибири занимали иконописные мастерские Алтайской миссии: 1) при Улалинском центральном мужском училище; 2) при Николаевском женском миссионерском монастыре⁶. Мастерская при училище в центральном

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 3126а; Город Томск. Томск, 1912. С. 119–120; Храмы Томска / Сост. Г. Скворцов. Томск, 1990.

² История названий томских улиц. Томск, 1998. С. 300–306.

³ Всеобщий иллюстрированный путеводитель. Н. Новгород, 1907. С. 693.

⁴ ТЕВ. 1911. № 12. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 651–652.

⁵ Мисюров А. А. Указ. соч. С. 14; Привалихина С. В. Мой Томск. Томск, 2000. С. 105, 111–114.

⁶ Бычкова Т. А. К истории иконописания Томского уезда 17–19 вв. // Кузнецкая старина. Вып. 1. История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк, 1993. С. 121–129.

стане миссии была устроена по инициативе начальника миссии архим. Владимира, ею с 1876 г. руководил будущий наместник Чулышманского монастыря иеромонах Антоний (см. приложение 2). Ранее он возглавлял иконописную мастерскую при Посольском монастыре Забайкальской миссии. Им вместе с учениками были расписаны многие храмы миссии. Иконописная мастерская при Улалинском монастыре была открыта в период управления миссией епископом Макарием (Невским) в 1888 г. и просуществовала до 1917 г. Для этого три сестры прошли обучение в Серафимо-Понетаевском монастыре Нижегородской епархии, после возвращения они начали учить 20 насельниц обители¹.

Основанная в 70-е гг. XIX в. художником, академиком П. С. Сорокиным художественная мастерская при Серафимо-Понетаевском монастыре считалась лучшей в Нижегородской губернии и славилась на всю Россию². По инициативе императрицы Марии Николаевны мастерицы проходили курс обучения живописи и мозаике в столице у профессоров Санкт-Петербургской Академии художеств³. В мастерскую монастыря для обучения живописи направлялись сестры и в начале XX в. из женских обителей Московской епархии⁴. В начале XX в. живописная и иконописная мастерские действовали при Барнаульском монастыре, в Бийской обители несколько сестер владели этим искусством, в мастерских Томского женского монастыря осуществлялись иконописные и реставрационные работы, чистка и позолота иконостасов. Таким образом, иконописная школа юга Западной Сибири развивалась при непосредственном участии монашества Томской епархии не в изоляции, значительное влияние на нее оказывали школы европейской части России, в т. ч. и светская, и районов Сибири с более древними традициями церковного живописного искусства.

Культивирование художественных ремесел в монастырях и общинах в целом способствовало культурному развитию населения епархии, развитию прикладных видов искусства. Предметы, изготавливаемые в монастырских стенах (облачения архиереев и священнослужителей,

¹ Отчет Алтайской и Киргизской миссий за 1888 г. // ТЕВ. 1889. № 5. Неофиц. отдел. С. 11.

² *Макаръевский М.* Серафимо-Понетаевский монастырь // Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. № 27. С. 1022–1023; ТЕВ. 1882. № 7. Неофиц. отдел. С. 185.

³ *Гагарина А. Ю., Седов А. В.* Вятчанки в Серафимо-Дивеевском и Серафимо-Понетаевском женских монастырях Нижегородской губернии // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): материалы Международной научной конференции. Т. 1. Киров, 1996. С. 85–88.

⁴ За Христа пострадавшие: гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Книга 1. А-К. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1997. С. 122–123.

иконы, церковная утварь, ковры), были широко используемы различными слоями. Произведения отдельных мастериц получали широкую известность среди населения региона. Известен факт, что изделия монастырских белошвеек Томского Иоанно-Предтеченского монастыря славились далеко за пределами города. Участие во всероссийских выставках, на которых выставленные образцы получали почетные отзывы, способствовало дальнейшему развитию ремесел¹.

Икона была не только значимым предметом религиозного культа для верующих, изображением, имеющим священное значение, связанным с поклонением святым, храмовыми праздниками, крестными ходами и чудесами, но и произведением искусства. В монастырях епархии находились чтимые населением региона иконы и святыни. В Томском Алексеевском монастыре: 1. Местная икона «Нерукотворный образ» в храме Казанской Божьей Матери, по преданию писана Тобольским митрополитом Иоанном Максимовичем. 2. Икона «Неопалимая Купины». Писана в 1653 (1654) г. от томского народа служилым человеком Ивыржиным. 3. Крест с изображением распятия. Писан в 1661 г. в Кузнецком остроге. Обновлен в 1867 г. В Томском Иоанно-Предтеченском монастыре: 1. Святой крест. Писан в 1674 г. в Св. Троицу томским сыном боярским Иваном Васильевым. 2. Икона Успения Божьей Матери в серебряной позолоченной ризе. 3. Храмовая икона Рождества Господня. По легенде писана в 1675 г. В Спасском храме Улалинского монастыря находилась икона св. великомученика Пантелеймона из Свято-Афонского Пантелеймоновского монастыря и икона св. Николая Чудотворца. На Алтае св. Николай Чудотворец считался покровителем инородцев и был наиболее почитаемым святым. С таким же почтением относилось местное население и к иконе св. Пантелеймона – начальника всех небесных заступников, приписывая ей чудотворные свойства².

Духовная музыка и пение было неотъемлемой частью повседневной жизни православного населения. Хор певчих Улалинской общины являлся одним из первых образцовых хоров Алтайской миссии³. Хор Иоанно-Предтеченского монастыря участвовал во многих городских празднествах. Духовная музыка и пение были неотъемлемой частью повседневной жизни

¹ *Долгоруков В. А.* Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. С. 171; ТЕВ. 1899. Неофиц. отдел. С. 42.

² *Бычкова Т. А.* Наиболее чтимые иконы Томской губернии // Сибирский город вчера и сегодня: тезисы научно-практической конференции, посвященной 380-летию Новокузнецка. Новокузнецк, 1998. С. 23–26; *Долгоруков В. А.* Путеводитель по всей Сибири... С. 170–171; ТЕВ. 1903. № 14. Неофиц. часть. С. 36.

³ Там же. № 6. Неофиц. отдел. С. 119.

православного населения. В изучаемый период Русская Православная Церковь большое внимание уделяла внешней эстетике — строительству красивых храмов, улучшению службы в них, особенно церковного пения, для укрепления традиционно-эстетической религиозности¹.

Важное значение в жизни монастырей и православного населения епархии имели торжественные службы, связанные с престольными праздниками, и крестные ходы. Церковные праздники имели для горожан и окрестного сельского населения не только религиозную, но и познавательную сторону². Так, учителя Нижнекаменской и Россохинской церковно-приходских школ, совершив с учениками весной 1891 г. паломничество за 60 верст в Улалинский монастырь, просили разрешение на следующий год³. В с. Улалу за неделю до Троицы шли густые толпы богомольцев, некоторые за 400–500 верст. Ежедневно шла служба с причащением сотен верующих⁴. В праздник общины 9 мая в Улалу стекалось в 1879 г. более 5000 богомольцев, в 1882 г. — примерно 10000, в начале века — до 15000⁵. При монастыре были устроены две гостиницы для именитых гостей, посетителей частично обеспечивали бесплатными обедами. В Бийский Тихвинский монастырь в храмовый праздник 26 июня стекалось до 2000 богомольцев. Особо почитаема была икона Божьей Матери «в скорбях и печалях утешение» с 6 частицами мощей св. угодников Божьих, присланная архим. Андреевского скита на Афоне Иосифом в дар монастырю⁶.

Среди жителей Алтая было распространено паломничество к Святому Ключу Александро-Невской пустыни, известному с конца XIX в. чудесными случаями исцеления от болезней⁷. В отчетах миссии отмечалось, что много богомольцев стекалось к престольным праздникам в Чемальскую миссионерскую общину, Матурскую общину (26 июля в честь Пр. Параскевы), в день Преображения Господня — в храм Чулышманского монастыря. В праздничные дни сестры и воспитанницы Чемальской общины проводили с жителями села религиозно-нравственные беседы, чтения Евангелия и назидательных рассказов, устраивали песнопения.

¹ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 22.

² *Куприянов А. И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 39.

³ ТЕВ. 1892. № 17. Неофиц. отдел. С. 11.

⁴ От Улалы до Чемала и Чопош. (К истории Алтайской миссии) // ТЕВ. 1905. № 17. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 5.

⁵ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1879 г. // ТЕВ. 1880. № 5. Неофиц. отдел. С. 102; О миссиях Алтайской и Киргизской в 1882 г. // ТЕВ. 1883. № 13. Неофиц. отдел, С. 390.

⁶ Иллюстрированный путеводитель... Н. Новгород, 1907. С. 694.

⁷ Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 год // ТЕВ. 1914. № 7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 463–477.

На престольный праздник 12–25 июня в Бийском Тихвинском монастыре епископом Бийским Иннокентием был установлен крестный ход с иконой Тихвинской Божьей Матери из обители в Троицкий собор¹.

Масштабами и пышностью отличалась организация крестных ходов в г. Томске. Указом Томской духовной консистории от 21.05.1866 г. учреждались ежегодные крестные ходы 26 мая из церкви Томского Алексеевского монастыря для встречи чудотворной иконы Спасителя из с. Спасского и 27 мая для сопровождения ее в монастырь². Икону Божьей Матери Одигитрия — одну из наиболее чтимых в Томской губернии, исстари до 1857 г. приносили из с. Богородского (60 верст от Томска) в Алексеевский монастырь, где она находилась с 21 мая по 23 июня. Во второй половине XIX — начале XX в. после молебна в кафедральном соборе 21 мая икону торжественно сопровождали в обитель, где она оставалась до 31 мая³. 9 мая в монастырь из с. Семилужного (30 верст от Томска) приносили икону св. Николая Чудотворца⁴. В исследуемый период традиционным стало устройство торжеств и концертов в Рождество при церковно-учительской школе Томского архиерейского дома, Доме трудолюбия Иоанно-Предтеченского монастыря.

Каждая обитель Томской епархии, кроме религиозных святынь, имела свои историко-культурные достопримечательности. Чемальская община находилась в красивейшем месте на берегу Катуня, на один из ее островков была перенесена маленькая церковь, в которой, будучи миссионером Чемальского стана Алтайской миссии, митрополит Макарий (Невский) совершал богослужения. С берега на остров вел искусно сделанный деревянный мостик для пешеходов⁵. Синюхинская женская община была расположена в 8 верстах от г. Синюха, вблизи от исторических достопримечательностей: шлифовальной императорской фабрики и Демидовского рудника. Богородице-Казанский монастырь и Александро-Невская пустынь были известны святыми ключами. Строительство монастырских комплексов вносило изменение в привычный для глаза язычников ландшафт, осваивая места, имевшие сакральное значение для местного населения. Так, Улалинский монастырь первоначально был расположен у незамерзающего ключа при впадении р. Улалы в р. Майму, позже перенесен на возвышенное место.

¹ ТЕВ. 1911. № 17. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 883–890.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 76.

³ ТЕВ. 1882. № 7. Неофиц. отдел. С. 185.

⁴ *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 866.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 10об.

Монашеские обители были восприимчивы к научно-техническим достижениям, становясь примером для населения региона. Так, Успенский собор Иоанно-Предтеченского монастыря в 1901 г. был обращен из холодного в теплый путем устройства калориферов. В помещения томских монастырей и архиерейского дома был проведен водопровод. В 1908 г. с разрешения епархиального начальства в храмах Иоанно-Предтеченского монастыря, училищах, корпусе настоятельницы, свечном заводе и хозяйственных постройках было проведено электрическое освещение¹. В 1907 г. на Телецкое озеро была доставлена паровая лодка для облегчения связи Чулышманского монастыря с внешним миром. Новые технологии применялись в свечном производстве, в пчеловодстве, маслоделии и огородничестве. Во многих случаях механизмы, семена, специальная литература заказывались в Москве и Санкт-Петербурге.

Монастыри Алтайской духовной миссии, являясь центрами православной культуры, выполняли роль посредников между христианским и языческим мирами. Особенно велика роль в распространении русской православной культуры Улалинской Николаевской женской общины (осн. в 1863 г.), главной целью которой было «помогать миссии в попечении о лицах женского пола, новообращенных из язычества — обучение их христианству и рукоделиям, уходом в болезни, призрением бесприютных, воспитанием и обучением малолетних сирот»². Сестры обители играли важную роль в жизни центрального стана миссии в с. Улала. Иноческие обители являлись формой социальной организации людей, отказавшихся от мирской жизни для служения Богу и ближним, следуя высоконравственным христианским идеалам. По этой причине монашествующие как примеры «христианской максимализации» в жизни и вере, как люди, осуществляющие реальную социальную помощь, пользовались исключительным уважением не только среди православного населения. Существование общины как наглядного примера нравственно-этических принципов русской православной цивилизации, ее лучших представителей, пытающихся оградить инородцев от наиболее негативных ее сторон (культы пьянства, притеснения со стороны переселенцев, произвола местной администрации и родовой знати, грабительских условий торговли и т. д.), способствовало более безболезненному переходу к новым условиям жизни и решению государственной задачи — созданию вместе с распространением православия нравственно-культурной основы русской цивилизации.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3255; Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 61, 63, 72.

² Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. II. С. 366.

«...Миссия не спешила с крещением инородцев, а предварительно старалась научить и утвердить их в вере, вырвать из условий прежней дикой жизни и обратить к оседлости, устраивала школы, вела беседы, помогала в устройстве домашнего хозяйства, завела даже больницу, — словом, с православной верой несла и христианскую культуру»¹. При этом средства приобщения к русской цивилизации не должны были «носить характер насилия, оскорблять народное самолюбие и шокировать религиозные чувства»².

Решению данной задачи и посвятили свои жизни сестры Улалинской общины. Современные исследователи признают, что община внесла определенный вклад в развитие образования и здравоохранения в крае и была своеобразной хозяйственно-бытовой школой³. Община служила образцом межнациональных отношений и примером того, как представители инородческого населения могли занять высокое положение в церковной иерархии, пользоваться огромным уважением со стороны архиереев, русского населения. М. В. Чевалкова — старица Магдалина, одна из самых опытных монахинь Улалинского монастыря, исполнявшая в разное время должности казначеи, начальницы Чулышманского приюта, была удостоена сана игуменьи.

Приготовление к крещению и обучение после крещения хозяйству, трудолюбию, опрятности и рукоделиям, помощь роженицам и больным также были сферой деятельности сестер монастыря. Монастырь служил примером ведения комплексного хозяйства, хозяйственно-бытовой школой, где можно было познакомиться с передовыми приемами земледелия, новыми с.-х. культурами, орудиями труда; получить практические советы и реальную помощь. Распространение миссией хозяйственно-бытовой культуры, изменявшей экономическую основу жизни инородцев, влекло за собой и социальные изменения. Традиционно экономической основой православия была земледельческая культура, в корне отличная от кочевого экстенсивного скотоводства. Показателен пример Чулышмана. Если до 90-х гг. XIX в. население долины закупало хлеб у купцов по завышенным ценам, то под влиянием монастыря стало сеять зерновые, используя соху вместо мотыги, косить сено косами-литовками, а не срезать ножами. «Монахи и миссионеры первые и единственные учителя земледелия» приучали инородцев к оседлости⁴.

¹ ТЕВ. 1888. № 17. Неофиц. отд. С. 7–8.

² Там же. 1885. № 4. Неофиц. отд. С. 1.

³ Модоров Н. С. Указ. соч. С. 268.

⁴ ТЕВ. 1895. № 21. Неофиц. часть. С. 24–25

В начале XX в. наместником монастыря архим. Антонием были успешно проведены опытные посевы пшеницы, расширены посевы зерновых, применялась сельскохозяйственная техника, что способствовало повышению уровня хозяйственной культуры жителей Чулышманской долины¹. В «Отчете Алтайской духовной миссии за 1914 год», как результат деятельности Чулышманского монастыря, отмечалось, что жители долины в религиозном плане стоят выше новокрещенных прочих отделений миссии, большинство мужчин грамотны и читают на родном языке. В отчете подчеркивается роль обители в хозяйственном развитии долины и то, что «от монастыря инородцы научились русскому языку, русским обычаям, уважению к русскому народу и его законам»².

Успешная деятельность иноческих обителей в этом направлении была возможна только при поддержке местного населения, требовала приложения постоянных усилий. Так, в литературе описан случай, когда в Улалинскую женскую общину в 70-х гг. XIX в. пришла толпа родственников с требованием выдать двух замужних инородок, готовящихся в общине к принятию крещения. Жители с. Уалы остановили недовольных, женщины были крещены и оставлены с их согласия в общине для обучения хозяйству, трудолюбию, опрятности и рукоделию. Через несколько дней им стало скучно, и вскоре они покинули стены обители, однако через месяц явился креститься муж одной из женщин, который ранее требовал ее выдачи³. Надо отметить, что и некоторые сестры-инородки по различным причинам оставляли общину: не выдерживали тягот иноческой жизни, выходили замуж. Служение Богу требовало прочных убеждений на основе сознательного решения, которое вырабатывается многие годы и имеет опору в памяти предков⁴. Деятельность общины позволяла инородцам, попавшим в сферу ее воздействия, после получения новых знаний, ломки традиционного мировоззрения, принять подобное решение, рассчитывая на помощь и поддержку и в дальнейшем полноценно служить делу распространения православия и вместе с ним просвещения, составляя костяк вновь образовавшейся национальной интеллигенции. Один из примеров: мать одного миссионера под воздействием миссии ушла от мужа и крестилась вместе с ребенком. С 5 до 10 лет мальчик воспитывался в Улалинском детском приюте С. В. Поповой (будущей настоятельницей Николаевского монастыря игуменьей Серафимой), затем поступил

¹ Там же. 1902. № 1. Неофиц. часть. С. 11.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 24–27.

³ Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. II. С. 342–345.

⁴ *Солодчин И. В.* Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 38. С. 914.

в Катехизаторское училище, после которого работал учителем и был рукоположен в священники¹.

Вовлечение в обрядовые церемонии, воздействие эстетически продуманного церковного искусства, сакрализация основных жизненных ситуаций, начиная с рождения и заканчивая смертью человека, обеспечивали огромную степень воздействия на новокрещенных и язычников. Вместе с усвоением эрзац-культуры, изменением привычной религиозной символики шла смена представлений об устройстве мира, знакомство с достижениями русской православной цивилизации. Монашествующие и священники женских обителей помогали в исправлении культа и окрестным жителям. С 1867 г. священник Улалинской общины, опытный миссионер Арсений Ивановский, кроме служения в храме общины, заведовал ближайшими селениями. В 1871–1875 гг. духовные требы в Чулышманском отделении для новокрещенных исполнял монах монастыря, впоследствии иноки монастыря также допускались к миссионерскому служению в соседних станах². Сестры женских обителей с помощью воспитанниц приютов на протяжении всего изучаемого периода проводили с жителями близлежащих селений беседы, чтения и песнопения.

Монашеские обители епархии сыграли определенную роль в развитии здравоохранения региона, особенно в Горном Алтае, где свирепствовали эпидемии тифа, сифилиса, дизентерии, туберкулеза, малярии, по причине которых детская смертность достигала 40 %³. К 1917 г. на весь Горный Алтай действовали больница при Улалинском стане миссии и фельдшерские пункты в Ондугае и Озеро-Куреево⁴. Больница была открыта в 1875 г., ею заведовали и осуществляли уход сестры Улалинского монастыря. При больнице были аптека и детский приют. После перевода центрального стана Алтайской миссии в г. Бийск был осуществлен перенос больницы, в Улале остался фельдшер и помещение для инфекционных больных⁵ (см. приложение 1, табл. 28). На территории миссии, где в экстремальных

¹ Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 г. // ТЕВ. 1911. № 8–9. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 431.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 819. Л. 6; Отчет о миссиях Томской епархии – Алтайской и Киргизской за 1890 г. // ТЕВ. 1891. № 5. Неофиц. отдел. С. 3.

³ *Модоров Н. С., Эбель А. В.* Культура алтайцев в пореформенное время // Этническая история и культура народов советской страны: тезисы докладов Всесоюзной научной конференции молодых ученых. Омск, 1991. С. 116–118; *Смирнягина О. П.* Из истории развития здравоохранения Горного Алтая // Гуляевские чтения: материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 88–95.

⁴ *Модоров Н. С.* Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX вв.). Горный Алтай, 1996. С. 274.

⁵ Отчет о миссиях // ТЕВ. 1891. № 7. Неофиц. отдел. С. 20–21.

случаях оказывали помощь миссионеры, большое значение при оказании помощи населению имели фельдшерские пункты при приютах и обителях миссии.

Деятельность школ, приютов, богаделен при монашеских обителях Томской епархии, в организационно-административном смысле низовых подразделений Русской Православной Церкви, необходимо рассматривать в русле общего развития церковной школы и благотворительных учреждений епархии. Общероссийские процессы, начавшиеся с преобразований 60-х гг. XIX в.: подъем благотворительности и просветительского движения в обществе, активное участие в нем церкви, широкое развитие церковно-народного образования и миссионерства, совпали по времени с основанием большинства монашеских обителей Томской епархии, что обусловило круг задач и направление деятельности в указанных сферах.

На основании изученного материала представляется возможным выделить два этапа в процессе развития просветительской и благотворительной деятельности архиерейских домов, монастырей и женских общин Томской епархии: 60–80-е гг. XIX в. и 90-е гг. XIX – начало XX в., в зависимости от: 1) количественного и качественного роста учебных и благотворительных заведений, изменения их места во внутримонастырской структуре, применения новых форм и методов работы; 2) политики государства по отношению к церковной школе и благотворительности, деятельности епархиальной власти, места монашеских обителей в епархиальной системе просветительно-благотворительных учреждений.

К середине XIX в. из монашеских обителей епархии лишь Томский Алексеевский монастырь обладал просветительскими традициями, т. к. остальные монастыри и женские общины были образованы во второй половине XIX в. Русское духовное училище при Алексеевском монастыре, открытое по указу Тобольской консистории от 5 марта 1746 г., было первым и в течение многих лет единственным учебным заведением в Томской губернии. В нем обучали церковно-славянскому и гражданскому чтению, арифметике, иконописанию, катехизису, пению. При Тобольском архиепископе Амвросии I (1806–1822) в 1807 г. училище было преобразовано в 3-классное латино-русское для улучшения подготовки духовных лиц и помощи Тобольской семинарии. Позднее это учебное заведение стали именовать Томской духовной гимназией, начальнику которой – настоятелю монастыря – предписано было епархиальным начальством именоваться гимназиархом. Духовная гимназия в 1823 г. подверглась преобразованию в уездное духовное училище при монастыре с присоединением к нему приходского класса. Архимандрит Иероним

получил достоинство ректора. В 1839 г., из-за недостатка помещений в связи с размещением в монастыре архиерейского дома, Томское духовное училище перевели в новое здание вне стен обители. В 1839–1842 гг. настоятель Алексеевского монастыря архим. Виктор выполнял обязанности смотрителя училища. Именно это учебное заведение дало первый контингент учителей в первые начальные училища края и послужило основой для открытия духовной семинарии в 1858 г. при деятельном участии настоятеля и братии¹.

В 1838 г. Томской епархии указом Синода было предписано повсеместно в сельской местности открывать школы для обучения населения и воспитания в религиозно-нравственном духе на основании правил, изданных Синодом 19 октября 1836 г., «первоначального обучения поселянских детей» – первых правил для церковно-приходской школы. В 1839 г. в Томской губернии появились первые церковно-приходские школы, но они были немногочисленны и быстро исчезали. При огромном проценте неграмотных всякая школа, даже не вполне удовлетворительно работающая, была значительным шагом вперед, так как до 1839 г., кроме семи горно-заводских школ Алтайского округа, во всей губернии не было ни одного сельского училища². Алтайская духовная миссия, во многом вопреки позиции государства, признала необходимость просвещения инородцев и в 1839 г. открывает две первых миссионерских школы на Горном Алтае. На протяжении всего изучаемого периода своеобразие процесса развития церковной школы в Томской епархии во многом определяла интенсивность миссионерско-просветительской работы на Алтае. В создании сети учебных заведений для автохтонного населения миссия намного опередила первые шаги светской власти в этом направлении. В 1854 г. проект генерал-губернатора Западной Сибири о заведении школ для инородцев признан несвоевременным из-за неудовлетворительного положения школьного дела среди русского населения. Все «...исправники, кроме Кольванского, признали бесплодным и даже невозможным учреждение этих школ, и дело окончилось перепиской»³. В 1830–1843 гг. Алтайской миссией были открыты две первые миссионерские школы, к 1866 г. на ее территории действовало уже 10 школ. Всего в Томской епархии к 1865 г. работало 39 школ церковного ведомства с 289 учащимися⁴. Столь малое число

¹ Беликов Д. Н. Указ. соч. С. 115; Тобольская епархия. Ч. II. С. 94–95; Побединский М. Из прошлого Томского духовного училища // ТЕВ. 1902. № 8. Неофиц. отдел. С. 5–17; ТЕВ. 1886. № 12. Неофиц. отдел. С. 10–12; ТЕВ. 1887. № 12. Неофиц. отдел. С. 11.

² Голубев П. Народное образование // Алтай. Томск, 1890. С. 242–243.

³ Голубев П. Указ. соч. С. 244.

⁴ ТЕВ. 1884. № 21–22. Неофиц. отдел. С. 21.

церковных школ, в котором существенную долю составляли миссионерские, не могло удовлетворить потребности региона. С первых лет существования миссии ее основатель архим. Макарий (Глухарев) планировал открытие женской общины с просветительской целью. Он подчеркивал, что «важнейшая нужда миссии не в ризнице и не в денежной милостыни, но в учительнице, которая могла бы Благодатью Божией сделаться матерью для девочек новокрещеных и вообще распространять царствие Божие между женщинами, а через них и вообще в народ»¹. Воздействие на женщину – хранительницу очага и традиций, как самый консервативный элемент общества, являлось первоочередной задачей миссии. Добившись продвижения в этом направлении, можно было рассчитывать на успешность дальнейших действий².

Во второй половине XIX в. Алексеевский монастырь утрачивает значение главенствующего просветительского духовного центра г. Томска. К 70-м гг. XIX в. школа, и до этого работающая с перерывами, прекращает существование, в связи с увольнением штатных служителей, а богадельня (положенной по штатному положению 3-классного монастыря) в отчетах монастыря не упоминается³. При монастыре существовала обширная библиотека, в которую регулярно выписывались книги и периодические издания⁴.

С момента открытия первых женских общин на территории епархии при них учреждаются и первые приюты, школы, богадельни. Небольшое количество заведений и малое число призреваемых лиц объясняется тем, что обитатели находились на начальном этапе своего существования, еще не укрепившись экономически и организационно. Так, с первых лет деятельности Иоанно-Предтеченской женской общины сироты находили в ней приют и обучались грамоте, рукоделиям, хозяйству⁵. Желание открыть общину возникло в среде купечества г. Томска в 1851 г., но экономическая основа и прочие условия были подготовлены к 1864 г.⁶ В 1867 г. епископом Томским было подано прошение о переименовании общины в монастырь, но Синод требовал точного соблюдения указа от 25 апреля 1866 г., соединение открытия монастыря с учреждением благотворительного или воспитательного заведения при нем⁷. В 1877 г. при

¹ Письма Макария. Ч. 1. М., 1860. С. 138.

² Письма основателя Алтайской духовной миссии, архим. Макария. Ч. 1. 3-е изд. Томск, 1903. С. 93, 98, 99, 111–113.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 2588. Л. 59–61.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 3–4; Д. 3429. Л. 34.

⁵ Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1627. Л. 13–16.

⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 612. Л. 91–92об.

⁷ Там же. Ф. 796. Оп. 148. Д. 1386. Л. 1–5.

монастыре было открыто училище для детей-сирот духовного звания, рассчитанное на 10 учащихся, которое должно было содержаться на процент с капитала в 10000 руб., вложенного настоятельницей монастыря при его основании¹. При общине создаются церковная и училищная библиотеки. В 1883 г. в училище преподавались следующие предметы: русский язык, арифметика, география (воспитанницей Томской женской гимназии А. Александровой), Закон Божий (монастырским священником), рукоделье (послушницей)². Испытания в знаниях проводил лично епископ Томский Петр. В приюте при монастыре в 1883 г. призрелись три девочки, в училище обучались пять сирот и пять вольноприходящих девочек³. В 1886 г. их число выросло до 12 сирот и 5 приходящих девочек⁴.

В 1870 г. Синод обратился к епархиальным преосвященным о всемерной поддержке и развитии при женских монастырях и общинах воспитательных и благотворительных заведений, при этом подчеркивая необходимость повышения внимания к призрению сирот духовного звания. В отчете обер-прокурора Синода за 1871 г. отмечается деятельное участие женских обителей в воспитании девиц духовного звания, которые пришли на помощь духовенству «...с истинно христианскою готовностью жертвуя ему и своими трудами и материальными средствами»⁵.

В 1883 г. на общепархиальном съезде томского духовенства обсуждался вопрос об открытии женского епархиального училища при Иоанно-Предтеченском монастыре. Из-за отдаленности обители от города, предполагаемого большого количества учениц, в том числе и из числа светских лиц, депутаты признали невозможность расположения училища в монастыре⁶. Взамен была предложена схема сбора денег на заведение епархиального женского училища в виде условной платы 3 руб. за каждый пуд при продаже свечей монастырем. Таким образом, сестры монастыря приняли участие в подготовке открытия женского училища в епархии. Кроме того, училище для детей-сирот духовного звания являлось, по сути, школой подготовки к учебе в епархиальном училище, а при монастыре проживали пансионерки – ученицы епархиального женского училища (откр. в 1884 г.)⁷.

Братия Томского архиерейского дома во второй половине XIX в. стала играть активную роль в развитии просветительских структур епархии.

¹ Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. С. 57–59.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 45; Д. 3327. Л. 39.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 3488. Л. 38.

⁵ Ростиславов Д. И. Указ. соч. С. 368.

⁶ ТЕВ. 1883. № 23. Неофиц. отдел. С. 649.

⁷ Там же. 1885. № 7. Офиц. отдел. С. 8–9.

В 1880 г. в рамках программы поддержки бедных слоев церковнослужителей и повышения их культурного уровня, для бедных церковнослужителей, не имеющих средств к обучению своих детей в духовных училищах, представлять их в архиерейский дом, где после испытания они могли быть оставлены в качестве певчих на всем готовом содержании и определены в Томское духовное училище¹. С вступлением на епископскую кафедру Владимира (Петрова) (1883–1886) при архиерейском доме были открыты религиозно-нравственные чтения – новая форма религиозно-просветительской работы, ранее опробованная при Бийском архиерейском доме². Внебогослужбные собеседования, как более доступная форма пастырского учения, были признаны чрезвычайно эффективными для просвещения различных слоев общества и с небольшими изменениями просуществовали до 1917 г. В 1898 г. в Российской империи было проведено 111377 чтений, в 1901 г. – 159301, в годы революционных потрясений количество чтений снизилось до 100003 в 1906 г.³

Открытие воскресных религиозно-нравственных чтений для народа состоялось 9 октября 1883 г. в зале при домово́й церкви Томского архиерейского дома. Каждое воскресенье проходило четыре чтения под личным руководством преосвященного. В 1888 г. было занято 25 воскресных дней, в 1890 г. – 22. Отбор материала и подготовка чтений происходили тщательно, под контролем епископа. В подготовке принимали участие преподаватели семинарии и духовного училища, городское духовенство. Активным участником чтений с момента открытия являлся архим. Лазарь – настоятель Алексеевского монастыря. В 1888 г. в их проведении приняли участие семь человек, в 1890 г. – 12 (из них шесть с высшим богословским, пять с семинарским образованием). Большинство слушателей, которых насчитывалось несколько сот человек, составляли мещане, крестьяне, низшие военные чины, учащиеся. Но и купцы, чиновники, учителя были нередкими участниками чтений. Зал был постоянно переполнен, что свидетельствовало о высоком и неослабевающем интересе низших слоев народа к знаниям. По содержанию чтения распределялись на следующие направления:

- нравоучительные рассказы и поучения: в 1888 г. – 33, в 1890 г. – 55;
- рассказы из отечественной истории, в основном церковной: в 1888 г. – 15, в 1890 г. – 13;
- рассказы из библейской истории: в 1888 г. – 12, в 1890 г. – 5;
- история и объяснение богослужения и обрядов РПЦ: в 1888 г. – 20, в 1890 г. – 11;

¹ ТЕВ. 1880. № 4. Неофиц. отдел. С. 77.

² Мисюрев А. А. Указ. соч. С. 25.

³ Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962. С. 84.

– объяснительные беседы на воскресные евангельские чтения: в 1888 г. – 13, в 1890 г. – 3;

– беседы разного содержания: в 1888 г. – 5, в 1890 г. не было.

На чтениях освещались самые разнообразные темы: опричнина, бунт стрельцов, оборона Севастополя, взятие Константинополя, осада Соловецкого монастыря и др. В 1888 г. рассматривались такие проблемы, как социализм (иеромонах Никодим), отношение к эмансипации женщин и порядок в школах (о. Лашков), третейский суд и петербургские трущобы (А. Н. Голубев). Главное внимание в беседах обращалось на практическую, а не догматическую сторону. В чтениях участвовал архиерейский хор певчих, бесплатно раздавались брошюры¹.

Епископ Макарий, вскоре после принятия епархии, учредил религиозно-нравственные чтения для образованной публики, и 18 декабря 1891 г. в зале архиерейского дома состоялся первый духовно-литературный вечер, на котором присутствовало более 200 человек². Были составлены правила проведения начинавшихся каждый год с 25 сентября внебогослужбных чтений и бесед с публикацией в Томских епархиальных ведомостях³. Если для образованной публики готовились богословско-философские и церковно-исторические лекции, то для общества – беседы на богословские и бытовые темы. С 1898 г. к проведению чтений стали активнее привлекаться преподаватели духовных учебных заведений г. Томска⁴. К началу XX в. внебогослужбные чтения стали проводиться повсеместно в приходах Томской епархии.

«В ряду религиозно-просветительских и благотворительных учреждений при церквях и монастырях особливим, предпочтительным вниманием правительства и общества...» пользовались во второй половине XIX в. школы и детские приюты⁵. Создание приютов и школ при монастырях и общинах Алтайской миссии было признано наилучшим средством распространения православия и приобщения к русской цивилизации. Начальник миссии архимандрит Владимир в отчете за 1871–1875 гг. писал: «На воспитание и образование инородческих детей посредством школ обращено было особое внимание»⁶. С 1866 по 1885 г.

¹ Религиозно-нравственные чтения при домово́й Архиерейской церкви // ТЕВ. 1889. № 20. Неофиц. отдел. С. 23–31; Религиозно-нравственные чтения при Архиерейской домово́й церкви // ТЕВ. 1890. № 7. Неофиц. отдел. С. 22–33.

² ТЕВ. 1892. № 1. Неофиц. отдел. С. 15–17.

³ Там же. 1892. № 19. Неофиц. отдел. С. 25.

⁴ Обзор епархиальной жизни за 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 2. Неофиц. отдел. С. 16.

⁵ Преображенский И. Указ. соч. С. 79.

⁶ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 819. Л. 12.

число миссионерских школ выросло с 10 до 23 школ с 564 уч-ся, в среднем один учащийся приходился на 28 жителей, из которых русские составляли около 25 %. Для сравнения в соседней Енисейской волости Бийского округа (22 селения, 14834 жителей о.п.) в 1885 г. действовали лишь одна волостная и две церковно-приходские школы с 73 уч-ся, в восемь раз меньше¹. Улалинскому монастырю принадлежит важная роль в создании и развитии просветительно-благотворительных структур миссии, его история тесно связано с открытием первого приюта и больницы миссии. Сестры общины заведовали, обучали и воспитывали детей новокрещенных инородцев в двух школах и приютах (в центральном стане Алтайской миссии и общине), заведовали и осуществляли уход в Улалинской больнице, готовили язычниц к крещению. Именно сестры, заведующие просветительно-благотворительными структурами, занимали впоследствии высокое положение в монастырской иерархии. В Улалинский приют принимались дети со всех станов миссии по рекомендации миссионеров. Ежегодно в приюте воспитывалось 20–30 человек, мальчики – до 8 лет, после чего переводились в пансион при Катехизаторском училище, девочки – до 17 лет² (см. приложение 1, табл. 29). В Улалинском женском училище (откр. 1868 г.), руководимом сестрами монастыря, шло обучение грамоте и рукоделию³. В самом монастыре действовали приют и школа, которая получила официальное признание в 1878 г.⁴. В это же время при общине создается библиотека⁵.

Улалинский монастырь был своего рода училищем, готовящим женские учительские кадры. Женщина-учитель – явление достаточно редкое в Томской епархии для изучаемого периода. В 1890–1891 учебном году в 126 школах епархии состояло лишь 30 учительниц, из них три обучались в школе монастыря⁶. В 1871–1875 гг. из 21 вольнонаемных Алтайской миссии только шесть человек занимались обучением детей (4 инородца – воспитанника миссионерского училища и две инородки – воспитанницы женской общины и миссионерского училища). В этот период работали 12 миссионерских школ и центральное училище, в которых обучали 120–150 человек⁷. И. Ф. Ерохина – учительница Улалинской женской школы, а затем заведующая детским приютом также

¹ ТЕВ. 1885. № 6. Неофиц. отдел. С. 10; Учебные и воспитательные заведения Алтайской духовной миссии // ТЕВ. 1885. № 2. Неофиц. отдел. С. 13.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 33; Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–18.

³ ТЕВ. 1888. № 9. Офиц. отдел. С. 7.

⁴ Голубев П. Народное образование // Алтай. С. 256.

⁵ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

⁶ Отчет о состоянии школ церковных и грамоты за 1890/91 г. // ТЕВ. 1892. № 17. С. 10.

⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 819. Л. 5–9.

являлась с 12 лет воспитанницей Улалинской обители и центрального училища¹. Сестры монастыря М. Чевалкова (в дальнейшем игуменья Магдалина, зав. Чулышманским приютом), А. Сосунова обучали девочек при монастыре. В отчетах монастыря указывается, что в 1883 г. послушница, инородка Т. Семенова занималась обучением 9 мальчиков и 12 девочек в миссионерской школе с. Александровского (откр. в 1883 г.); в 1890 г. сестра монастыря обучала детей о.п. в селении Тюдралинском Черноануйского отделения миссии².

Важным условием усиления эффективности работы является повышение уровня профессионализма кадров, что зависит от системы подготовки. В православных монастырях система обучения строилась на передаче знаний: о христианском учении и обрядовой практике, о психологии человека, а также специальных профессиональных навыков от старших к младшим. Сама внутренняя иерархия была направлена на постепенный уход от мира, накопление опыта, знаний. При этом всячески поощрялось стремление овладеть грамотой, ремеслом. Во второй половине XIX в. данная система показала свою эффективность при подготовке педагогических кадров для растущих количественно и качественно просветительно-благотворительных заведений Русской Православной Церкви.

В монастырской школе, как и в миссионерских, дети обучались «русской и алтайской грамоте», пению, рукоделию, Закону Божьему. В 90-е гг. были введены арифметика и рисование. Школа давала в этот период элементарную грамотность, но ее значение состояло в распространении комплекса знаний, состоящего из религиозно-нравственного учения, правил и моральных принципов человеческого общежития, хозяйственных навыков. При обучении применялись общепринятые для миссионерских школ методы и формы обучения: одновременное обучение чтению и письму, повторение для лучшего запоминания, коллективные и индивидуальные занятия. Важную роль играло трудовое воспитание. Окружающая среда, неспешное течение монастырской жизни и личный пример учителя-воспитателя были также действенными способами нравственного воспитания. Несмотря на то, что основной целью миссии было распространение православия, приюты выполняли важную социальную задачу – воспитание детей, оставшихся без родителей.

Представители Чулышманского монастыря и Бийского архиерейского дома играли в этот период ведущую роль в создании просветительской сети

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 46–47.

² Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 41–52; Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 101–109; Д. 4. Л. 19–32.

миссии. Наместник Чулышманского монастыря, с 1875 г. помощник начальника Алтайской миссии, архим. Макарий (Невский), кроме заведования и преподавания в Улалинском миссионерском училище, принимал участие в создании новой методики обучения в школах миссии¹. Его трудами был составлен букварь для обучения алтайской грамоте «по звуковому методу», разработана методика совместного обучения чтению и письму на алтайском и русском языках. Он же ввел особый метод преподавания Закона Божьего. Нахождение 5–10 минут с учителем в молитвенном положении перед иконой позволяло избежать механического заучивания текста, позволяло понять смысл и духовную сторону молитвы. Учитель не только давал знания, но и служил примером истинного христианина. Большая заслуга архим. Макария состоит в организации духовно-нравственных чтений в миссии, использовании пения в религиозно-просветительских целях².

В 1880 г. после образования Бийского викариатства, перевода центрального стана миссии в г. Бийск и открытия архиерейского дома, в 1883 г. с учреждением Катехизаторского училища перед братией открылось широкое поле деятельности на просветительской ниве. В 1885 г. при Бийском архиерейском доме была построена одноклассная церковно-приходская школа на средства благотворителя купца Я. А. Сахарова, на содержание которой он ежегодно выдавал 560 руб. и по духовному завещанию оставил капитал. Обучение в ней шло согласно программам Синода, но с некоторыми изменениями в сроках и методах обучения. Вместо двух лет курс длился три года, что позволяло дать ученикам более прочные знания, восполнив перерывы, связанные с заболеваниями и неуважительными пропусками занятий.

В 1885 г. братия Бийского архиерейского дома составляла 5 человек, из них иеромонах Мефодий и Л. А. Рыбкин исполняли обязанности учителей Катехизаторского училища³. В 1888 г. из 6 человек: иеромонах Мефодий с 1885 г. заведующий Катехизаторским училищем, иеродиакон Леонид – учитель данного училища с 1884 г., послушник А. В. Анохин – учитель пения с 1886 г., послушник М. Петров – учитель начальной школы при училище с 1887 г.⁴ При архиерейском доме находилась больница и фельдшер, командруемый при необходимости в станы миссии.

С первых лет существования новых монашеских обителей Томской епархии во второй половине XIX в. при них учреждаются просветительно-

благотворительные заведения, епархиальное и миссионерское начальство возлагает на монастыри и женские общины большие надежды в деле создания общепархиальной системы образования. В 60–80-е гг. использовались лишь традиционные формы: школы грамоты, приюты, богадельни, но именно в это время была создана основа и выделены направления для дальнейшего развития, определено место просветительно-благотворительных заведений в структуре обителей. Усилия по созданию миссионерских школ и приютов, сословных просветительно-благотворительных заведений, решение задачи по подготовке кадров учителей и церковнослужителей определили особенности развития этой сферы деятельности монастырей и женских общин епархии в последующий период. Работа обителей в данном направлении имела важное значение для решения социальных проблем губернии, в которой в 1884 г. на 1134748 населения приходилось пять детских приютов (3 – г. Томск, 1 – г. Барнаул, 1 – Улалинский монастырь)¹.

Подъем в развитии церковной школы Томской епархии в конце XIX в. связан с церковной реформой 80-х гг. и планами епископа Томского Макария (Невского) по развитию общепархиальной просветительской системы, в начале XX в. – с подготовкой введения всеобщего начального образования и борьбой Церкви за свои позиции в данной сфере. За второй период монастырские просветительно-благотворительные заведения возросли количественно: за счет учреждения при вновь основанных обителях, открытия дополнительных и расширения действующих приютов и школ при существующих монастырях. Для изучаемого времени характерно повышение качественного уровня монастырских заведений, прежде всего связанного с решением задачи подготовки учительских кадров. Большое внимание стало уделяться развитию благотворительных учреждений по причине необходимости решения проблем населения юга Западной Сибири, обострившихся в данный период. Миссионерская направленность в работе большинства монастырских школ и приютов оставалась преобладающей. Монастыри стали крупными просветительскими центрами епархии, умело сочетавшими традиционные и новаторские методы и формы работы.

Решающий вклад в дело развития просветительно-благотворительной деятельности монастырей и епархии в целом внес епископ Макарий (Невский), возглавлявший ее с 1891 г. по 1912 г. Сразу после вступления на кафедру резолюцией епископ пригласил всех священно- и церковнослужителей к делу повсеместного открытия церковно-приходских школ и школ грамоты². В развитии церковной школы были заинтересованы губернская

¹ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 9. Л. 8–9.

² Отчет о миссиях за 1891 г. // ТЕВ. 1892. № 5. С. 16–19.

³ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6.

⁴ Там же. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3.

¹ ТЕВ. 1885. № 20. Неофиц. отдел. С. 2, 6–10.

² Там же. 1892. № 1. Офиц. отдел. С. 8.

администрация, городское управление и общество, что наглядно выражалось в экономической поддержке¹. В 1884 г. процент учащихся, пришедших на население региона, составлял в Европе — 12, 3 %, в европейской России — 1, 29 %, в Томской губернии — 0, 55 %². С 1891 г. по 1911 г. количество школ возросло с 138 одноклассных, 45 школ грамоты до 936 церковно-приходских школ (925 одноклассных, 6 двухклассных, 5 второклассных), с 3781 до 45324 уч.-ся. Количество школ возросло в 5 раз, учащихся — в 20 раз. Отпуск средств вырос в 12 раз³. 17 марта 1909 г., по постановлению Томского епархиального училищного Совета, все школы грамоты были преобразованы в одноклассные церковно-приходские, что ввело их в школьную сеть Российской империи. По материалам переписи 1911 г., в империи действовало 59685 училищ ведомства МНП с 4185987 уч.-ся и 37820 духовного ведомства с 179241 уч.-ся. Как видно, церковная школа в результате усилий епископа Макария значительно укрепилась, занимая на общероссийском фоне достаточно сильные позиции. Расширению сети церковных школ в епархии мешало недостаточное финансирование и отсутствие должного количества подготовленных учителей. Старания епископа Макария были направлены на создание системы подготовки надежных учительских кадров, которые были готовы работать не за деньги, а за совесть. При этом освобожденные деньги предполагалось отправить на открытие новых школ⁴. В конце XIX в. стали активно открывать второклассные школы с дополнительным учительским классом для подготовки учителей школ грамоты и учительские школы для подготовки учителей для одноклассных церковно-приходских школ (в Чемальской школе выпускницы получали свидетельство на звание учительницы одноклассной церковно-приходской школы). В 1896 г. в империи существовало около 300 учительских школ, Чемальское училище, готовящее учительниц из инородок, являлось единственным заведением такого направления в империи. В конце XIX в. также активно проводятся педагогические курсы в свободное от учебных занятий время в образовательных центрах для учителей церковных школ и вольнослушателей. В Томской епархии курсы проходили при церковно-учительской школе при Томском архиерейском доме, Чемальском училище и уездных второклассных школах. В 1911 г. в епархии работало 5 второклассных учительских школ (из них одна — женская Кольонская Мариинского уезда)⁵. Поэтому открытие новой женской

¹ ТЕВ. 1892. № 17. Неофиц. отдел. С. 10–12, 32.

² Там же. 1885. № 24. С. 23.

³ Там же. 1911. № 12. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 641.

⁴ Историко-статистический обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884/85–1893/94 учебный год // ТЕВ. 1897. № 23. Неофиц. отдел. С. 14–23.

⁵ ТЕВ. 1911. № 12. Неоф. часть, общецерковный отдел. С. 641.

второклассной школы при Чемальской общине имело большое просветительское значение не только для Алтая, но и всей епархии.

Архиерейским домам, монастырям, женским общинам отводилась важная роль в развитии просветительской системы в епархии, в том числе в программе создания учебных заведений для подготовки учительских кадров (церковно-учительская школа при Томском архиерейском доме, второклассное училище с учительским классом при Чемальской общине, школа псаломщиков при Алексеевском монастыре, деятельность Бийского архиерейского дома по организации работы Катехизаторского училища и образцовой школы, школы при Улалинском Николаевском и Томском Иоанно-Предтеченском монастырях). Епархиальное начальство пыталось превратить монашеские обители в центры с развернутой просветительно-благотворительной структурой, оказывая всестороннюю поддержку. Повышался уровень монастырских школ путем последовательного преобразования в школы грамоты, одноклассные церковно-приходские школы, включения в общеeparхиальную систему (с выплатой жалования учителям и снабжения необходимой литературой и учебными пособиями от епархиального училищного совета). Для обителей было обязательно открытие библиотек, состояние которых контролировалось специально назначенными лицами¹. Кроме открытия школ, приютов, богаделен, больниц, на монастыри и общины возлагалась задача просветительской работы с окрестным населением в формах религиозно-нравственных бесед, песнопений, обучения азам хозяйства, гигиены и т. д.). Большим шагом вперед в развитии благотворительных заведений епархии явилось открытие Дома трудолюбия при Иоанно-Предтеченском монастыре, который по организационной структуре и методам работы был образцовым для империи. Единственным в империи являлось и Чемальское училище по подготовке учительниц из инородок.

Для наглядного примера в целях организации попечительств при приходах епархии Макарий, используя опыт работы попечительств при станах Алтайской миссии, открыл образцовое попечительство при архиерейской домово́й церкви в 1891 г. Высочайше утвержденное положение 1864 г. о церковных попечительствах главной целью обозначало заботу о благоустройстве и благосостоянии прихода церкви и причта. Епископ Макарий выдвинул задачу помощи нуждающимся на первое место. Он призвал обратить внимание в первую очередь на малолетних нищих и «спасти их от физического и нравственного уродства». В 1910 г. во главе десяти существующих церковных попечительств стояло

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3113. Л. 1, 3.

попечительство при архиерейской кафедре под председательством Макария¹. По отчету обер-прокурора в 1893 г. в России действовало 14864 попечительства на 26000 приходоу.

Важной частью просветительской программы Макария было заведение библиотек при приходских церквях и монастырях епархии для просвещения народа и повышения культурного и профессионального уровня духовенства. Томский архиерейский дом и в этом случае служил опытным полигоном и образцом для подражания. В 1891 г. при помощи духовенства и прихожан епархии при архиерейском доме была открыта образцовая библиотека². Уже в середине 1892 г. был напечатан и поступил в продажу каталог книг библиотеки архиерейского дома³. В октябре–декабре 1895 г. из библиотеки было выдано 305 книг (276 религиозного и 29 светского содержания) 58 читателям. Из них дворян и чиновников – 7, духовенства – 20, мещан и крестьян – 31 (по вероисповеданию – 57 христиан, 1 иудей). Кроме того, книги получали рабочие суконной фабрики купца И. И. Колосова и женское отделение тюрьмы⁴. Приведенные данные свидетельствуют о большом просветительском значении епархиальной библиотеки при Томском архиерейском доме для различных слоев городского населения Томска. После успешного примера устроенной Макарием на личные средства и пожертвования в 1891 г. библиотеки для бесплатного чтения стали открываться библиотеки при приходских церквях епархии, вторые экземпляры каталогов которых находились в епархиальной библиотеке. В это же время была открыта епархиальная типография, которую разместили в нижнем этаже архиерейского дома⁵. Целью данных мероприятий являлось приближение духовной книги к православному населению.

Для развития учебной сети епархиальному начальству необходимо было решить проблему нехватки учительских кадров, остро стоявшую перед сибирской школой, в т. ч. и светской. Началом осуществления программы открытия церковно-учительских и второклассных церковно-приходских училищ с учительскими классами для обеспечения школ епархии квалифицированными учителями в необходимом количестве стало учреждение при Томском архиерейском доме в 1891 г. школы грамоты. В перспективе ставилась задача подготовки образованных учителей для

¹ Город Томск... С. 82; ТЕВ. 1892. № 2. Неофиц. отдел. С. 23–24, № 4. Неофиц. отдел. С. 13–14.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3127. Л. 1–2; ТЕВ. 1892. № 2. Неофиц. отдел. С. 16–17.

³ ТЕВ. 1892. № 9. Неофиц. отдел. С. 37.

⁴ Там же.. 1896. № 3. Офиц. отдел. С. 7.

⁵ Там же. 1899. № 3. Неофиц. отдел. С. 38.

школ епархии. Проект осуществлялся поэтапно: в 1892–1893 г. школа грамоты была преобразована в одноклассную образцовую, в 1893–1894 г. – в двухклассную¹. После выпуска учеников, способных стать слушателями учительского класса, состоялось открытие (25 сентября 1896 г.) первой в епархии второклассной школы нового типа с учительским классом. В 1897 г. школа была зачислена в разряд церковно-учительских. В начале века был предложен проект ее преобразования в учительскую семинарию. Школа дала первых учителей для второклассных училищ. В 1911–1912 гг. в Кольванском второклассном училище (откр. в 1898 г.) из четырех учителей трое являлись выпускниками церковно-учительской школы, в Тогульской (откр. в 1906 г.) из четырех – двое². Данный факт свидетельствует о важном вкладе Томского архиерейского дома в решении проблемы учительских кадров в епархии.

Как и в большинстве нововведений, епископ Макарий (Невский) использовал успешный опыт Алтайской миссии, в данном случае – по организации двухклассной церковно-приходской школы при Бийском архиерейском доме. Многие члены братии преподавали в школе и Катехизаторском училище. В 1891–1892 гг. школы при архиерейских домах являлись лучшими церковными школами епархии в учебно-воспитательном отношении. Для обучения воспитанников азам сельского хозяйства при них были заведены сады и огороды. Пансионеры школ (дети инородцев и сироты) весной работали в саду, летом на пашне и огороде. При школах были созданы библиотеки, церковные хоры (при школе Бийского архиерейского дома из 30 мальчиков). Учащиеся посещали воскресные и праздничные чтения, организованные при архиерейских домах³. Как и в предыдущий период, члены братии архиерейских домов участвовали в организации учебных заведений.

В 1892 г. в г. Томске действовало шесть церковных начальных школ: школа грамоты при архиерейском доме, преобразованные в церковно-приходские школы при соборном доме и Христорожественской церкви, образцовая школа при семинарии, школы при Иоанно-Предтеченском монастыре и епархиальном училище⁴.

Томский Иоанно-Предтеченский монастырь в конце XIX – начале XX в. стал крупным городским просветительно-благотворительным центром.

¹ РГИА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 1031. Л. 1.

² Отчет Томского Епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Томской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 гг. Томск, 1913.

³ Отчет Томского епархиального училищного совета за 1891/92 учебный год // ТЕВ. 1893. № 15. Неофиц. отдел. С. 28; № 16. Неофиц. отдел. С. 8; № 17. Неофиц. отдел. С. 1.

⁴ ТЕВ. 1892. № 12. С. 35–36.

Открытие Дома трудолюбия с приютом и церковно-приходской школой при нем в 1892 г. осуществилось благодаря совместным усилиям губернских, городских, церковных властей и общества. Расширилось училище для детей-сирот духовного звания. С 1883 по 1916 г. число девочек в училище возросло с 10 до 46¹. Создание новых приютов было актуально и в начале века, так как в г. Томске в 1912 г. существовало всего семь приютов (в т. ч. и при женском монастыре), в которых призревало 409 детей о.п.² К 1916 г. монастырь использовал следующие формы организации просветительно-благотворительной деятельности:

- училище для девочек-сирот духовного звания с пансионом;
- Дом трудолюбия с приютом и церковно-приходской школой;
- библиотеки монастырская (310 книг) и училищная (165 книг);
- больница (откр. в 1898 г.) с аптекой для сестер монастыря и Дома трудолюбия;
- богадельня для престарелых и больных сестер.

При монастыре был создан разветвленный аппарат обеспечения существующих просветительно-благотворительных подразделений, привлекались квалифицированные преподавательские кадры³.

В 1891 г., по предложению епископа Макария, для повышения профессионального уровня церковнослужителей и подготовки учителей для школ епархии при Алексеевском монастыре открывается причетнический класс на 16 человек. Архим. Лазарь выделил помещение под класс и общежитие, полностью взяв на содержание восемь учеников, оставшиеся восемь бесплатно обеспечивались жильем и пищей. Обучение было бесплатным. Настоятель лично преподавал Закон Божий и церковный устав, остальные учителя приглашались на средства монастыря. Монастырь обеспечивал юношей жильем, пищей, учебниками. Занятия шли пять дней в неделю, обучали чтению на церковно-славянском с толковым объяснением и переводом на русский язык, письму, русской грамматике, объяснению символа веры, молитв, заповедей. В классе учились два года по программе двухклассной церковно-приходской школы с дополнительными причетническими предметами. После испытания выпускники получали свидетельство на звание учителей одноклассной школы⁴. Класс просуществовал до 1917 г. под названием школы для псаломщиков.

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 45; Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 72.

² Город Томск... С. 79–81.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 71–74.

⁴ ТЕВ. 1892. № 10. Офиц. отдел. С. 5–8.

К 1917 г., кроме школы при Алексеевском монастыре и открытых при двухклассной Улалинской, второклассной Тогульской школах, в епархии не было специальных учреждений для подготовки псаломщиков. Особенно ситуация обострилась в связи с массовыми призывами в армию в начале XX в. В классы поступало мало учеников. В основном это были уволенные из духовных заведений неудачники с посредственными способностями, что приводило к выпуску неудовлетворительно подготовленных церковнослужителей и учителей. Задача комплексной подготовки учителей-церковнослужителей с привлечением Алексеевского монастыря не была решена в епархии и в начале XX в.¹ Одновременно с открытием женских общин в Бийске и Барнауле в 1894 г. при них учреждались просветительно-благотворительные заведения. При Бийской Тихвинской общине был открыт приют для престарелых и беспомощных женщин, но к 1902 г. монастырь содержал на свои средства лишь 8 женщин, а в 1911 г. – трех престарелых женщин и слепого старца². В силу обстоятельств, в нем получило развитие другое просветительно-благотворительное заведение – детский приют, т. к. в Бийском округе на рубеже веков остро встала проблема помощи детям-сиротам и борьбы с малолетним нищенством, в связи с переселением и холерной эпидемией 1892 г. Все началось с призрения круглой сироты, которую никто не хотел принять. С этого момента число детей в приюте, особенно солдатских, постоянно росло. В приют принимали девочек с трех лет, но большинство приютянок были старше 7 лет³. С 1898 по 1916 г. число девочек, состоящих в приюте, увеличилось с 10 до 43, в школе Бийского Тихвинского монастыря – с 8 до 24⁴.

К 1910 г., по сравнению с 1898 г., число детей в приюте возросло в три раза, в основном дошкольного возраста, в результате событий 1904–1907 гг. (Русско-японская война, революционные события, активизация переселенческого движения). В монастырской школе дети обучались грамоте, рукоделиям и пению. В 1909 г., после расширения приюта, домашняя школа при монастыре преобразуется в одноклассную церковно-приходскую, состоящую в заведовании Бийского отделения и снабжаемую учебниками и учебными принадлежностями на общих для церковных школ

¹ ТЕВ. 1917. № 8. Офиц. часть. С. 110–111.

² Там же. 1894. № 20. Офиц. отд. С. 1; 1903. № 16. Неофиц. часть. С. 18.

³ Обзорение Томским преосвященным своей епархии в 1905 году // ТЕВ. 1906. № 15–16. Неофиц. часть, миссионер. отд. С. 43.

⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 45–46; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 22. Л. 56–58; Отчет об Алтайской миссии за 1908 г. // ТЕВ. 1909. № 15. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 619; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 66–67; Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 год // ТЕВ. 1912. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 648–649; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 63–64.

уезда условиях¹. До этого момента школа, как и приют, содержалась на средства монастыря. Преподавали в школе профессиональные учителя. В 1904 г. учительницей школы состояла Е. Вагаева, крестьянская девица, окончившая полный курс Верхне-Ануйской второклассной школы со званием учительницы школы грамоты; в 1906 г. — М. Ф. Безобразова, окончившая епархиальное женское училище; в 1912 г. — Е. Д. Борисенко, имевшая диплом 6-классного Одесского коммерческого училища². После включения школы в епархиальную систему учителя получали жалование от епархиального училищного совета, стол и квартиру от монастыря. При приюте состояли сестры монастыря — надзирательницы по учению и общежитию, Закон Божий преподавал монастырский священник, он и сестры два раза в неделю обучали девочек церковному пению. Рукодельным классом заведовала монахиня. Большое значение в процессе обучения девочек уделялось трудовому воспитанию.

В Барнаульской общине с первых дней был создан приют для бедных сирот, оставшихся без родителей, умерших от холеры в 1892 г.³ В 1896 г. при общине была открыта школа грамоты, позже преобразованная в одноклассную церковно-приходскую⁴. Большинство девочек, состоящих в приюте, были школьного возраста. В 1899 г. обучались 30 девочек, от 7 до 15 лет, из них 29 — в монастырской школе, одна — в Томском епархиальном женском училище⁵. В начале XX в. в школе обучали и приходящих девочек. В 1898—1916 гг. в приюте состояло 20—30 девочек, в школе — 16—42, в богадельне — от 5 до 7 человек⁶.

Настоятельница Барнаульского Богородице-Казанского монастыря уделяла повышенное внимание развитию школы. В 1899 г. она получила архипастырское благословение за работы по благоустройству школы, в 1903 г. — библию от Синода за школу, в 1910 г. — серебряную медаль в память 25-летия церковной школы⁷. Игуменья Парфения также активно участвовала в работе общества «Красного Креста» и Ольгинского общества. Большое значение придавалось подготовке и повышению квалификации учителей школы. Если в 1899 г. учителем состоял священник Г. Головкин с помощницей — послушницей П. Прокуроновой, окончившей

Барнаульское училище, то в 1903 г. преподавала учительница, прошедшая подготовку в епархиальном женском училище¹. В 1908/09 учебном году без вознаграждения учительствовала послушница М. Н. Серебрякова, получившая домашнее образование и имевшая свидетельство на звание учительницы народных начальных школ². В 1913 г. при школе состояли учительница П. П. Фролова, воспитанница приюта монастыря, обучавшаяся в 1911—1912 гг. на учительских курсах, и помощница учителя Е. М. Боброва, прошедшая учительские курсы в 1913 г. Обе имели свидетельства на звание учителей начальной школы. Сестры монастыря обучали девочек пению и рукоделию³.

В начале XX в. значительно активизировалась миссионерская деятельность Алтайской миссии. Шел процесс расширения просветительской сети миссии, в том числе школ и приютов при монашеских обителях. В 1890 г. в 34 школах миссии училось 1004 человека. Из 22803 человек православной паствы миссии один учащийся приходился на 22 человека, в г. Томске в 1889 г. один уч-ся — на 24 чел., в Москве в 1886 г. один учащийся начальной школы — на 75 чел., Санкт-Петербурге — на 80 чел.⁴ По результатам Всеобщей переписи 1897 г., из ранее бесписьменных народов наибольших успехов в овладении русской и национальной грамотой добились алтайцы, благодаря деятельности школ Алтайской миссии⁵. В 1905 г. из 42663 человек о.п. православной паствы было 6047 грамотных, действовало 58 школ и Катехизаторское училище с 1571 уч-ся⁶. В 1910 г. школы перешли в ведение епархиального училищного совета с сохранением миссионерского статуса и преподавания на двух языках. К 1914 г. число школ увеличилось до 82 с 2724 уч-ся. По-прежнему монастыри миссии играли ведущую роль в организации деятельности просветительских и благотворительных заведений миссии. К 1914 г. миссионерские приюты действовали при Улалинском и Чулышманском монастырях и Чемальской общине, в работе двух учительских школ: Катехизаторского училища и Чемальской второклассной школы непосредственное участие принимали насельники алтайских обителей⁷. Несмотря на активизацию национального движения,

¹ ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

² Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 22. Л. 56—58; Д. 24. Л. 67.

³ ТЕВ. 1894. № 13. Офиц. отдел. С. 1.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—3.

⁵ Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 61—66.

⁶ Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—3, 61—66; Д. 2. Л. 35—36; ТЕВ. 1901. № 14. Неофиц. часть. С. 19; ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3. Л. 33—38; Д. 8. Л. 45об., 46; Д. 15. Л. 3—4; ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 47, 54; ТЕВ. 1900. № 20. Неофиц. часть. С. 21.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—3; Д. 5. Л. 1—2; Д. 11. Л. 2—3.

¹ ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—3; ТЕВ. 1903. № 16. Неофиц. часть. С. 17.

² Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—2; Д. 8. Л. 46.

³ Там же. Ф. 187. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁴ Отчет о миссиях // ТЕВ. 1891. № 7. Неофиц. отдел. С. 13.

⁵ Волкова В. Н. Книга и чтение в среде коренных народов Сибири второй половины XIX века // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997. С. 143—144.

⁶ Краткий отчет об Алтайской духовной миссии за 1905 год // ТЕВ. 1906. № 7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 1—7.

⁷ Отчет Алтайской Духовной миссии за 1914 год // ТЕВ. 1915. № 6—7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 261.

выступления против миссии, участвовавшие в начале XX в., Алтайская миссия, разрабатывая планы продвижения на юго-восток, важное место отводила просветительской деятельности монастырей. Основной упор делался на женские обители. Количественный и качественный рост монастырских школ и приютов связан с накоплением опыта по созданию просветительских и благотворительных заведений и признанием эффективности их деятельности в деле распространения православия среди коренного населения. Вновь образованные общины могли рассчитывать на экономическую и моральную поддержку епархиального начальства и черного духовенства. Новыми школами и приютами отправлялись заведовать опытные сестры из монастырей с устоявшимися просветительскими традициями.

В 1902 г. при Улалинском монастыре официально была открыта женская церковно-приходская школа с общежитием¹. В 1903 г. Улалинский приют переводится в монастырь, сестры которого занимаются воспитанием и обучением девочек приюта и школы при обители. Кроме того, с 1903 г. на них легла организация и обеспечение деятельности Чулышманского приюта².

В связи с изменением точки зрения начальства миссии на перспективы развития Чулышманского монастыря в начале XX в. была поставлена задача восстановления духовной связи между обителью и местным населением, утраченной в связи с осложнением экономических отношений. В 1905 г. начальник миссии вышел с предложением о закрытии Усть-Башкауского стана с передачей его обязанностей монастырю³. Одним из шагов по реализации данной задачи было открытие при Чулышманском монастыре приюта и школы для детей инородцев. Еще в 1901 г. возникла идея об открытии для детей арендаторов монастырской земли пансиона, т. к., в связи с отсутствием оно, кочевники, не имеющие средств на содержание детей на квартирах, увозили их из школы⁴. В 1902 г. разрабатывался проект открытия при монастыре приюта для мальчиков-сирот с целью дать им воспитание, образование, приучить к ведению сельского хозяйства, для обеспечения в дальнейшем монастыря грамотными чтецами, певцами, прислужниками и благотворного воздействия на жителей долины. Проект

не осуществился из-за отсутствия способного лица для заведования приютом. Вместо приюта для мальчиков в 1904 г. сестрами Улалинской обители был открыт приют для девочек при Усть-Башкауском стане¹. В 1905 г. в нем призывались 8, в 1908 — 14, в 1909 — 15 человек².

С 1905 г. Алтайская миссия и Томский комитет Православного миссионерского общества уделяли особое внимание поддержке открытых в Чемале и Чулышмане для детей-сирот крещеных инородцев (до этого времени существовал лишь Улалинский). На приюты было разрешено выделять по 400 руб. из пособия, ежегодно отпускаемого Улалинскому приюту, т. к. последний вполне обеспечивался средствами монастыря.

При обозрении епархии в 1906 г. преосвященным было принято решение перенести миссионерскую школу из Усть-Башкауса в монастырь, соединив ее с приютом. Поражает быстрота и неординарность действий при претворении данного решения в жизнь. Под помещение выделили две комнаты в доме архим. Антония. На лето поставили юрту для пансионеров, в монастыре выделили дом для учителя с семьей. Для приготовления еды для школьников были задействованы сестры Улалинского монастыря. В 1906 г. в монастырской школе обучались 4 мальчика и 8 девочек-приютянок. После совещания епископа с монахиней Магдалиной — заведующей приютом для девочек, испытанному подрядчику миссии П. Тренихину было поручено составить план и смету на новые дома для приюта с большой детской и специальным помещением для молитв. К приюту была прикреплена фельдшерка Ф. П. Безменова, она оказывала помощь и жителям окрестных селений³. В 1908 г. здание приюта было построено в 4 верстах от монастыря. В доме находились молитвенная комната, классная, рабочая, столовая, спальня, комната администрации. В приюте призывались 14 девочек, уроженок Чулышманской долины. В школе учительствовала монахиня Бийского Тихвинского монастыря. Девочек обучали чтению, пению. Трудовое воспитание также играло важную роль в процессе воспитания сирот. Летом старшие работали в поле, на огороде и сенокосе. Зимой занимались уходом за скотом, рукоделием⁴. По мнению миссионера Чулышманского отделения миссии священника

¹ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. С. 175.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–113.

³ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1905 год // ТЕВ. 1906. № 5. Неофиц. отчет, миссионер. отдел. С. 3–6.

⁴ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1901 год // ТЕВ. 1902. № 8. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 10.

¹ Отчет Алтайской духовной миссии за 1904 г. // ТЕВ. 1905. № 11. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 4.

² ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–6; Краткий отчет об Алтайской миссии за 1908 год // ТЕВ. 1909. № 7–8. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 345; ТЕВ. 1910. № 8. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 361.

³ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–3об.; Обзорение епархии... в 1906 г. Вторая поездка (окончание) // ТЕВ. № 15. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 38–39.

⁴ Отчет об Алтайской духовной миссии за 1908 г. // ТЕВ. 1909. № 15. Неофиц. часть, миссионер. отчет. С. 617–619.

Михаила Тырмакова, добрые плоды воспитания проявлялись в том, что приютянки «...в характере вежливой, осторожной, рассудительной, читают и поют в церкви, читают и рассказывают жития святых, душеполезные и нравоучительные книги по аилам жителей и, по возможности, помогают в проповеди, когда бывают у язычников»¹.

В 1908 г. все приюты Алтайской миссии функционировали при монашеских обителях, кроме Чемальского, при котором женская община была открыта в 1911 г. При приютах работали школы, к Чулышманскому и Чемальскому до открытия школ были прикреплены учителя и фельдшера. В 1908 г. в приютах призревалося: в Улалинском – 28, Бийском – 30, Чулышманском – 14, Чемальском – 15 девочек. В 1914 г. в приезд на Алтай митрополита Московского Макария (Невского) при Чулышманском приюте были открыты две школы (мужская и женская) с интернатами². В 1911 г. при Чемальском приюте была открыта женская община, школу при которой к 1913 г. преобразовали во второклассную с учительским классом.

С ростом экономического благосостояния и количества сестер расширялось поле просветительско-благотворительной деятельности женских обителей, применялись новаторские для того времени формы работы. К 1917 г. из 8 женских обителей Томской епархии лишь в двух не было просветительско-благотворительных заведений: в Синюхинской общине, из-за проблем с учреждением и отводом земельного участка в пользование, в Кучумовской общине по причине недавнего основания – в мае 1916 г.³ (см. приложение 1, табл. 32).

Следует отметить, что социальная позиция иночества, отличающаяся состраданием и стремлением оказать помощь обществу, ярко проявлялась во время массовых бедствий (эпидемий, войн, переселений). Поражает способность монашества выходить при необходимости за традиционные рамки работы в этом направлении, находить новые эффективные формы в организации помощи обществу и государству в чрезвычайных ситуациях.

В конце XIX в. служителям Русской Православной Церкви Томской епархии вместе с населением пришлось пройти череду серьезных испытаний. В неурожайный 1892 г., в связи с наплывом переселенцев в Томскую губернию, возникла угроза возникновения эпидемии тифа и продовольственного кризиса. Епископ Макарий обратился к служителям Русской Православной Церкви и пастве с посланием о необходимости действенной помощи переселенцам. Особое внимание обращалось на

¹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 81. Л. 1–6.

² Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 год // ТЕВ. 1915. № 13. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 541.

³ ТЕВ. 1916. № 15. Неоф. часть. С. 513–514; ТЕВ. 1916. № 12. Офиц. часть. С. 357.

спасение малолетних нищих. Программа действий состояла из двух важных составляющих: 1. Возбуждение горячего сочувствия к переселенцам с церковной кафедры и во внебогослужебных беседах, побуждение прихожан к обеспечению переселенцев отдыхом и ночлегом. 2. Организация помещений при приходах для больных в целях оказания медицинской помощи, бесплатных столовых при приходах на пути следования переселенцев¹. В осуществлении программы активно участвовали и сестры женских монастырей и общин. Кроме осуществления помощи непосредственно в стенах обителей, они обеспечивали работу бесплатных столовых и в отдаленных от монастырей районах. Данная форма помощи переселенцам успешно применялась и в начале XX в. Так, в 1901–1902 гг. сестры Барнаульского монастыря обеспечивали работу бесплатных столовых в Покровской, Ярковской, Карасукской, Нижне-Чулымской и Касмалинской волостях².

Во время эпидемии 1892 г., когда резко усилилось обращение православных к Богу, священники и монашествующие томских монастырей оказывали населению религиозно-нравственную помощь. С 26 июля по 17 августа 1892 г. число исповедовавшихся и причастившихся в храме Алексеевского монастыря составило более 900 человек, в церквях Иоанно-Предтеченского монастыря – около 800. Богослужение шло круглосуточно, многие насельники монастырей сами заболели от постоянных контактов с зараженными. Священники Алексеевского монастыря были командированы настоятелем в многолюдные приходы г. Томска для помощи в напутствии больных и исполнении треб. Один из них, о. Павел Диаконов умер от болезни на девятый день служения. Священник Алексеевского монастыря В. Козырев был отправлен в Желтовскую больницу, где находился до конца эпидемии. Он исповедовал и причастил более 600 больных. Желтовская больница, по сути, была барак для больных из беднейших слоев населения. Со стороны монастырей была оказана конкретная помощь в организации лечения и ухода за больными. С благословения настоятелей в больнице трудились послушник Алексеевского монастыря и четыре послушницы Иоанно-Предтеченской обители (одна из них умерла). Обители принимали непосредственное участие в сборе пожертвований и организации питания больных³. В начале XX в. в Бийском Тихвинском и Улалинском монастырях действовали больницы с врачебным персоналом, в Барнаульском

¹ ТЕВ. 1892. Неофиц. отдел. № 4. С. 2–6.

² ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–36.

³ Деятельность духовенства города Томска в борьбе с минувшей холерной эпидемией // ТЕВ. 1893. № 10. Неофиц. отдел. С. 1–7.

Богородице-Казанском и Томском Иоанно-Предтеченском больницы содержались на собственные средства в особых зданиях¹.

Примером милостливого отношения к поверженному врагу, лишенного предрассудков, являлась работа служителей церкви с военнопленными во время Русско-японской войны. После введения чрезвычайного положения в сибирских губерниях они стали напоминать прифронтовую зону: гражданское население привлекалось к обустройству дорог, решению продовольственного вопроса, проводилась мобилизация войск. Территория Томской губернии в числе прочих была использована как место ссылки мирных японцев, оставшихся на Дальнем Востоке и попавших в плен. С апреля 1904 г. стали поступать первые партии военнопленных. Из-за отсутствия спецлагерей для них, из 500 человек, находящихся на территории губернии весной 1905 г., часть — разместили в спортивном манеже и офицерском собрании, часть в с. Колпашево и заимке Иоанно-Предтеченского монастыря². В донесении благочинного градо-Томских монастырей было указано, что по распоряжению светской власти в мае 1904 г. два дачных помещения монастыря занято военнопленными японцами до 400 человек, позже 273³. После полугодовой проповеди слова Христова, для чего через Совет Православного миссионерского общества были приобретены книги на корейском и японском языках, найден переводчик; в августе 1904 г. в дачной церкви Иоанно-Предтеченского монастыря епископом Макарием было крещено 26 человек иностранных подданных — 16 японцев, 10 корейцев. В первую очередь крестились женщины с детьми⁴. Данный факт является подтверждением перспективности планов Русской Православной Церкви по распространению православия за пределами империи.

Благотворительная помощь монастырей распространялась на раненых воинов, солдатские семьи. За отправление 2000 просфор для богослужения духовенства Манчжурской армии и ее воинов игуменья Иоанно-Предтеченского монастыря получила благодарность главного священника при главнокомандующем протоиерея С. Голубева⁵.

¹ Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905. С. 176; Сведения о лечебных заведениях, имеющих при монастырях ведомства православного вероисповедания. СПб., 1908. С. 48–49.

² Горелов Ю. П. Сибирские власти в Русско-японской войне // Ученые записки факультета истории и международных отношений (памяти Зинаиды Георгиевны Карпенко). Вып. 1. Кемерово, 2001. С. 225–230.

³ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4300. Л. 23.

⁴ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1904 год // ТЕВ. 1905. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 1–10; ТЕВ. 1904. № 17. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 7–10.

⁵ ТЕВ. 1905. № 6. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 13–14.

По всей Сибири шла подготовка госпиталей на базе существующих больниц, только в Томске было сформировано пять. После просьбы военного министра Синоду о размещении в православных монастырях и других учреждениях духовного ведомства больных и раненых воинов от казны, по указу Его императорского величества из Синода от 3.05.1904 г., преосвященным (по Сибирскому, Казанскому, Московскому и Петербургскому округам) было поручено доставить в центральное управление Синода сведения о числе мест во врачебных заведениях¹. Все монастыри Томской епархии подали данные в мае 1904 г. В рапорте благочинного монастырей Алтайской миссии было указано, что «...при всей незначительности средств миссионерских монастырей, Улалинский и Бийский монастыри не откажутся, вероятно, бесплатно доставить раненым помещения, содержание и уход, кроме медикаментов, так как при монастырях нет аптек»². В отчете обер-прокурора Синода за 1914 г. отмечалась особо энергичная пастырская работа монашеского духовенства. В 1914 г. в 207 монастырях были открыты лазареты (более 10000 кроватей)³.

В годы Первой мировой войны Русская Православная Церковь выполняла функцию моральной поддержки населения. Определениями Синода от 19.12.1914 г., от 28.07.1915 г. православные монастыри были призваны к жертвам и трудам на нужды войны: к отводу помещений для выздоравливающих и увечных воинов, учреждению приютов для солдатских сирот, участию в сборе пожертвований на лечение раненых и помощи солдатским семьям, приготовлению госпиталей и подготовке лиц к уходу за ранеными⁴. С началом войны сестры женских монастырей Западной Сибири принимали участие в сборе денежных средств, продовольствия и фуража, шитье белья для солдат, приготовлении просфор для исполнения треб армейским духовенством. Монастыри давали приют солдатским вдовам и детям⁵. После увеличения количества беженцев, прибывших в Томскую губернию, им стала оказываться планомерная помощь со стороны епархиальных структур. Был создан епархиальный комитет по призрению беженцев, в него поступала информация из приходов о количестве беженцев, необходимой одежде, обуви, питании,

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4300. Л. 10.

² Там же. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4300. Л. 23–27.

³ Всеподданейший отчет обер-прокурора по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 42.

⁴ ТЕВ. 1915. № 16. Офиц. часть. С. 483–486.

⁵ Скачкова Г. К. Женские монастыри Тобольской губернии в конце XIX — начале XX в. // Русский вопрос: история и современность: материалы 3-й Всероссийской научной конференции. Омск, 1998. С. 205–210.

устройстве жилищ, школ, трудовой помощи. В сборе денежных средств принимали участие Томский архиерейский дом и Алексеевский монастырь. При Иоанно-Предтеченском монастыре действовала церковно-приходская школа для детей беженцев. Ученики школы снабжались обувью и одеждой от епархиального комитета¹. На заимке Алексеевского монастыря проживали беженцы. Выдача пособий, обуви и одежды осуществлялась комитетом по призрению беженцев через томские монастыри². Как и в соседних губерниях, в Томской активно действовал кружок дам духовного звания, ставивший своей целью помощь раненым воинам и солдатским семьям. В его деятельности принимали участие монастыри епархии. Томский Алексеевский, Иоанно-Предтеченский, Барнаульский Богородице-Казанский монастыри и Томский архиерейский дом осуществляли кружечные сборы. Иоанно-Предтеченский монастырь принимал в приют солдатских детей³. Барнаульский отдел благотворительного кружка дам духовного звания планировал открытие приюта для детей беженцев, для которого помещение и продукты питания бесплатно предоставлял Барнаульский Богородице-Казанский монастырь. Но из-за отказа беженцев проект не был осуществлен⁴. Помощь беженцам, в том числе размещение в помещениях монастырей, открытие приютов, оказывалась и в соседних сибирских епархиях. Сестры осуществляли помощь семьям убитых и раненых, помогали в госпиталях. Представители черного духовенства привлекались к работе в войсках, с военнопленными. Монашество было вместе с народом не только в горе, но и в радости. В 1915 г. в зале архиерейского дома епархиальное начальство устроило празднование Рождества. На нем присутствовало большое количество горожан с детьми. В Доме трудолюбия Иоанно-Предтеченского монастыря был устроен концерт и праздничный вечер. Во времена бедствий внушение надежды, моральная поддержка Русской Православной Церкви, использовавшей разные пути, в том числе и не относящиеся к богослужебной сфере, играла важную роль для населения.

Во времена революционных событий и гражданской войны женщины и дети находили укрытие за стенами обителей. Многие рассматривали временное проживание в монастыре как возможность пережить трудные времена. Период 1914–1917 гг. отличается большой текучкой состава белиц женских обителей. В Бийский Тихвинский монастырь поступило в 1914 г. – 21,

¹ ТЕВ. 1916. № 2. Офиц. часть. С. 49–50.

² Там же. 1916. № 3. Офиц. часть. С. 91–92.

³ Там же. 1916. № 10. Офиц. часть. С. 287; № 13. Офиц. часть. С. 376.

⁴ Там же. 1917. № 2. Офиц. часть. С. 25–27.

в 1915-м – 22, в 1916-м – 22, а выбыло: в 1915 г. – 2, в 1916-м – 17, в 1918-м – 21 (из них 6 вышли замуж)¹. При монастыре воспитывались солдатские дети, получавшие ежемесячное пособие от городской управы, дети из семей беженцев и священнослужителей, за воспитание которых родители по возможности вносили денежные средства². В 1917 г. при монастыре проживали беженцы, в Бийской городской милиции специально была куплена домовая книга для их регистрации. Они обеспечивались работой в хозяйстве монастыря (исправляли дороги и строения, работали на пашне). Мужскую работу выполняли мальчишки-подростки. В документах монастыря содержатся сведения о выделении средств на покупку обуви для мальчиков-боронильщиков, о продаже коров беженцам и т. п. Сестры Тихвинского монастыря не оставались равнодушными к происходящим в Сибири и стране событиям. В тяжелом 1917 г. монастырь переводил денежные суммы в пользу погорельцев городов Бийска и Барнаула, в Петроград – для обучения и образования детей увечных, позже – в пользу добровольческой армии Сибирского правительства³. При монастыре не прекращала работу церковно-приходская школа, выписывалась периодическая печать: «Алтай», «Церковно-Общественный Вестник», «Думы Алтая» и др.

Монашеские обители соседней Тобольской епархии также принимали активное участие в просветительно-благотворительной деятельности севера Западной Сибири. Возможно выделить следующие общие черты развития: 1) с увеличением и экономическим укреплением женских обителей, они стали играть важную роль в жизни регионов, особенно в области просвещения и благотворительности; 2) особое место отводилось им в организации миссионерской работы с инородческим населением. Для женских обителей были характерны следующие формы работы в области просвещения: 1) открытие просветительно-благотворительных комплексов – школа/приют для осиротевших детей, в т. ч. для детей-сирот духовного звания; для миссионерских монастырей и общин для детей инородцев; 2) создание учебных заведений, готовящих учителей из инородцев для миссионерских школ. В работе часто использовалась новая методика, разработанная в стенах монастырей. Монастырская школа была тесно связана с историей епархиальных учебных заведений (семинарий, женских епархиальных училищ).

¹ ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–82, 85–123.

² Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 12. Л. 12об.

³ Там же. Ф. 188. Оп. 1. Д. 11. Л. 202, 209.

2.2. Совершенствование форм организации просветительских и благотворительных заведений

Возрастание общественной инициативы в деле просвещения народа и благотворительности явилось результатом серьезных изменений в социально-экономическом положении российского общества второй половины XIX в. В новых условиях задачи Русской Православной Церкви в сфере просвещения и благотворительности значительно усложнились — церкви необходимо было повысить авторитет духовенства путем сохранения и укрепления своих позиций в данной области, стать вдохновителем и организатором общественного движения в поддержку развития народного образования и помощи незащищенным слоям общества. Важными факторами, приведшими к усилению деятельности церкви в указанном направлении, являлись: непрекращающаяся полемика в обществе по вопросу «...о том, кто должен стать учителем и воспитателем народа после 19 февраля 1861 г.»¹, в ходе которой выдвигались предложения как передачи школ различных ведомств МНП, так и усиления роли церкви в развитии народного образования. Конкуренция в практической области: быстрый рост учебных заведений, открытых по общественной инициативе земствами, частными лицами, применявших часто экспериментальные формы и методы обучения, имевших достаточное денежное обеспечение и большую свободу в действиях, создавал резкий контраст с консервативной церковной школой, недостаточно материально обеспеченной. Наиболее остро вопрос о необходимости крупных изменений в организации работы церковной школы встал в начале XX в. в условиях подготовки реформы по введению всеобщего начального образования.

Условия диктовали необходимость не только количественного увеличения и преобразования уже существовавших учебных и благотворительных заведений, но и внедрения принципиально новых форм их организации. Создание просветительно-благотворительных учреждений, соответствующих реалиям конца XIX — начала XX в. при монастырях и женских общинах было частью попыток укрепления позиций Русской Православной Церкви в сфере народного образования и социальной защиты. В Томской епархии при монашеских обителях в указанный период, кроме традиционных детских приютов, школ грамоты, открываются училище и приют для детей-сирот духовного звания (Томский Иоанно-Предтеченский монастырь), библиотеки, больницы, организуются религиозно-нравственные чтения, бесплатные столовые для переселенцев и т. д. Количественное увеличение и необходимость преобразования церковно-приходской школы требовало

улучшения подготовки квалифицированных педагогических кадров, имевших высокие религиозно-нравственные характеристики. В Томской епархии решение данной задачи было частично возложено на открытые при Томском архиерейском доме и Чемальской женской общине церковные училища для подготовки учителей. Церковно-учительская школа при архиерейском доме стала первым в епархии и своего рода экспериментальным учебным заведением данного типа. Его опыт использовался при открытии других второклассных учительских школ. Чемальская второклассная школа при женской общине должна была решить задачу подготовки женщин-учителей из коренного населения для миссионерских школ. К новым формам организации благотворительной деятельности следует отнести и работу Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском монастыре, преследовавшего цель комплексной многосторонней помощи различным возрастным и социальным группам.

Церковно-учительская школа при Томском архиерейском доме

В память посещения цесаревичем Николаем г. Томска при Томском архиерейском доме на средства епископа Томского Макария 2 сентября 1891 г. была открыта школа грамоты, единственная в епархии по примерному устройству и непосредственному руководству самим преосвященным¹. Целью ее открытия было развитие церковной школы для улучшения дела народного просвещения. В перспективе ставилась задача подготовки образованных учителей для школ епархии. При школе были созданы библиотека и хор. Для обучения воспитанников азам сельского хозяйства были заведены сады и огороды. Пансионеры школ (дети инородцев и сироты) весной работали в саду, летом на пашне и огороде. Учащиеся посещали воскресные и праздничные чтения, организованные при архиерейских домах². Проект епископа Макария осуществлялся поэтапно: в 1892—1893 гг. школа грамоты была преобразована в одноклассную образцовую с двумя отделениями (66 уч.-ся). В ней проходили практику все учителя церковных школ епархии и лица, поступающие на должности псаломщиков в приходы, где существовали церковно-приходские школы. В 1893—1894 гг. школа была преобразована в двухклассную (87 уч.-ся, 8 учителей-предметников, кроме законоучителей). В 1894—1895 гг. при ней организовали школу грамоты, официально объявленную образцовой для Томской епархии, т. е. одноклассная школа при семинарии прекратила свое существование. В школе практиковались учителя церковно-приходских школ епархии, семинаристы знакомились

¹ Мисюров А. А. Указ. соч. С. 38.

² Отчет Томского епархиального училищного совета за 1891/92 учебный год // ТЕВ. 1893. № 15. Неофиц. отдел. С. 28; № 16. Неофиц. отдел. С. 8; № 17. Неофиц. отдел. С. 1.

¹ Римский С. В. Указ. соч. С. 440.

с методами и приемами обучения, по назначению руководителя давали пробные уроки. Епископ Макарий ежедневно посещал школу. На его уроках дидактики в старших классах постоянно присутствовали семинаристы. Первоначально школа при архиерейском доме содержалась на его средства и пожертвования благотворителей. После преобразования в двухклассную на ее содержание стало отпускаться пособие из епархиальных средств, затем назначено пособие от епархиального училищного совета.

Летом 1894 г. епископ Томский ходатайствовал перед Синодом о разрешении открыть на местные средства второклассную церковно-приходскую школу с учительским классом на безвозмездно предоставляемом в ее пользование участке земли, принадлежащем Томскому архиерейскому дому¹. После получения 27 сентября 1894 г. разрешения Синода и утверждения плана и сметы на строительство была создана строительная комиссия под председательством настоятеля Алексеевского монастыря архим. Лазаря. К осени 1896 г., благодаря стараниям настоятеля, строительство, на которое израсходовали 46000 руб., было закончено. По мнению современников, это было одно из лучших зданий в городе, по размерам (3 этажа, площадь 400 кв. саженей) и практичности первое в Сибири, оно находилось на главной улице города, Почтамтской, рядом с архиерейским домом и семинарией. В здании располагались учебные классы, общежитие, столовая, буфет, кухня, мастерские².

В момент, когда двухклассная школа дала первый выпуск учеников, способных стать слушателями учительского класса, и была на ее базе открыта 25 сентября 1896 г. первая в епархии второклассная школа нового типа с учительским классом. Учебный курс был основан на программе подготовки учителей церковно-приходских школ и предполагал практические занятия с учащимися школы грамоты под руководством учителя дидактики. По причине особенностей Томской епархии в число предметов была введена история и обличение русского раскола. Так как одной из задач школы была подготовка учителей, которые могли бы исполнять должности псаломщиков, большое значение в школе уделялось религиозно-нравственному воспитанию. Учащиеся обязаны были присутствовать на воскресных и праздничных богослужениях, самостоятельно исправлять службы, в воскресные дни присутствовать на внебогослужбных беседах. Программа и расписание уроков утверждались

епископом Макарием. В неделю проводилось 20 уроков: Закон Божий — 4, русский язык и арифметика — 5, дидактика — 5, история и обличение раскола — 3, пение — 3. Кроме того, учащийся в рамках практики проводил три урока в неделю в школе грамоты. Для преподавания истории раскола и дидактики приглашались учителя семинарии. По инициативе епископа Макария в школе стали устраиваться новогодние и рождественские вечера, с елкой, подарками и концертами, с приглашением губернатора.

В 1897 г. школа была зачислена в разряд церковно-учительских с усиленными пособиями от Синода и губернатора. В ее помещении открыли воскресную школу. В начале века был предложен проект ее преобразования в учительскую семинарию¹.

В школу принимались мальчики, успешно окончившие курс одноклассной церковно-приходской школы или других низших учебных заведений, а также получившие домашнее образование в возрасте от 13 лет после испытания. В случае большого конкурса предпочтение отдавалось детям крестьян и духовенства. Целью церковно-учительской школы являлось «...приготовление способных и благонадежных учителей для начальных церковно-приходских школ из местного крестьянского юношества, а также детей духовенства, лишившихся возможности получить образование в духовных училищах»². Для привлечения детей крестьян в школу епископ Макарий неоднократно обращался к духовенству епархии с просьбой разъяснять населению пользу образования в церковно-учительской школе³. Была разработана система поддержки и льгот для учащихся из бедных крестьянских семей. Обучение было бесплатным, учащиеся проживали в общежитии. Лучшим ученикам выплачивалась стипендия от Синода, на содержание бедных мальчиков из окрестных сел выделялись специальные пособия. Успешно окончившим курс давались льготы по отбыванию воинской повинности⁴.

В 1897/98 учебном году курс прошли 9 человек, все с правом преподавания в школах грамоты. К 1 января 1899 г. из 105 учащихся 9 принадлежали к духовному сословию, 52 — из мещан, 41 — из крестьян, 3 — из семей чиновников. В 1899/1900 учебном году все 6 выпускников получили учительские места в церковно-приходских школах епархии. В 1900/01 учебном году было принято в школу 29 человек, обучалось в первом классе — 43, втором — 20, третьем — 14, четвертом — 10 учеников (всего 87 уч-ся). Они являлись представителями следующих социальных

¹ РГИА. Ф. 803. Оп. 1. Д. 1031. Л. 1.

² ТЕВ. 1896. № 22. Неофиц. отдел. С. 12–17; № 24. Неофиц. отдел. С. 7–12.

¹ ТЕВ. 1899. № 15. Неофиц. отдел. С. 16.

² Там же. 1898. № 13. Офиц. отдел. С. 16–17.

³ Там же. 1899. № 15. Неофиц. отдел. С. 16.

⁴ Там же. 1896. № 15. Офиц. отдел. С. 4–5; ТЕВ. 1898. № 13. Офиц. отдел. С. 16–17.

слоев: 14 — духовенства, 28 — крестьянства, 40 — мещан, 5 — дворян. По месту жительства родителей ученики распределялись следующим образом: 45 — из г. Томска, 42 — из других населенных пунктов (они проживали в общежитии). Из них 10 человек получали стипендию от Синода, трое — пособие от попечительства о бедных при епископской кафедре. В образцовой церковно-приходской школе при Томском архиерейском доме обучалось: в первом отделении — 21 чел., во втором отделении — 11, в третьем отделении — 35 (всего 67 уч-ся). Из г. Томска — 57, из других населенных пунктов — 10 (см. приложение 1, табл. 33). Приведенные данные свидетельствуют о неуспешности попыток епархиальной власти привлечь в училище крестьянских детей для подготовки более приспособленных для работы в сельских приходах учителей и церковнослужителей.

Дом трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском монастыре

Вопрос об общественном призрении остро встал в конце XIX в., когда возникла необходимость в пересмотре государственного подхода к проблеме помощи обездоленным, усилении поддержки правительством общественной инициативы и преобразовании системы учреждений общественного призрения. В 1892 г. была учреждена правительственная комиссия для пересмотра действующих законов, в 1897 г. ее упразднили, и работа, завершившаяся принятием нового устава общественного призрения, была продолжена в МВД. Необходимо подчеркнуть активную роль православного духовенства в благотворительном движении. Именно в конце XIX в., благодаря инициативе Православной Церкви, получает распространение новый тип благотворительного учреждения — Дома трудолюбия. Их появление было следствием новой политики правительства в сфере общественного призрения, в основе которой лежал принцип — главная забота государства и общества «...должна состоять в том, чтобы доставить нуждающимся возможность самим добывать своими собственными трудами средства к содержанию»¹. Это были центры комплексной помощи различным половозрастным группам, которые имели принципиальное отличие от работных домов. Работные дома носили характер исправительных учреждений. В них задержанные и принуждаемые к работе лица виновные в нищенстве, содержались совместно с нуждающимися, которые добровольно явились за помощью, что создавало атмосферу раздражительности, озлобленности и снижало положительный эффект деятельности этих заведений.

¹ Ростиславов Д. И. Указ. соч. С. 384.

Первые Дома трудолюбия возникли еще в 20—30-е гг. XIX в. в Рязани и Санкт-Петербурге. Но лишь в конце века, когда инициатором открытия благотворительных учреждений данного типа выступила Русская Православная Церковь, они получили распространение на всей территории империи¹. Дом трудолюбия, открытый в 1881—1882 гг. в Кронштадте о. Иоанном Кронштадтским на средства благотворителей. При нем работали учебные мастерские, в т. ч. для подростков, начальная и воскресная школы, библиотека, загородная дача для детей, приют для сирот и богадельня. Его успешная деятельность положила начало организации Домов трудолюбия в других городах империи. К 1895 г. в России действовало 52 дома трудолюбия (из них 12 — в Санкт-Петербурге) с капиталом 848000 руб., в них ежегодно работало около 2500 человек. Как правило, Дома трудолюбия состояли из детских приютов и заведений для обучения и работы взрослых людей. Между открытием благотворительных учреждений этого типа в различных губерниях не существовало никакой связи. Все зависело только от общественной инициативы и позиции местной власти. Вследствие роста общественной инициативы и получения с мест положительных отзывов губернаторов, 1 сентября 1895 г. было образовано Попечительство о Домах трудолюбия и работных домах под покровительством и руководством императрицы Александры Федоровны, ставившее перед собой задачу объединить усилия государства и общества для помощи нуждающимся и борьбе с нищенством².

После эпидемии холеры (из 40000 жителей заболело 1527, умерло 965 человек) в 1892 г. в г. Томске при Иоанно-Предтеченском монастыре при поддержке губернатора, городского главы и епископа Томского был открыт Дом трудолюбия с целью оказания помощи детям и женщинам, ослабленным болезнью и разными жизненными невзгодами³. Он являлся первым в Сибири и единственным в городе учреждением трудовой помощи, был частью епархиальной программы противодействия тунеядству и нищенству. Проект был осуществлен в предельно короткие сроки. 25 сентября 1892 г. начался прием пожертвований, а 11 октября уже было открыто временное помещение приюта в монастыре. Через пять месяцев, 7 февраля 1893 г., состоялось официальное открытие и освящение Дома трудолюбия при монастыре. За это время в монастырском саду было

¹ Дом трудолюбия // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1898. Т. XI.

² Гумберт К. Дома трудолюбия в России // Томские епархиальные ведомости. 1897. № 5. Неофиц. отдел. С. 15—19.

³ Проект устава Дома трудолюбия при Иоанно-Предтеченском монастыре // ТЕВ. 1894. № 15. Офиц. часть. С. 9—14; Мисюров А. А. Указ. соч. С. 47.

построено двухэтажное здание с фасадом, выходящим на улицу. На его строительство израсходовали значительную по тем временам сумму — 23518 руб.¹ В здании находились: учебный класс, мастерские, рекреационный зал, столовая, актовый зал, умывальная, игровая комнаты. Все это стало возможно благодаря активному участию губернатора, властей и жителей г. Томска. «Без безвозмездного энергичного участия многих людей это учреждение по недостатку материальных средств не достигло бы того уровня», — отмечалось в Томских епархиальных ведомостях². Пожертвования в пользу Дома трудолюбия сделали иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин, томский губернатор Г. А. Тобизен, о. Иоанн Кронштадтский, епископ Макарий, княгиня Орлова-Давыдова и др. Монастырь уступил землю и бесплатно содержал помещения, отпускал необходимую одежду и продукты питания до июля 1893 г. Открытие нового благотворительного заведения имело важное значение для всей губернии с населением 1134748 жителей о.п., в которой на 1 января 1884 г. действовало всего пять детских приютов и 9 богаделен различных ведомств, из них три приюта и две богадельни в губернском центре. Развитие дела общественного призрения в конце XIX — начале XX в. привело к учреждению новых благотворительных заведений и к 1912 г. в Томске работало восемь приютов, три богадельни, Дом трудолюбия, приют-ясли, ночлежный дом, школа для глухонемых³. Приюты и Дома трудолюбия при поддержке государственной власти открывались и в других сибирских городах, но нигде не достигли такого уровня развития, как в г. Томске⁴. Вследствие ходатайства жены товарища министра путей сообщения Е. Д. Петровой через товарища обер-прокурора В. К. Саблера, в марте 1897 г. Дом трудолюбия был принят в ведение Попечительства о Домах трудолюбия. Он получил новое название — «Детский приют трудолюбия и Дом трудолюбия». 28 декабря 1897 г. был введен новый устав, утвержденный 11 октября 1897 г. в МВД⁵. Новый устав расширил список источников содержания, а главное — возможности благотворительного учреждения, введенного в систему государственных учреждений в получении

¹ Отчет по Дому трудолюбия... по 1 января 1895 года // ТЕВ. 1895. № 7. Неофиц. отдел. С. 37; ТЕВ. 1893. № 4. Неофиц. отдел. С. 24–25.

² Краткая историческая записка о Доме трудолюбия при Томском женском монастыре // ТЕВ. 1898. № 3. Неофиц. отдел. С. 19.

³ Город Томск. Томск, 1912. Отдел 1. С. 79–85.

⁴ Воробьева Г. И. Женщины-благотворительницы в истории Омска // Катановские чтения-98: материалы докладов 2-й Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1998. С. 97–98.

⁵ Устав Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре // ТЕВ. 1897. № 24. Офиц. часть. С. 12–18.

дополнительной поддержки со стороны властей. По уставу приют и Дом трудолюбия управлялся Советом под председательством настоятельницы монастыря. В его состав входили казначея, благочинная обители и попечители. Советом были избраны попечители (31 чел.), в их числе вице-губернатор, ректоры университета и семинарии, управляющий отделением Государственного банка.

Дом трудолюбия состоял из детского приюта, школы, мастерских и общежития для взрослых девиц и женщин. С момента открытия Дома трудолюбия при нем начала работу школа грамоты, затем преобразованная в одноклассную церковно-приходскую школу. В школе обучались не только воспитанницы приюта, но и проходящие девочки. Все дети с семи лет обучались грамоте (ежегодно от 20 до 35 детей), с 11 лет — рукоделию, по способностям и выбору. Приют был построен на принципе самообеспечения и заботы старших о младших. Детей с малых лет приучали к самостоятельному ведению хозяйства, учили готовить, кроить и шить одежду, белье, стирать и проводить уборку. Летом девочки работали в саду, на огороде и покосе¹. Старшие девочки работали в мастерских Дома трудолюбия, в 1898 г. имевших пять швейных и две вязальные машины. Малолетние с воспитательницами играли в специально оборудованной игровой комнате, учились вязанию и т. п.² Изделия воспитанниц продавались в Доме трудолюбия и лавке, открытой в г. Томске. По приглашению жены министра путей сообщения Дом трудолюбия участвовал в открытой в январе 1899 г. «Первой выставке произведений детского труда». На ней экспонировались следующие изделия воспитанниц: 1) орлец, пояс, епитрахиль, набедренник, поручи; 2) стихарь; 3) скатерть, шитая шелком и шерстью; 4) форменное платье, фартук, пелеринка, юбка и рубашка; 5) кружева; 6) шелковый вязаный кошелек; 7) вышитая золотом рамка; 8) два абажура для ламп; 9) письменник и коврик для лампы. В 1896 г. на Всероссийской выставке экспонировались и были удостоены почетного отзыва шитые золотом и шелком изделия Дома трудолюбия. Особенно внимание публики привлекал огромный ковер³. Эти факты свидетельствуют о высоком качестве и разнообразии изделий, производившихся в мастерских Дома трудолюбия.

Для эстетического воспитания при приюте был создан хор певчих при помощи призреваемой в Доме трудолюбия Натальи Гушиной, которую

¹ Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 44.

² Краткая историческая записка о Доме трудолюбия при Томском женском монастыре // ТЕВ. 1898. № 3. Неофиц. отдел. С. 12–13.

³ Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. С. 171.

приняли в приют неохотно по причине нищенства. Но вскоре она проявила способность и любовь к церковному пению, став регентшей хора. Хор часто приглашали на концерты, отпевания¹. В 1898 г. при монастыре открыли больницу и аптеку для сестер и воспитанниц приюта с приглашением доктора — ординатора детской поликлиники университета Н. И. Делекторского с платой 120 руб. в год. Задача Дома трудолюбия состояла во всестороннем приготовлении к самостоятельной жизни. Выпускницы приюта были религиозными, скромными и трудолюбивыми девушками, способными вести домашнее хозяйство и с помощью полученной специальности обеспечить себе достойное существование. При выпуске им выдавалось свидетельство с указанием, каким предметам и ремеслам они обучались и насколько основательно. Совет, по возможности, помогал в устройстве на работу. Девушек охотно брали в услужение в знатные семьи г. Томска. Часто их удачно выдавали замуж за торговцев, ремесленников, лиц духовного звания. Например, в 1892 г. две девушки вышли замуж — за диакона и мастера-позолотчика, а в 1905 г. — пять².

В 1896—1906 гг. от 25 до 33 воспитанниц приюта Дома трудолюбия обучались в школе. Детей дошкольного возраста в нем состояло от 7 до 14. Старшие воспитанницы занимались шитьем риз и церковных облачений, матрасов, платья и белья, вышиванием, вязанием, работой по хозяйству, обучались золочению свечей на заводе, изготовлению мелких изделий³.

Успешное развитие Дома трудолюбия во многом стало возможным благодаря педагогическому таланту и образовательному уровню сестер монастыря. В 90-е гг. XIX в. при Доме трудолюбия несли послушания девять сестер монастыря. Они заведовали мастерскими, хозяйственной частью, обучали детей. Многие из них по благословению епископа Макария первоначально поступили на бесплатную службу, а затем в сестры монастыря. В 1902 г. штат состоял уже из 17 человек: помощницы учительницы, трех воспитателей, четырех мастериц, экономки, кастелянши, трех кухарок, трех коровниц и дворника. Из них четыре были послушницами монастыря, две — выпускницами приюта, две работали за плату и девять бесплатно⁴. В 1904—1905 гг. в Доме трудолюбия работало 16 человек: надзиратель, учительница, помощница учительницы, две

¹ ТЕВ. 1902. № 9. Неофиц. отдел. С. 16.

² Отчет... за 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 35—40; Отчет за 1904—05 гг. // ТЕВ. 1906. № 5. Офиц. часть. С. 15.

³ ТЕВ. 1897. № 5. Неофиц. отдел. С. 30; ТЕВ. 1898. № 3. Неофиц. отдел. С. 13; ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 44; ТЕВ. 1900. № 7. Неофиц. часть. С. 33; ТЕВ. 1903. № 11. Неофиц. отдел. С. 28; ТЕВ. 1906. № 5. Офиц. часть. С. 14.

⁴ Отчет детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1902 год // ТЕВ. 1903. № 11. Неофиц. отдел. С. 27—31.

воспитательницы, экономка, кастелянша, две мастерицы-белошвейки, три кухарки, две коровницы, дворник и караульный. Из них шесть послушниц монастыря, две воспитанницы приюта, три женщины, работающие за плату, и четыре бесплатно¹. Необходимо отметить высокий образовательный уровень сестер, состоявших в разное время учителями церковно-приходской школы. Рясофорная А. В. Патрушева (позже надзирательница приюта) окончила восьмиклассную женскую гимназию, Л. Т. Михайлова (впоследствии игуменя Людмила — настоятельница Чемальской общины, заведующая учительского училища) — курс Томской женской гимназии, ее помощница курс епархиального училища (см. приложение 2).

Первоначально в приют было принято 96 детей (из них 20 мальчиков), в т. ч. и младенцы моложе двух лет. В течение двух лет 66 человек были отданы родным и на воспитание. По уставу в приют стали приниматься только девочки от двух до 18 лет, затем с пяти лет. Но часто для воспитанниц делалось исключение, так, в 1899 г. в приюте находились девочки от трех до двадцати лет². На протяжении существования приюта ежегодно в нем призревало 40—60 девочек. Дети принимались по указанию Попечительства о бедных при кафедре епископа, церковно-приходских попечительств, попечителей Дома трудолюбия и полиции. За 1892—1898 гг. через приют прошло 152 ребенка. Из 75 детей, на которых сохранились сведения, 40 были взяты родителями и родственниками, шестеро выбыли в приют братьев Королевых, четверо отданы в услужения, 12 взяты на воспитание частными лицами, одна вышла замуж, трое перешли в духовную школу монастыря, один мальчик — в школу при архиерейском доме³ (см. приложение 1, табл. 34).

Наибольшее количество воспитанниц приюта были представительницами мещанского и крестьянского сословий (см. приложение 1, табл. 35). Так, из 123 призреваемых в разное время было 49 дочерей крестьян, 43 — мещан, 13 — солдат, 9 — церковнослужителей, 1 — священника, 8 — чиновников, 3 — инородцев. В приюте с 1892 по 1905 г. было воспитано 295 девочек, в Доме трудолюбия с 1898 по 1905 г. получили помощь 119 человек⁴. В нем получали пристанище не только православные, но и мусульманки, новокрещенные еврейки, что свидетельствует о достаточно

¹ Отчет... по 1 сентября 1905 г. // ТЕВ. 1906. № 5. Офиц. часть. С. 12.

² Отчет по Дому трудолюбия... по 1 января 1895 года // ТЕВ. 1895. № 7. Неофиц. отдел. С. 34—41.

³ Краткая историческая записка о Доме трудолюбия при Томском женском монастыре // ТЕВ. 1898. № 3. Неофиц. отдел. С. 14.

⁴ Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 35—40.

высокой степени веротерпимости сестер монастыря и епархиального начальства. В 1916 г. в Доме трудолюбия содержались 63 девочки и 39 женщин¹.

Практически с самого начала существования в отчетах Дома трудолюбия признавалась необходимость и предпринимались меры по изысканию средств на расширение приюта. Цены на продукты росли, и содержание воспитанниц постоянно дорожало. Если в 1899–1900 гг. в среднем ежедневно в приюте состояло 57 человек, то в 1901–1902 гг. – 48. В начале XX в. приют был переполнен и не мог принять всех желающих. Возросло количество желающих отдать своих детей за плату, т.к. приют давал хорошее воспитание и образование. Ходатайствовали о приеме детей, имеющих одного или двух родителей, а также сирот из соседних волостей, прием которых не был предусмотрен уставом. Вследствие этого, для сирот из соседних волостей и полусирот ввели плату 3–5 руб. в месяц². В 1904–1905 гг. в приюте содержались 25 круглых сирот, 27 полусирот, семь девочек, имеющих обоих родителей. В 1902 г. Совет просил пособие на расширение, но получил отказ. Требовало дополнительных вложений и развитие Дома трудолюбия. В экономически развитом Томске с большим количеством рабочих мест нуждающихся, обращающихся за помощью в Дом трудолюбия, смущала необходимость подчиняться установленному порядку и невысокая заработная плата. В 1899 г. в Доме трудолюбия получили помощь 19 девиц и женщин, в 1901 г. – 17, в 1902-м – 27, на 1 сентября 1905 г. – 11³. Большинство из них составляли мещанки и крестьянки.

В начале XX в. резко снизилось поступление пожертвований на Дом трудолюбия с 20966 руб. в 1892–1897 гг. до 8435 руб. в 1898–1902 гг., в то время как расходы значительно возросли – с 24654 руб. (без сумм, затраченных на строительство здания) до 44318 руб. в указанные периоды⁴. В это время Совет основное внимание стал уделять развитию мастерских Дома трудолюбия. Сестры монастыря проявили свои незаурядные организаторские способности, гибкость и быстроту при принятии решений о выборе экономически выгодных направлений развития. При помощи епископа Макария, инициатора проекта, были найдены новые пути получения доходов: поставка продуктов питания для архиерейского дома

¹ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 76.

² Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия... за 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 4. С. 35–50.

³ ТЕВ. 1900. № 7. Неофиц. отдел. С. 35; 1901. № 9. Неофиц. отдел. С. 14.

⁴ Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1902 год // ТЕВ. 1903. № 12. Неофиц. отдел. С. 32–34.

и второклассной церковно-приходской школы при нем, выполнение заказов Сибирской железной дороги и др. Уже в 1902 г. более 77 % (10513 руб. 17 коп.) полученных средств воспитанницы приюта заработали сами¹. Переломным моментом в хозяйственном развитии Дома трудолюбия, позволившем перейти на самообеспечение, стало получение и успешное выполнение заказа от Сибирской железной дороги на изготовление матрасов и белья в 1902 г. – на сумму 8759 руб. 58 коп. После достижения договоренности о дальнейшем сотрудничестве тормозом для развития стало отсутствие оборотных средств. В результате ходатайства перед Комитетом попечительства о выделении ссуды в 5000 руб. на расширение мастерских, после признания безупречности ведения хозяйства в течение ряда лет, Дому трудолюбия было выдано пособие в размере 3000 руб. В 1903 г. был открыт новый ткацкий цех, для которого закупили пять станков и запасы пряжи². Только за 1903–1905 гг. число заказов и оборот мастерских Дома трудолюбия увеличился больше, чем за 10 предыдущих лет³. После революционных волнений и прекращения заказов железной дороги монастырской администрацией было найдено новое направление развития. В 1907 г. игуменья Зинаида была представлена императрице с целью ходатайства о даровании Дому трудолюбия средств на приобретение типографии братства Св. Дмитрия Ростовского. Прошение было удовлетворено. С этого момента значительная часть изданий церковного ведомства печаталась в типографии Дома трудолюбия, а воспитанницы приюта стали обучаться типографскому и переплетному делу⁴. В 1912 г. игуменья Зинаида, председатель Совета приюта и Дома трудолюбия, была награждена Комитетом попечительства о трудовой помощи позолоченным знаком⁵.

Томский Иоанно-Предтеченский монастырь приобрел в конце XIX – начале XX в. неоценимый опыт трудового воспитания и помощи сиротам и женщинам в сложной жизненной ситуации. В отчете обер-прокурора Синода за 1914 г. в числе 10 (из 1025) монастырей, наиболее известных своими приютами «...как по количеству призреваемых детей, так и по образцовой

¹ Там же. С. 27, 33.

² Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1902 год // ТЕВ. 1903. № 11. Неофиц. отдел. С. 27–31; № 12. Неофиц. отдел. С. 36.

³ Отчет о состоянии... Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Иоанно-Предтеченском женском монастыре с 1 сентября 1904 по 1 сентября 1905 г. // ТЕВ. 1906. № 5. Офиц. часть. С. 11–20.

⁴ ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 76; Город Томск. Томск, 1912. Отдел 1. С. 83.

⁵ ТЕВ. 1912. № 16. Офиц. часть. С. 1.

постановке воспитания их», был указан и Иоанно-Предтеченский монастырь¹. Рациональная система обучения, основанная на успешном соединении общего теоретического образования, религиозно-нравственного воспитания и ежедневной трудовой практики, позволяла всесторонне подготовить воспитанниц к преодолению реальных трудностей повседневной жизни. Она отличалась универсальностью (большой спектр получаемых профессиональных навыков, занятие подсобным и домашним хозяйством, усвоение правил межличностных отношений в коллективе) и, несмотря на рутинность и тяжесть, содержала в себе потенциальную возможность реализовать себя в дальнейшей жизни. Оказание поддержки, внушение надежды на будущее, умелое применение методов трудового воспитания характеризовали работу Домов трудолюбия как качественно новую форму помощи обездоленным со стороны общества и государства, в которой значительную роль играла церковь.

Распространение нового типа благотворительного учреждения – Домов трудолюбия – являлось частью общероссийского процесса роста благотворительного движения и усиления внимания со стороны государства к делу общественного призрения во второй половине XIX в. Постановка дела в Домах трудолюбия очень точно отражала новый подход государства к организации помощи обездоленным. Церковь не осталась в стороне от подъема благотворительного движения российского общества, являясь инициатором многих нововведений. В пореформенный период выполнение социальной функции – помощи людям в различной форме – приобрело для нее особое значение. В это время значительно возрастает роль женских обителей в религиозно-нравственной и благотворительной жизни России. Как и Томский Иоанно-Предтеченский монастырь, они часто служили компонентом, объединяющим усилия государства и различных слоев общества в сфере благотворения, облекая их в конкретные общественно значимые формы.

Церковно-учительская школа Чемальской женской общины

Ужесточение во второй половине XIX в. национальной политики Российской империи, связанное с развитием национального движения, опирающегося на религиозную основу; быстрое распространение ислама и буддизма, особенно в Азиатской части государства, привело к активизации миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, всецело поддерживаемой правительством². В новой ситуации нужна была и новая

¹ Вспомогательный отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного вероисповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 122–123.

² Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 37.

концепция дальнейшего усиления миссионерской деятельности в империи. В конце XIX – начале XX в. начинают проводиться миссионерские съезды для систематического рассмотрения проблем православного миссионерства, обсуждения вопросов, относящихся к постановке и организации миссий. В 1913 г. для объединенного руководства всей миссионерской деятельностью создается миссионерский Совет при Синоде¹.

Одной из важнейших задач, стоящих на рубеже веков перед миссионерскими организациями, являлось создание единой структуры специальной подготовки миссионеров. Но из-за недостатка финансирования, отсутствия единого мнения и часто непонимания всей важности проблемы конкретные шаги в этом направлении были предприняты лишь в начале XX в. В 1911 г. в империи существовало всего 4 миссионерских училища с программой средних учебных заведений: 1. Казанская учительская семинария для приволжских татар, черемис и чувашей. 2. Ардонская семинария на Кавказе. 3. Иркутская церковно-учительская миссионерская семинария. 4. Бийское катехизаторское училище Алтайской духовной миссии. Естественно, что эти учебные заведения не могли удовлетворить потребности в подготовленных кадрах развивающегося православного миссионерства².

Принципиальное значение для развития миссионерства в азиатской части империи и за ее границами имело обсуждение на миссионерском съезде в Иркутске в 1911 г. проблемы подготовки кадров. Было признано необходимым учреждение мужских и женских монастырей в местностях с инородческим населением. В журнальном постановлении 5-й секции от 29 июля № 7 п. 7 отмечалось, что устройство женских обителей, «...признавая громадное влияние женщины на религиозно-нравственное воспитание детей и принимая во внимание трудность воздействия в желательном направлении на инородческую женщину со стороны миссионера, признать необходимым»³. Миссионерский епархиальный съезд, проходивший в 1910 г. в Казани, также подчеркивал необходимость привлечения и подготовки женских кадров для работы в противомусульманских миссиях и целесообразность распространения православия через женские

¹ Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 438–463; Глубокая С. Г. Идеалы, задачи, проблемы русского православного миссионерства в конце XIX – начале XX веков // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона: тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции. Кемерово, 1996. С. 123.

² Архипастырская речь архиепископа Томского Макария на миссионерском съезде в Иркутске 24 июля 1910 г. // Полное собрание проповеднических трудов преосвященного Макария, архиепископа Томского и Алтайского. Томск, 1910. С. 1047.

³ Отчет об АДМ за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 10. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 475.

монастыри. На нем была дана положительная оценка организации подготовки женщин-миссионерок в кружках братства Св. Гурия и на женских богословских курсах, открытых в 1909 г.¹

На иркутском съезде архиепископом Томским Макарием (Невским), бывшим с 1884 г. по 1891 г. начальником Алтайской миссии, был предложен проект унифицированной для всех миссий по устройству, формам и методам обучения, системы подготовки миссионеров. Она должна была включать начальные, средние учебные заведения и общий миссионерский институт с широкой программой, близкой к университетской. Проект такого миссионерского института-монастыря был разработан еще в начале XIX в. основателем миссии архим. Макарием (Глухаревым)².

Одним из первых шагов по реализации данного проекта стало открытие Чемальской миссионерской женской общины и поэтапное создание при ней учительской женской школы с целью приготовления учительниц из инородок. При школе планировалось открытие сельскохозяйственного класса и обучение азам медицины, проведение ежегодных учительских курсов. Поле деятельности Алтайской миссии постоянно расширялось, с развитием сети миссионерских школ возросла потребность в квалифицированных учительских кадрах. Учителей-мужчин в миссионерские школы готовило Бийское Катехизаторское училище, на Чемальскую общину возлагалась задача по подготовке учительниц. В 1912 г. в Алтайской миссии служили 52 учителя и лишь 6 учительниц из русских³. По мнению архиепископа Макария: «Инородки, как плоть от плоти... по своей природной близости, несомненно, приложили бы все силы к просвещению своих темных сородичей». В речи, сказанной в 1916 г. перед первым выпуском учительской школы, он подчеркнул, что женщина-учитель необходима на Алтае. Она более надежна, чем мужчина с катехизаторским образованием, всегда стремящийся вверх по карьерной лестнице. И даже выход замуж не может помешать женщине в ее учительской деятельности⁴.

После прохождения курса и сдачи экзаменов на звание учительниц одноклассных церковно-приходских школ девушки должны были поступить в Ольгинскую общину сестер просвещения при Чемальской

¹ Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.)... С. 450.

² Архипастырская речь архиепископа Томского Макария на миссионерском съезде в Иркутске 24 июля 1910 г. // Полное собрание проповеднических трудов преосвященного Макария, архиепископа Томского и Алтайского. Томск, 1910. С. 1045–1047.

³ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 8–9. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 423.

⁴ ТЕВ. 1917. № 8. Офиц. часть. С. 157.

общине. Подобные общины создавались согласно определению Синода от 19 октября 1911 г. при церковно-учительских школах. Предполагалось, что учительницы-инородки, кроме обучения детей в школах, будут проводить внешкольные чтения и беседы, посещать семьи инородцев, оказывать помощь в освоении рукоделия, огородничества и пчеловодства. А вместе с этим подготавливать язычников к принятию христианства. Новая община должна была играть не только учебно-воспитательное, но и культурно-просветительское значение для всего края¹.

Женская община в честь иконы «Всех скорбящих Радосте» была учреждена при приюте-богательне Чемальского стана миссии указом Синода от 17 января 1911 г.² Чемальский приют возник в 1893 г., а к 1911 г. в нем призревались 20 девочек и 1 мальчик-калека. В этом же году заведующей приютом назначили Л.Т. Михайлову – будущую начальницу общины. К ней на помощь из Иоанно-Предтеченского монастыря были командированы две сестры³. 1 мая 1911 г. состоялось торжественное открытие общины. С этого момента началось поэтапное создание учительской школы при общине. Епископ Макарий уже обладал к 1898 г. опытом постепенной реорганизации школы грамоты, открытой в 1891 г. при Томском архиерейском доме, в церковно-учительскую школу. Он серьезно взялся за благоустройство приюта, пожертвовав значительные суммы из личных средств. В 1911 г. было построено новое здание приюта, в общине состояло 7 сестер и 12 девочек, из которых 9 учились в собственной церковно-приходской школе⁴. Л. Коцевольскую, прибывшую в с. Чемал для написания очерка, встретили начальница и алтайские девочки в одинаковых ситцевых платьях и красных платочках. По ее свидетельству, община выглядела как маленький поселок, отличающийся от остальных построек Чемала опрятностью и культурностью⁵.

Общежитие сестер основывалось на временных правилах, разрешенных епископом Макарием 8 сентября 1911 г. (см. приложение 3). Кроме предписания выполнения общих заветов Господа и иноческих норм поведения, правила содержали требования: в п. 9 – изучать алтайский язык и приучать детей говорить и читать на нем, в п. 19 – приветливо и ласково

¹ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 8–9. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 423; Отчет об АДМ за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 6. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 304.

² ТЕВ. 1911. № 5. Офиц. часть. С. 87.

³ Отчет об АДМ за 1910 год // ТЕВ. 1911. № 7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 368–369.

⁴ Отчет об АДМ за 1911 год // ТЕВ. 1912. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 654.

⁵ Коцевольская Л. В Сибирской Швейцарии // ТЕВ. 1912. № 5. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 304, 309.

вести себя с некрещеными «неопратно живущим кочевникам, чтобы они видели преимущества христианской любви», в п. 20 — не выражать брезгливость к простым инородцам, а терпеливо и ласково обучать их, не оскорбляя¹. В праздничные дни после литургии воспитанницы приюта 3—4 группами с сестрами посещали местных жителей для ведения религиозно-нравственных бесед, чтения Евангелия и пения. В будни день начинался с подъема в 6 ч, с 7 ч — общая молитва, за ней — чай. После этого начинались занятия в школе, в 2 ч следовал обед. В послеобеденное время девочки помогали по хозяйству, учились вязать, шить, прясть. В 5 ч начинались вечерние занятия — приготовление заданных уроков, в 7 ч — ужин, в 8 ч — вечерняя молитва. После молитвы некоторые девочки работали до 10—11 часов, а затем ложились спать². На обвинения в приготовлении детей в монахини начальница общины отвечала: «Мы не принуждаем детей к вечному посту, мы радуемся их молодому веселью, но все наши цели сводятся к тому, чтобы через них распространять нравственность, трудолюбие, стремление обставить жизнь удобствами и довольством... Дети должны быть детьми»³.

Немаловажное значение в успешном осуществлении проекта епископа Макария сыграло назначение начальницей общины Л. Т. Михайловой, имеющей к 1911 г. 15-летний стаж работы учителем и несомненный педагогический талант (см. приложение 2). После окончания полного курса Томской женской гимназии она с 1896 по 1901 г. состояла учительницей при монастырском училище для девиц духовного звания, с 1901 г. по 1908 г. — в церковно-приходской школе при приюте Иоанно-Предтеченского монастыря. В 1908 г. была откомандирована в Алтайскую миссию учительницей в Чемальскую миссионерскую школу, в 1910 г. назначена заведующей приютом, в 1911 г. — начальницей общины и на этом месте прослужила до конца 20-х гг. XX в. Прекрасно понимая высокое предназначение и мечтая о расширении просветительской деятельности общины, она активно воплощала в жизнь планы епископа Макария. В 1914 г. митрополит Макарий постриг ее в мантию, а позже совершившая подвиг «учительства и воспитания детей» монахиня Людмила была удостоена сана игуменьи⁴.

В 1912 г. при общине открывается двухклассная женская школа. Пожертвования М. А. Черкасовой позволили построить новое здание

¹ Временные правила для сестер Чемальской женской общины // ТЕВ. 1911. № 20. Офиц. часть. С. 428—429.

² Отчет об АДМ за 1911 год // ТЕВ. 1912. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 655.

³ Коцевальская Л. В Сибирской Швейцарии // ТЕВ. 1912. № 5. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 305.

⁴ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 32; Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 93—96.

школы, дома для учителей и интерната. Находясь в преклонных годах, дочь полковника, помогавшая долгое время в миссионерской деятельности епископа Николая в Японии, пожертвовала на имя епископа Макария 33320 рублей. Из них на устройство Чемальского приюта было выделено 5000 руб., на нужды общины 15005 руб. (на строительство храма — 6000 руб., устройство пансиона для воспитанниц будущей второклассной учительской школы с учительскими курсами и помещение для учителей — 4000 руб., расширение здания для сестер — 2800 руб., здание школы — 2000 руб.). В 1912 г. училищный совет Синода выделил на жалование второй учительницы двухклассной школы 360 руб. в год и было возобновлено ходатайство об ассигновании 1000 руб. ежегодно на устройство краткосрочных учительских курсов¹.

Двухклассная церковно-приходская школа была только промежуточным звеном в создании учительской школы, т. к. не могла реализовать конечную цель проекта — подготовку учительниц-инородок, которые «...в захолустных углах... Алтай могли бы внести в жизнь бедных инородцев не только просвет в религиозных верованиях, но и ...передать населению практические знания по хозяйству и оказать первую помощь при заболеваниях»². По замыслу архиепископа Макария каждый новый этап в создании учительской школы осуществлялся при подготовке материальной основы, учительского состава, а главное, достижении учащимися очередной образовательной ступени. Как только церковно-приходская школа дала первый выпуск способных учеников, готовых стать слушателями учительской школы, двухклассная школа была преобразована (16 августа 1913 г.) во второклассное церковно-приходское училище с дополнительным учительским классом и образцовой церковно-приходской школой при ней. Училищный совет Синода разрешил постройку двухэтажного здания по проекту и смете архитектора Г. Никитина. При смете на постройку в 52000 руб. Синод выделил пособие в 20000 руб. При школе открывался сельскохозяйственный класс и ежегодные учительские курсы. При приюте уже успешно работало огородное хозяйство. На нем с избытком выращивали не только картофель, капусту, помидоры, но и дыни и арбузы. Экзамены на звание учительницы одноклассной церковно-приходской школы проводились в конце учебного года тремя преподавателями Бийского Катехизаторского училища, назначаемыми начальником миссии³. В школу были приглашены лучшие

¹ Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 8—9. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 424; Отчет об АДМ за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 6. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 296—297, 303.

² ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 28—29.

³ Отчет АДМ за 1913 год // ТЕВ. 1914. № 7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 466, 468.

воспитанницы богословской учительской школы В. К. Саблера, для изучения сельского хозяйства и ручного труда послана в Краснотоцкий монастырь послушница общины, близкое к игуменье лицо готовилось к поступлению в Московскую богословскую школу. При общине начала создаваться больница, приглашена фельдшерица для обучения воспитанниц практической медицины. Учитель пения регентствовал в церковном хоре и обучал игре на скрипке. Постепенно шло формирование учебной базы школы. Из столицы выписывались географические карты, физические приборы, к новому 1913 году из училищного совета Синода были присланы учебники. Для библиотеки выписывалось несколько журналов, газеты, детская литература¹.

Архиепископ Томский Макарий и после назначения в 1912 г. на московскую кафедру оказывал общине помощь, во время своих приездов на Алтай в 1914, 1916 гг. обязательно посещал ее. На временных педагогических курсах, открытых в 1916 г. по инициативе и при содействии митрополита Макария, проходивших при второклассной школе с 15 июня по 15 июля, обучались учителя – 20 инородцев и 3 русских, учительницы – 2 инородки и 15 русских. Из них 55 % имели продолжительность учительской службы более 5 лет. На курсах давались показательные уроки по Закону Божьему, русскому языку (отдельно по применению звукового метода, по объяснительному методу и письму), по арифметике. Кроме этого, шло обучение планированию учебного процесса в течение года. Занятия проходили в образцовой церковно-приходской школе, в трех отделениях которой состоял 31 учащийся². По окончании курсов прошло торжество, на нем присутствовало до 300 человек. В программе были пьесы, музыкальные номера, угощения, сбор пожертвований в пользу учителей-воинов. Вечером состоялась лекция С. И. Гуркина на тему «Алтай и алтайцы» с использованием более 70 диапозитивов. Ее посетили участники курсов, сестры и дети приюта, дачники. Прибывший 13 июля митрополит Московский Макарий лично поприветствовал слушателей курсов и выпускниц второклассной школы, получивших звание учительниц с богоугодным начинанием³. В качестве вольнослушателей на курсах присутствовали выпускницы 4-го учительского класса второклассной школы, распределенные в пустующие школы миссии⁴.

Детище митрополита Макария – Чемальская школа к 1917 г., по сути, превратилась в педагогическое училище. В 1916 г. в ней состояло

69 учащихся (в младшем отделении – 23, среднем – 32, старшем – 14), из них 48 русских и 21 инородка. В общежитии проживало 48 воспитанниц, 16 были назначены стипендии. Обучали девочек: законоучитель, 4 учительницы по предметам, учительница пения и учительница рукоделия. Общая сумма расходов на второклассную школу в 1915 г. составляла 5641 руб. В образцовой церковно-приходской школе состояло более 30 учащихся. Их обучали: законоучитель, две учительницы по предметам и одна по рукоделию¹. В приюте общины призревало 27 девочек, из них 15 учились в школе. Если в 1912 г. община состояла всего из 10 сестер, то в 1916 г. – из игуменьи, начальницы общины, и заведующей второклассной школой, 3 монахинь и 34 послушниц². В сентябре 1916 г. епископом Томским Анатолием, по просьбе епископа Бийского Иннокентия, начальника Алтайской миссии и при поддержке митрополита Московского Макария, было подано ходатайство в Синод о преобразовании Чемальской миссионерской женской общины в общежительный монастырь в целях развития общины для усиления религиозно-нравственного воздействия при помощи просветительно-благотворительных заведений на инородцев края³.

Задачи общины в просветительно-религиозной сфере были неразрывно связаны с достижением общекультурных целей, внесения в жизнь инородцев русской гражданственности. Восприятие общей культуры, ее бытового и хозяйственного элементов постепенно приводило к пониманию ее духовных основ и сознательному принятию православия. Чемальская второклассная школа была одним из первых в империи специальных учебных заведений для женщин, готовивших национальные кадры учителей-миссионеров. Она являлась частью школьной сети Алтайской миссии, которая в 1914 г. состояла из двух учительских школ: Бийского катехизаторского училища и Чемальской женской второклассной школы, трех двухклассных и 77 одноклассных церковно-приходских школ⁴. Ее создание было лишь небольшой составляющей проекта создания стройной многоуровневой системы подготовки миссионеров, связанного с планами расширения миссионерской деятельности православной церкви в начале XX в.

После Февральской революции Временное правительство приняло постановление от 20 июля 1917 г. об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений в ведомстве МНП. Отправленный

¹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 77. Л. 4, 6, 7; ТЕВ. 1916. № 16. Офиц. часть. С. 474–475.

² ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 45–56; Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 93–96.

³ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 11; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 год // ТЕВ. 1917. № 10. Офиц. часть. С. 211.

⁴ ТЕВ. 1915. № 6–7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 260–261.

¹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 9. Л. 12, 42.

² ТЕВ. 1917. № 1. Офиц. часть. С. 6–7.

³ Там же. 1917. № 8. Офиц. часть. С. 154–157.

⁴ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 157. Л. 12.

в отставку митрополит Макарий на Всероссийском соборе отстаивал миссионерские школы¹. Игуменья Людмила также переживала из-за передачи миссионерских школ со всеми зданиями и инвентарем в ведение МНП и даже предлагала открыть в этом случае свою школу². 8 ноября 1917 г. из Томского епархиального училищного совета пришла копия журнального постановления о том, что школа остается духовной и собственностью общины при условии содержания на собственные средства³. Перед школой, в связи с постоянной инфляцией и отсутствием финансирования со стороны миссии, встали серьезные материальные проблемы. Не было средств на выплату жалования учителям, содержание учениц. Но оптимизм и вера начальницы общины — игуменьи Людмилы — помогли справиться со сложной ситуацией. Учительницы не монахини согласились не уходить и доработать учебный год без вознаграждения. Понимая, что и церковным и министерским школам будут необходимы учителя при любом режиме, игуменья Людмила добивалась приезда экзаменационной комиссии из Томской семинарии для проведения выпуска и права подготовки учителей для школ МНП. В результате комиссия прибыла, экзамены прошли успешно, но училищный совет епархии не дал разрешения на выдачу выпускницам свидетельства на звание учительниц не церковных школ⁴. В это же время была получена денежная поддержка от миссии и митрополита Макария, учителям выплачено жалование. В марте 1918 г. в «трудное и дорогое» время община начала строительство больницы на земле, выделенной обществом с. Чемал⁵. О дальнейшей судьбе общины неизвестно. Созданный 24 декабря 1919 г. отдел народного образования Алтайской губернии в 1920 г. для подготовки учительских кадров открыл краткосрочные педагогические курсы «Красных учителей» в с. Чемал с первой опытно-показательной школой⁶.

Открытие при архиерейских домах, монастырях и женских общинах учебных и благотворительных заведений нового типа (ранее не получивших распространения, отличающихся применением современных форм и методов работы) являлось частью процесса развития и реформирования церковной школы, способствовало повышению образовательного и культурного уровня различных слоев населения и поддержанию

социальной стабильности в обществе. Деятельность при монашеских обителях указанных заведений значительно расширяла сферу приложения их усилий в социально-карикативном направлении, возлагая высокую степень социальной ответственности при решении конкретных задач. Наряду с профессиональной и религиозно-нравственной подготовкой учителей для начальных церковных школ, в том числе, что особенно важно, национальных педагогических кадров, монашеские обители были и создателями комплексной системы помощи обездоленным слоям общества. После установления советской власти база учебных и благотворительных заведений при монашеских обителях Томской епархии, методика работы использовались при создании системы народного образования.

В целом социально-карикативная деятельность женских монастырей и общин Томской епархии шла в рамках процесса развития просветительских и благотворительных учреждений Российской империи. Во второй половине XIX — начале XX в. возросла роль женских обителей в религиозно-нравственном воспитании народа. Русская Православная Церковь отводила им важную роль в распространении православия, выполнении социальной функции, внимание к которой значительно усилилось в данный период. По сравнению с европейской частью России в Сибири, в силу природно-географических и политических условий, монастыри играли более важную роль как в общественной жизни, так и в государственной политике. Просветительство и благотворительность во все времена имели общественно полезное, прогрессивное значение, независимо от того, в какие формы они облачены: светско-либеральные или религиозно-церковные. Церковь не осталась в стороне от преобразований, роста общественной инициативы в XIX в., в том числе и в просветительно-благотворительной сфере. Просветительно-благотворительные заведения при женских обителях Томской епархии имели сравнительно невысокие количественные характеристики, но надо учесть, что они являлись составляющей частью церковных школ и благотворительных заведений епархии, которые количественно преобладали над подобными учреждениями других ведомств. Многолетняя работа в этой области позволила создать при женских обителях епархии взаимодействовавшие между собой, эффективно действовавшие структуры с квалифицированными кадрами.

¹ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 158. Л. 71–72.

² Там же. Л. 33–33об.

³ Там же. Л. 67–67об.

⁴ Там же. Л. 97.

⁵ ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 158. Л. 101–101об.

⁶ Мукаева Л. Н. История народного образования в Горном Алтае в 1920–1930 гг. // Этническая история и культура народов Советской страны: тезисы докладов. Омск, 1991. С. 178–179.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении второй половины XIX — начала XX вв. шло быстрое развитие монашеских обителей Томской епархии, характеризующееся количественным и качественным ростом. За 1860—1916 гг. их количество возросло с 2 до 13. Процесс шел в рамках общероссийских тенденций, но имел свою специфику. Большинство обителей епархии были женскими и появились как женские общины на волне подъема благотворительности и религиозности в обществе. Культурно-просветительская работа имела для обширных и малоосвоенных просторов Западной Сибири большее значение, чем в европейской части, в силу слабого развития сети государственных и частных просветительно-благотворительных заведений.

Существенным фактором, определившим миссионерскую направленность большей части монашеских обителей епархии, явилось их расположение в приграничной области, входившей в сферу стратегических интересов государства в азиатском регионе. Семь из 13 монастырей и общин епархии находились в ведомстве Алтайской духовной миссии. Миссионерские монастыри играли роль форпостов русской цивилизации, постепенно превративших языческий мир в периферию единого православного пространства. Помимо религиозного, они имели важное государственное значение, так как неразрывно были связаны с укреплением идеологической основы империи и противодействовали распространению ислама и буддизма на юге Западной Сибири. Культуртрегерское влияние, оказываемое монастырями, расширяло взаимопроникновение культур, способствуя вхождению инородцев в административно-правовое и культурное поле Российской империи.

Общероссийская тенденция преобладающего роста числа монашествующих женского пола четко прослеживается и в Томской епархии, в которой они к 1916 г. превосходили число монахов и послушников в 8,5 раза. По сравнению с мужскими женские обители характеризовались большей стабильностью состава. Основным источником пополнения числа насельников монастырей являлись представители крестьянского сословия, преимущественно жители Томской губернии. Монашествующие обладали практически стопроцентным

уровнем грамотности и высокой степенью образованности по сравнению со средними показателями указанных характеристик населения Сибири.

В повседневной жизни обителей решения высшей и епархиальной властей играли незначительную роль. Перспективное развитие монастырей, в том числе и усиление значения в просветительской жизни региона, было связано с общеепархиальными программами, то есть зависело от решений, принимаемых на епархиальном уровне. Женские обители отличались развитой организационной структурой и многочисленными административно-исполнительскими должностями, четким горизонтальным разделением по специализированным линиям.

В начале XX в. произошли изменения управления, связанные с укрупнением обителей, активным применением принципов соборности и выборности, усилением роли и степени участия в жизни региона.

Вторая половина XIX в. была ознаменована появлением великих образцов русской святости. Имена подвижников: митрополита Московского Макария (Невского), настоятельницы Улалинского миссионерского монастыря монахини Ольги стали известны повсеместно на территории Российской империи.

За исследуемый период монашеские обители при поддержке общества и государства создали комплексные развитые хозяйства, увеличили капиталы. Большое значение для их развития имело появление в результате реформ 60—70-х гг. XIX в. нового социального слоя предпринимателей-благотворителей. Вместе с экономическим развитием монастыри увеличивались количественно и принимали более прогрессивные формы просветительно-благотворительные заведения при них.

Монашеские обители играли роль культурно-просветительских центров для окрестного населения, оказывая влияние на формирование нравственной основы и ценностных установок, способствуя росту элементарной образованности. Храмы монастырей служили духовными центрами епархии. Помимо религиозно-нравственного, большое культурно-просветительское воздействие оказывали существовавшие при обителях иконописные мастерские, декоративно-прикладное искусство, церковные хоры, народные чтения. В большинстве случаев обители служили примером рациональных отношений в коллективе, любви к ближнему, эффективного хозяйства.

Монастыри играли роль социального стабилизатора, решая проблемы общества путем призрения и обучения, лечения социально незащищенных слоев общества. Большое значение имела деятельность обителей во время эпидемий, неурожаев, войн. Специфическим видом культурно-социальной

деятельности было погребение и отпевание умерших. С монастырскими пантеонами связано сохранение исторической памяти народа.

Просветительско-благотворительная деятельность осуществлялась монастырями также в форме организации школ, приютов, больниц, библиотек, богаделен. На основании количественного и качественного роста учебных и благотворительных заведений, применения новых форм и методов работы, политики государства и общего развития просветительской епархиальной сети нами было выделено два этапа в процессе развития просветительско-благотворительной деятельности обителей епархии:

1. 60–80-е гг. XIX в. – возникновение просветительских и благотворительных заведений при монашеских обителях. Расширение социально-карикативной сферы приложения усилий монастырей.

2. 90-е гг. XIX в. – начало XX в. – количественный рост и качественные изменения в работе социальных и учебных заведений. Активизация деятельности монастырей как епархиальных центров просвещения и благотворительности. В конце XIX – начале XX в. для женских обителей были характерны следующие формы работы:

1) создание просветительско-благотворительных комплексов (школа, приют, богадельня, библиотека, больница);

2) создание учебных заведений по подготовке учителей.

Миссионерская направленность преобладала в работе большинства монастырских школ и приютов.

Новые условия требовали применения и нетрадиционных, современных форм работы. Опыт церковных училищ по подготовке учителей Томского архиерейского дома и Чемальской общины, Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском монастыре был признан передовым в империи. Просветительско-благотворительные заведения монашеских обителей занимали важнейшее место в программе развития просветительской деятельности в Томской епархии.

Данные выводы свидетельствуют о высокой степени влияния монашеских обителей на формирование социокультурных характеристик региона. Монашеские о.п., послушники и послушницы, составляя к 1916 г. лишь 0,028 % православного населения Томской епархии, оказывали значительное воздействие на духовную жизнь населения юга Западной Сибири, служили объединяющим компонентом благотворительных усилий государства и различных слоев общества, облекая их в конкретные общественно значимые формы.

Список использованных источников и литературы

Источники

Документы и материалы архивов

Российский государственный исторический архив:

- Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 18. Д. 2427; Оп. 105. Д. 679; Оп. 144. Д. 242; Оп. 148. Д. 1386; Оп. 174. Д. 1310; Оп. 180. Д. 2241; Оп. 190. Д. 230.
Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Оп. 2. Д. 7918; Оп. 32. Д. 63.
Ф. 803 (Училищный совет Синода). Оп. 1. Д. 1031, 1877.
Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 4. Д. 612.

ЦХАФ АК:

- Ф. 164 (Алтайская духовная миссия). Оп. 1. Д. 56, 81, 99, 132, 144, 157, 158; Оп. 2. Д. 9, 12, 77.
Ф. 187 (Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15.
Ф. 188 (Бийский Тихвинский монастырь). Оп. 1. Д. 1, 4А, 4В, 6А, 8, 11, 12.
Ф. 4 (Главное управление Алтайского округа). Оп. 1. Д. 3218.
Ф. Р-690 (Бийский окр. райсполком). Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Томской области:

- Ф. 170 (Томская духовная консистория). Оп. 1. Д. 3126А; Оп. 2. Д. 819, 1447, 3255, 3776; Оп. 3. Д. 1185, 1186, 1189, 1460, 1611, 1627, 1861, 1993, 2375, 2588, 3081, 3127, 3189, 3327, 3429, 3488, 3775, 3825, 4280, 4300, 4459; Оп. 4. Д. 375, 435, 445, 598.
Ф. 177 (Иоанно-Предтеченский женский монастырь). Оп. 1. Д. 1.
Ф. 182 (Томский архиерейный дом). Оп. 1. Д. 9.
Ф. 183 (Бийский архиерейный дом). Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 5.
Ф. 184 (Алтайская духовная миссия). Оп. 1. Д. 8, 20, 22, 24, 25.

Периодическая печать

Вера и разум. 1890. № 21, 23; 1891. № 7, 10.

Домашняя беседа. 1868. Вып. 3, 37 – 45.

Странник. 1866. № 45.

Томские епархиальные ведомости. 1880. № 4, 5, 6, 8; 1881. № 12, 16, 17, 19, 24; 1882. № 5, 7, 8, 14, 17; 1883. № 10, 12, 13, 15, 23; 1884. № 1, 4, 5, 6, 21–22; 1885. № 2, 4, 5, 6, 7, 9, 18, 20, 24; 1886. № 5, 7, 12; 1887. № 11, 12; 1888. № 2, 9, 17; 1889. № 5, 6, 11, 20; 1890. № 5, 6, 7; 1891. № 4, 5, 7; 1892. № 1, 2, 4, 5, 9, 10, 12, 17, 19; 1893. № 10, 15, 16, 17; 1894. № 13, 15, 20; 1895.

№ 7, 21; 1896. № 3, 15, 22, 24; 1897. № 5, 18, 23; 1898. № 3, 10, 13; 1899. № 2, 3, 4, 15, 17; 1900. № 2, 7, 9, 20; 1901. № 14; 1902 г. № 1, 8, 9; 1903. № 11, 12, 14, 15, 16; 1904. № 14, 15; 1905. № 6, 11, 17; 1906. № 2, 5, 7, 9–10, 12, 15–16; 1907. № 15; 1908. № 16, 18, 23, 24; 1909. № 7–8, 17, 23; 1910. № 8; 1911. № 5, 6, 7, 8–9, 12, 14, 17, 20; 1912. № 5, 12, 13, 16, 22; 1913. № 6, 7, 8–9, 10, 12, 18; 1914. № 7, 16; 1915. № 6–7, 8, 13, 16; 1916. № 2, 3, 6, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19; 1917. № 1, 2, 3, 6–7, 8, 10.

Томские губернские ведомости. 1863. № 32, 33.

Тобольские губернские ведомости. 1859. № 27; 1865. № 43–45.

Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 3–4; 1891. № 11–12; 1892. № 1–6.

Церковные ведомости. 1899. № 14, 32, 41; 1900. № 27, 28; 1902. № 44; 1903. № 20; 1909. № 6, 13–14.

Прибавления к церковным ведомостям. 1902. № 6; 1903. № 27; 1909. № 28.

Воспоминания, письма, путевые записки

1. *Вербицкий В. И.* Очерк деятельности Алтайской духовной миссии по случаю 50-летия ее юбилея (1830–1880) // Памятная книжка Томской губернии 1885 г. Томск, 1885. 221 с.

2. *Верещагин В. И.* По Восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 году // Алтайский сборник. Барнаул, 1906. 101 с.

3. *Верещагин В. И.* Поездка по Алтаю летом 1908 года (путевые записки) // Алтайский сборник. Барнаул, 1910. Т. X. С. 1–101.

4. *Владимир (Петров), архимандрит.* Записки миссионера // Домашняя беседа. 1868. Вып. 7. С. 169–175.

5. *Владимир (Петров), архимандрит.* Улалинская женская община новокрещенных на Алтае // Томские губернские ведомости. 1863. № 32. С. 192–195; № 33. С. 201–205; ТЕВ. 1904. № 14, 15. Неофиц. часть, миссионер. отдел.

6. Воспоминания архим. Пимена. М., 1877. 416 с.

7. *Гурьев В., протоиерей.* Из летописи церковной жизни Томской епархии // ТЕВ. 1906. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел.

8. *Гурьев В., священник.* Письма с Алтая (письмо четвертое) // Домашняя беседа. 1868. Вып. 3. С. 75–84; Прибытие на Чулышман (из записок миссионеров) // 1868. Вып. 6. С. 145–146.

9. Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае (XVII – начало XX в.). Барнаул: управление архивного дела администрации Алтайского края, 1997. 408 с.

10. Из воспоминаний о последних днях матери-Ольги, настоятельницы Улалинской женской общины в Алтайской миссии // Миссионер. 1875. № 9. С. 70–72.

11. Из духовного наследия Алтайских миссионеров: сборник / сост., вступит. статья и примечания *протоиерея Б. И. Пивоварова.* Новосибирск, 1998. 194 с.

12. *Илия, протоиерей.* В Семипалатинске (из путевых записок) // ТЕВ. 1881. № 19. Неофиц. отдел. С. 291–292.

13. *Конюхов И. С.* Памятная историческая записка. Рукопись. Отдел редких книг научной библиотеки ТГУ.

14. Макарий, архиепископ Томский и Алтайский. Полное собрание проповеднических трудов. Томск, 1910. 1048, XXXII с.

15. *Макарова-Мирская А. И.* Апостолы Алтая: сб. рассказов из жизни алтайских миссионеров. 2-е изд. Репринт. Харьков, 1914; М., 1997. 306 с.

16. *Макарова-Мирская А. И.* На служении Алтаю (Повесть о жизни и деятельности Высокопреосвященного Макария...). Харьков, 1914. 315 с.

17. Объяснительная записка начальника Алтайской миссии архим. Владимира // Домашняя беседа. 1868. Вып. 42. С. 1003–1014; Вып. 43. С. 1035–1045.

18. Письма Макария. Ч. 1. М., 1860.

19. Письма основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита Макария. Ч. 1. 3-е изд. Томск, 1903. 189 с.

20. *Постников В., протоиерей.* Мои воспоминания о первых днях служения в Алтайской духовной миссии бывшего начальника ее архимандрита Владимира // ТЕВ. 1898. № 10. Неофиц. часть, миссионер. отдел.

21. *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. 749 с.

22. *Тыжнов И. И.* Из Алтайских этюдов. Чолышманская долина. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXIV. СПб., 1909. 140 с.

23. *Чевалков М. В., протоиерей.* Памятное завещание // Памятное завещание: алтайская дореволюционная проза. Горно-Алтайск, 1990. С. 43–140.

24. *Швецов С. П.* Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900. 163 с.

Законодательные акты Российской империи, постановления, правила и уставы

1. Временные правила для сестер Чемальской женской общины // ТЕВ. 1911. № 20. Офиц. часть.

2. Инструкция благочинному монастырей // Церковное благоустройство: сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному ведомству. М., 1901. С. 112–115.

3. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: в 10 т. СПб., 1872–1911.

4. Проект устава Дома трудолюбия при Иоанно-Предтеченском монастыре // ТЕВ. 1894. № 15. Офиц. часть. С. 9–14.
5. ПСЗ. 1867. 45341.
6. ПСЗ. 1864. 41196.
7. ПСЗ. 1867. 45341.
8. Сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному ведомству. М., 1901. 447 с.
9. Сб. правил о школах церковно-приходских и грамоты / сост. П. Н. Снасский. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1898. 206, VI с.
10. Устав Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре // ТЕВ. 1897. № 24. Офиц. часть.
11. Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство: сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к Духовному ведомству. М., 1901. С. 5–64.
12. Циркулярные указы Св. Пр. Синода 1867–1900 гг. / собр. А. А. Завьялов. 2-е изд., доп. СПб., 1901. 444 с.

Делопроизводственные и статистические источники

1. Ведомость о мужских и женских монастырях и общинах за 1915 год. Петроград, 1915. 85, 16 с.
2. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. СПб., 1905.
3. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного вероисповедания за 1914 год. Пг., 1916. 328, прил. 144 с.
4. Григорович Н. Обзор учреждений в России православных монастырей со времени введения штатов по духовному ведомству (1764–1869). СПб., 1869. VI, X, 230 с.
5. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.
6. Историко-статистический обзор церковно-школьного дела в Томской епархии за 1884/85 – 1893/94 учебные годы // ТЕВ. 1897. № 23. Неофиц. отдел. С. 14–23.
7. Краткий отчет об Алтайской духовной миссии за 1905 год // ТЕВ. 1906. № 7. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 1–7.
8. Краткий отчет об Алтайской миссии за 1908 год // ТЕВ. 1909. № 7–8. Неофиц. часть, общецерковный отдел.
9. Описание монастырей в Российской империи. М., 1834. XII, 984 с.
10. Отчет по Дому трудолюбия... по 1 января 1895 года // ТЕВ. 1895. № 7. Неофиц. отдел.

11. Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1898 г. // ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел.
12. Отчет Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Томском Иоанно-Предтеченском женском монастыре за 1902 год // ТЕВ. 1903. № 11, 12. Неофиц. отдел.
13. Отчет о состоянии... Детского приюта трудолюбия и Дома трудолюбия при Иоанно-Предтеченском женском монастыре с 1 сентября 1904 по 1 сентября 1905 г. // ТЕВ. 1906. Офиц. часть.
14. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1880 г. // ТЕВ. 1881. Неофиц. отдел.
15. О миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской в 1882 году // ТЕВ. 1883. Неофиц. отдел.
16. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1884 год // ТЕВ. 1885. Неофиц. отдел.
17. Отчет Алтайской и Киргизской миссий за 1888 г. // ТЕВ. 1889. Неофиц. отдел.
18. Отчет о миссиях Томской епархии – Алтайской и Киргизской за 1890 г. // ТЕВ. 1891. Неофиц. отдел.
19. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1901 г. // ТЕВ. 1902. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
20. Отчет Алтайской духовной миссии за 1904 г. // ТЕВ. 1905. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
21. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1908 г. // ТЕВ. 1909. Неофиц. часть, миссионер. отчет.
22. Отчет об АДМ за 1910 год // ТЕВ. 1911. Неофициальная часть, миссионер. отдел.
23. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 г. // ТЕВ. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
24. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 год // ТЕВ. 1913. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
25. Отчет Алтайской духовной миссии за 1913 г. // ТЕВ. 1914. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
26. Отчет Алтайской духовной миссии за 1914 г. // ТЕВ. 1915. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
27. Отчет Томского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Томской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1911–1912 гг. Томск: Типография Дома трудолюбия, 1913.
28. Отчет Томского епархиального училищного совета за 1891/92 учебный год // ТЕВ. 1893. № 15, 16, 17. Неофиц. отдел.

29. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1904 г. // ТЕВ. 1905. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
30. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1905 г. // ТЕВ. 1906. № 5. Неофиц. отчет, миссионер. отдел.
31. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1912 г. // ТЕВ. 1913. № 8–9. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
32. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1914 г. // ТЕВ. 1915. № 8. Неофиц. часть, миссионер. отдел.
33. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 г. // ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть.
34. Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1916 г. // ТЕВ. 1917. № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел.
35. *Павловский А. А.* Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Н.Новгород, 1907. 784, 112, 4, (4), XVI с.
36. Православные монастыри и архиерейские дома в России, ныне существующие. М., 1889. 81 с.
37. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / сост. *П. П. Сойкин*. СПб., 1910. Репринт. СПб., 1994. 732, (2) с.
38. *Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. (4), 564, 45 с.
39. Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. II. М., 1872. 484 с.
40. Сведения о лечебных заведениях, имеющих при монастырях ведомства православного вероисповедания. СПб., 1908. 63 с.
41. Список настоятельниц женских монастырей и общин. СПб., 1889.
42. Справочная книга по Томской епархии 1898/99 г. Томск, 1900.
43. Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 г. Томск, 1911. 810 с.
44. Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914.

Литература

1. *Абрамов Н. А.* Абалакский Знаменский монастырь // Тобольские губернские ведомости. 1865. № 43–44.
2. *Абрамов Н. А.* Туринский Николаевский монастырь // Тобольские губернские ведомости. 1865. № 45.
3. *Абрамов Н. А.* Тюменский Троицкий монастырь // Странник. 1866 № 45.
4. *Адаменко А. М.* Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998.

5. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. 576 с.
6. *Алексеева В. К.* Роль новых отраслей в хозяйственном освоении дореволюционной Сибири // Исторический опыт освоения Сибири. Новосибирск, 1986. С.70–76.
7. *Амвросий.* История российской иерархии. Ч. 1–6. М., 1807–1815.
8. *Баранов В. С.* Летопись Верхотурского Никольского мужского монастыря. Нижний Новгород, 1910.
9. *Беликов Д. Н.* Старинные монастыри томского края. Томск, 1898. 211 с.
10. *Беликов Д. Н.* Томские старинные духовные начальники (заказчики). Томск, 1906.
11. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. 528 с.
12. *Богомолова А. П.* К вопросу о хозяйственно-экономической деятельности Улалинского монастыря (конец XIX – начало XX в.) / *А. П. Богомолова, Н. С. Модоров* // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Бийск, 1999. С. 296–298.
13. *Бояршинова З. Я.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории землевладения СССР. М., 1952.
14. *Бугаева Н. И.* Архитектура Далматова монастыря и ее значение в развитии каменного зодчества Урала и Сибири XVIII века // Вопросы градостроительства и архитектуры Урала. М., 1987. С. 89–98.
15. *Булыгин И. А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVII века. М., 1977. 212 с.
16. *Буркин Н.* Монастыри в России. Их эксплуататорская и контрреволюционная роль. М., 1931. 40 с.
17. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.
18. *Буцинский П. Н.* Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан // Вера и разум. 1890. № 21, 23.
19. *Буцинский П. Н.* Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим // Вера и разум. 1891. № 7, 10.
20. *Бычкова Т. А.* К истории иконописания Томского уезда XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Вып. 1. История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк, 1993. С. 121–129.
21. *Бычкова Т. А.* Наиболее чтимые иконы Томской губернии // Сибирский город вчера и сегодня: тезисы научно-практической конференции, посвященной 380-летию Новокузнецка. Новокузнецк, 1998. С. 23–26.

22. *Варлаков Г.* Заметка к описанию Тобольского Знаменского монастыря // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 27.

23. *Волкова В. Н.* Книга и чтение в среде коренных народов Сибири второй половины XIX века // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 143–144.

24. *Волчек В. А.* Русская Православная Церковь как фактор сохранения нации // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона: тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции. Кемерово, 1996. С. 5–8.

25. *Воробьева Г. К.* Женщины-благотворительницы в истории Омска // Катанаевские чтения-98: материалы докладов второй Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1998. С. 95–100.

26. *Воронец Е. Н.* Православная миссия в Сибири и отношение к ней гражданского правительства // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. М., 1887. Январь. Год XXV. Отд. I. С. 101–128.

27. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг.: в 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. 302 с.

28. *Гагарина А. Ю.* Вятчанки в Серафимо-Дивеевском и Серафимо-Понетаевском женских монастырях Нижегородской губернии / *А. Ю. Гагарина, А. В. Седов* // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Киров, 1996. Т. 1. С. 85–88.

29. *Галаганов З. П.* Сельскохозяйственное освоение Кузбасса русскими крестьянами в XVII в. // 55 лет Кемеровской области: материалы научно-практической конференции. Кемерово, 1998. С. 33–36.

30. *Гизей Ю. Ю.* Церковно-приходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX в. (по материалам Томской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004.

31. *Глубокая С. Г.* Идеалы, задачи, проблемы русского православного миссионерства в конце XIX – начале XX веков // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона: тезисы докладов и сообщений межрегиональной научно-практической конференции. Кемерово, 1996. С. 123–126.

32. *Головин П.* Кондинский Троицкий монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 1–6. Неофиц. часть.

33. *Голубев П.* Народное образование // Алтай. Томск, 1890. С. 236–298.

34. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1917. Т. 2. 616 с.

35. *Горбань Н. В.* Движения крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII веке // Ученые записки Омского педагогического института. 1949. Вып. 4. С. 75–194.

36. *Горелов Ю. П.* Сибирские власти в Русско-японской войне // Ученые записки факультета истории и международных отношений (памяти Зинаиды Георгиевны Карпенко). Вып. 1. Кемерово, 2001. С. 225–230.

37. Город Томск. Томск, 1912. 345, 77 с.

38. *Городецкий А. Э.* Города Томской губернии во второй половине XIX века (численность и состав населения) // История освоения юга Сибири: экономика, политика, культура: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Бийск, 1999. С. 278–282.

39. *Городецкий А. Э.* Население Барнаула и Бийска во второй половине XIX века // Россия и мировой исторический процесс: материалы Всероссийской межвузовской конференции. Бийск, 1999. С. 93–94.

40. *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977. 365 с.

41. *Горчаков М. И.* О земельных владениях Всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.). СПб., 1871.

42. *Грамматин П.* Тобольский Знаменский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 3, 4.

43. *Грекулов Е. Ф.* Православная церковь – враг просвещения. М., 1962. 192 с.

44. *Грекулов Е. Ф.* Секуляризация церковных имений в России. 2-е изд., доп. М., 1931. 77 с.

45. *Грекулов Е. Ф.* Церковь. Самодержавие. Народ. (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1969. 184 с.

46. *Громыко М. М.* Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. 267 с.

47. *Громыко М. М.* Церковные вотчины Западной Сибири накануне секуляризации // Сибирь XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 158–185.

48. *Гузнер И. А.* Библиотеки Сибири в XVII–XVIII вв. // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1977. С. 19–40.

49. *Гумберт К.* Дома трудолюбия в России // Томские епархиальные ведомости. 1897. № 5. Неофиц. отдел. С. 15–30.

50. *Гуревич А. Я.* Двоякая ответственность историка // Проблемы исторического познания: материалы Международной конференции. М., 1999. С. 10–20.

51. *Дементьев Е. И.* Савво-Сторожевой монастырь и его крестьяне во 2-й половине XVII в. М., 1983.

52. *Дмитриев С. С.* Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4. С. 20–54.

53. *Дмитриенко Н. М.* Демографическая структура сибирского города эпохи капитализма (на материалах Томска) // Проблемы истории

дореволюционной Сибири. Томск, 1989; *Он же*. Промышленность Томска в эпоху капитализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 62–85.

54. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М., 1907.

55. *Догуревич Т. А.* Распространение христианства в Сибири. СПб., 1897.

56. *Долгоруков В. А.* Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. III, 458, 80 с.

57. Дом трудолюбия // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1898. Т. XI.

58. *Дурново Н. Н.* Девятьсотлетие русской иерархии (988–1888). Епархии и архиереи. М., 1888.

59. *Ефимкин М. М.* Актуальные проблемы исторической науки на современном этапе, их место в исторических дисциплинах // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов Сибири: материалы Всероссийских научных чтений. Кемерово, 1999. С. 109–112.

60. За Христа пострадавшие: гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Книга 1. А-К. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1997. 704 с.

61. *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862. 414 с.

62. *Зверева К. К.* Уровень грамотности крестьянства Сибири накануне Октябрьской революции // Великий Октябрь и социалистические преобразования в Сибири (секции I, II, III): тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Новосибирск, 1987. С. 26–27.

63. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. Т. 1–3. СПб., 1890–1897. 294, XVII с.

64. *Зверинский В. В.* Монастыри в Российской империи // Статистический временник Российской империи. Серия III. Вып. 18. СПб., 1887. 106 с.

65. *Знаменский П. В.* История русской церкви. М., 2000. 462 с.

66. *Зуев А. С.* Секретные узники сибирских острогов: очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в. / А. С. Зуев, Н. А. Миненко. Новосибирск, 1992.

67. *Зыбковец В. Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921). М., 1975. 205 с.

68. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002. 320 с.

69. *Иванов К. Ю.* Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001.

70. *Иванов Ю. Н.* Феодалное землевладение в Казанской епархии. Казань, 1971.

71. *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей: опыт историко-канонического исследования. Харьков, 1905.

72. История названий томских улиц. Томск, 1998.

73. История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского / сост. *диакон М. Кудрявцев*. М., 1999. 274 с.

74. История Православной Церкви в XIX веке. Славянские церкви. Репринт изд. 1901 года. Сергиев Посад, 1998. 758, XII с.

75. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. 568 с.

76. *Кацюба Д. В.* Кузнецкий Христорождественский мужской монастырь // 50 лет коренного перелома в Великой Отечественной войне. 50 лет Кемеровской области. Кемерово, 1992. С. 67–69.

77. *Кацюба Д. В.* Алтайская духовная миссия. Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. 156 с.

78. *Кильчевский В.* Богатство и доходы духовенства. СПб., 1908. 46 с.

79. *Кимеев В. М.* Православные храмы Кузбасса / В. М. Кимеев, Д. Е. Кандрашин, В. Н. Усольцев. Кемерово, 1996. 307 с.

80. *Кислицин В. Н.* Алтайская духовная миссия и ее деятельность в Горном Алтае // Вопросы географии Сибири. Вып. 20. Томск, 1993. С. 83–91.

81. *Коцевольская Л.* В Сибирской Швейцарии // ТЕВ. 1912. № 5. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 301–311.

82. Краткая историческая записка о Доме трудолюбия при Томском женском монастыре // ТЕВ. 1898. № 3. Неофиц. отдел.

83. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1996. Т. 3. Кн. 2.

84. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747–1897). СПб, 1897.

85. *Куприянов А. И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. 157 с.

86. *Лебедев В. В.* Омское епархиальное братство // Русское православие в Сибири: история и современность: материалы Международной научной конференции «Русское православие: четыре века в Сибири. К 100-летию Омско-Тарской епархии». Омск, 1995. С. 81–83.

87. *Любинецкий Н. А.* Землевладение церковей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. 38 с.

88. *Макарий, митрополит.* История русской церкви: в 12 т. СПб., 1881–1890.

89. *Макарьевский М.* Серафимо-Понетаевский монастырь // Прибавления к Церковным ведомостям. 1903. № 27. С. 1022–1023.

90. *Манькова И. Л.* Далматовский Успенский монастырь как место ссылки и заточения // Религия и церковь в Сибири. Вып. 2. Тюмень, 1991. С. 21–30.

91. Манькова И. Л. Роль монастырей в освоении Сибири XVII – начала XVIII в. // Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири. Тюмень, 1994.

92. Манькова И. Л. История Урало-Сибирских монастырей как предмет изучения // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 105–106.

93. Манькова И. Л. Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVII–XVIII вв. / И. Л. Манькова, А. Т. Шашков // Русская книга в дореволюционной Сибири: государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 65–67.

94. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. 548 с.

95. Мисюрев А. А. Краткий историко-статистический очерк Томской епархии. Томск, 1897. 76 с.

96. Модоров Н. С. Россия и Горный Алтай: политические, социально-экономические и культурные отношения (XVII–XIX). Горно-Алтайск, 1996. 400 с.

97. Модоров Н. С. Культура алтайцев в пореформенное время / Н. С. Модоров, А. В. Эбель // Этническая история и культура народов советской страны: Всесоюзная научная конференция молодых ученых: тезисы докладов. Омск, 1991. С. 116–118.

98. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки. М., 2002. 346 с.

99. Мукаева Л. Н. История народного образования в Горном Алтае в 1920–1930 гг. // Этническая история и культура народов Советской страны: тезисы докладов. Омск, 1991. С. 178–179.

100. Нестор (иеромонах). Православие в Сибири. СПб., 1910.

101. Нечаева М. Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. 218 с.

102. Нечаева М. Ю. Грамотность монашества Екатеринбургской епархии в начале XX века // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Екатеринбург, 1998. С. 304–310.

103. Никольский Н. М. История русской церкви. 4-е изд. М.: Политиздат, 1988. 448 с.

104. Новое миссионерское общество в России. СПб., 1865. 72 с.

105. Освальт Ю. Духовенство и реформа приходской жизни 1861–1865 гг. // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 140–149.

106. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. 280 с.

107. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. 480 с.

108. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000.

109. Плотников Г. С. Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906.

110. Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. 176 с.

111. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. Т. 2. Казань, 1913. 892 с.

112. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

113. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 444 с.

114. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91. СПб., 1897. 236 с.

115. Привалихина С. В. Мой Томск. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 2-е изд. 274 с.

116. Приклонский Ал. Жизнь пустынноницы Анастасии (Логачевой), впоследствии инокини Афанасии. М., 1902.

117. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. 1888–1917. Томск, 1996. 288 с.

118. Прошин Г. Г. Черное воинство: Русский православный монастырь. Легенда и быль. М., 1985. 320 с.

119. Прошин Г. Г. Правда о православных монастырях // Атеистические чтения: сборник. М., 1989. С. 327–337.

120. Пустогачева Т. В. Становление и развитие торговых отношений Горного Алтая // Горный Алтай и Россия. 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. С. 182–186.

121. Религиозно-нравственные чтения при домово́й Архиерейской церкви // ТЕВ. 1889. № 20. Неофиц. отдел. С. 23–31.

122. Религиозно-нравственные чтения при Архиерейской домово́й церкви // ТЕВ. 1890. № 7. Неофиц. отдел. С. 22–33.

123. Религия и церковь в истории России (советские историки о православной церкви в России). М., 1975. 255 с.

124. Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца): материалы Международной научной конференции. Т. 1–2. Киров, 1996. 512 с.

125. Ремизов А. В. Рукоположенные краезнатцы: православное духовенство в Сибирском краеведении (к постановке вопроса) // Русское православие в Сибири: история и современность: материалы Международной научной конференции. Омск. 1995. С. 125–128.

126. Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. 567 с.

127. Римский С. В. Русская Православная Церковь в XIX веке. Ростов н/Д, 1997. 384 с.

128. *Римский С. В.* Церковная реформа 60–70-х годов XIX века // Вопросы истории. 1995. № 9.
129. *Римский С. В.* Церковные реформы в России 60–70-х годов XIX столетия: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
130. Ростиславов Д. И. Опыт исследования о имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876. 396 с.
131. РПЦ. Монастыри: Энциклопедический справочник / сост. *А. В. Никольский*. М., 2000. 464 с.
132. Русское православие: вехи истории. М., 1989. 719 с.
133. *Сагалаев А. М.* Христианизация алтайцев в конце XIX – начале XX в. (Методы и результаты) // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 120–127.
134. *Садовой А. Н.* Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX в.). Кемерово, 1992. 198 с.
135. *Сахаров А. Н.* К изучению истории русской церкви // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 167–179.
136. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I–II. СПб., 1901–1903.
137. *Семевский В. И.* Крестьяне духовных вотчин во второй половине XVIII в. // Русская мысль. 1882. Кн. 9–10.
138. *Скачкова Г. К.* Женские монастыри Тобольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Русский вопрос: история и современность: материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск, 1998. С. 205–210.
139. *Скачкова Г. К.* К вопросу о духовном развитии женщин Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 146–147.
140. *Скачкова Г. К.* Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. (1860–1917): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1998.
141. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. 676 с.
142. *Смирнов Е. К.* Очерк исторического развития и современного состояния православной миссии. СПб., 1904. 91 с.
143. *Смирнягина О. П.* Из истории развития здравоохранения Горного Алтая // Гуляевские чтения: материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 88–95.
144. *Смолич И. К.* Русское монашество. 988–1917. Жизнь и учение старцев. Приложение к «Истории Русской церкви». М., 1997. 607 с.
145. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. 799 с.; Ч. 2. М., 1997. 800 с.
146. *Солодчин И. В.* Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 37–42.
147. *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. 1055, 67 с.
148. *Сулоцкий А. И.* Викарство Тобольской епархии новое и древнее, выделение из нее новых епархий. Омск, 1871.
149. *Сулоцкий А. И.* Заметки к описанию Тобольского Знаменского монастыря // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 27.
150. *Сулоцкий А. И.* Тобольские и Томские архипастыри. Омск, 1881.
151. *Сумароков П.* Миссионерство в Сибири // Христианские чтения. 1883. С. 411–435, 561–595.
152. *Терлеева Е. С.* Хозяйственно-экономическая деятельность Русской Православной Церкви (на примере монастырей): дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
153. Тобольская епархия. Омск, 1892. Ч. 1–2.
154. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории: пер. с англ. / сост. *А. П. Огурцов*. М., 1991. 736 с.
155. Томский Богородицкий Алексеевский монастырь // ТЕВ. 1887. № 11. Неофиц. отдел.
156. *Туров С. В.* Секуляризация земельных владений Тюменского Свято-Троицкого монастыря в XVIII в. // Культурное наследие Азиатской России: материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 106–107.
157. *Тюкавкин В. Г.* Крестьянство России в период трех революций / *В. Г. Тюкавкин, Э. М. Шагин*. М., 1987. 206 с.
158. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. 480 с.
159. *Ферамонти Е.* Монашество в процессе становления европейской культуры и цивилизации // Православие. Общество. Культура: материалы Международной научной конференции. Омск, 1995. С. 202–207.
160. *Филарет, архиепископ.* История Русской церкви. Т. 1–5. Чернигов, 1862.
161. *Флоровский Г., протоиерей.* Пути русского Богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.
162. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 272–378.
163. Храмы Томска / Сост. *Г. Скворцов*. Томск, 1990.
164. *Храпова Н. Ю.* Место и роль духовной миссии в процессе колонизации и хозяйственного освоения Горного Алтая (1828–1905): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. 224 с.

165. Храпова Н. Ю. Захваты земель Горного Алтая Алтайской духовной миссией в пореформенный период // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 206–218.

166. Храпова Н. Ю. О культурно-исторической роли Алтайской духовной миссии в освоении Горного Алтая в XIX – начале XX в. // Русское православие в Сибири: история и современность: материалы Международной конференции. Омск, 1995.

167. Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.): критические очерки. М., 1967. 335 с.

168. Церковь в истории России. Сб. 1. М., 1997. 202 с.

169. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. 463 с.

170. Щербич С. Н. История монастырей Тобольской епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Опыт социокультурного исследования: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2001.

171. Шорохов Л. П. Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII–XVIII веках. Красноярск, 1983. 164 с.

172. Шорохов Л. П. Узники сибирских монастырей в XVIII в. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. XVIII – начало XX в. Новосибирск, 1978.

173. Шорохов Л. П. Церковь и освоение Сибири в XVII–XVIII вв.: характеристика источников // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири: тезисы докладов и сообщений. Вып. 1. Новосибирск, 1988. С. 151–153.

174. Шунков В. И. Очерки по истории землевладения Сибири (XVIII век). М., 1956.

175. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.

176. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. 471 с.

Принятые сокращения

РГИА – Российский государственный исторический архив

ГАТО – Государственный архив Томской области

ЦХАФ АК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи

УДК – Устав духовных консисторий

ТЕВ – Томские епархиальные ведомости

МНП – Министерство народного просвещения

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Архиерейские дома, монастыри и общины Томской епархии в 1916 г.

Наименование	Количество	Дата основания	Число монашествующих	Число послушников
Архиерейские дома:				
1. Томский		1834 г.	11	5
2. Бийский		1880 г.	9	1
Мужские монастыри и пустыни:				
1. Чулышманский		1864 г.	10	6
2-классный общежительный миссионерский		1663 г.	15	33
2. Томский 3-классный Богородице-Алексеевский общежительный				
3. Александровская пустынь		1912 г.	8	4
ИТОГО	5		53	49
Женские монастыри:				
1. Томский Иоанно-Предтеченский		В 1876 г. преобр. из общины, осн. в 1864 г.	36	184
2. Улалинский Николаевский миссионерский		В 1881 г. преобр. из общины, осн. в 1863 г.	18	144
3. Барнаульский Богородице-Казанский		В 1900 г. преобр. из общины, осн. в 1894 г.	23	164
4. Бийский Тихвинский		В 1900 г. преобр. из общины, осн. в 1894 г.	26	193
ИТОГО	4		103	685
Женские общины:				
1. Чемальская миссионерская		1911 г.	4	34
2. Матурская Иверская		1912 г.	1	17
3. Кучумовская Алексеевская		1916 г.	1	13
4. Синюхинская		1911 г.	2	10
ИТОГО женских общин	4		8	74
ИТОГО женских монастырей/общин	8		111	759
ВСЕГО в Томской епархии	13		164	808

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 11, 13, 42–59; Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 27–29; Д. 15. С. 54–89; Отчет Томского комитета Православного миссионерского общества за 1915 год // ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 509–514, 513; № 16. С. 700–701; Белоуско А. Новая женская община на Алтае // ТЕВ. № 7. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 398–399; Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 год // ТЕВ. № 10. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 487; № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 589–99.

Таблица 2

Рост капиталов Томского Алексеевского мужского
и Иоанно-Предтеченского монастырей (1895–1910)

Наименование	Капитал к 1 июля 1895 г.	Капитал в 1910 г.	Увеличение капитала за период, в руб.
ТАМ	4850	53441	48591
Иоанно-Предтеченский монастырь	50180	86400	36220

ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 435. Л. 7–8.

Таблица 3

Неприкосновенные капиталы монастырей Томской епархии в 1909 г. (в руб.)

Наименование	Всего	Церковный	Монастырский	Учебных и благотворительных заведений
Томский Алексеевский	54717	22769	31948	—
Чульшманский Благовещенский	4274	—	3020	1254 (приюта)
Иоанно-Предтеченский	85550	38560 (церковный и причта)	35590	11400 (училища)
Улалинский Николаевский	42218			
Барнаульский Богородице-Казанский	36970	8000	28970	—
Бийский Тихвинский	14518			

Составлена нами по: Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 гг. Томск, 1911. С. 89–105.

Таблица 4

Основные источники содержания монастырей Томской епархии в 1909 г. (в руб.)

Наименование	Общий доход	Содержание от казны	Процент с монастырского капитала	От сельского хозяйства и мастерских	Арендные статьи	От свечного производства
Томский Алексеевский	11523	700	967	551	8900	—
Иоанно-Предтеченский	26031	—	1352	993	4640	13820
Улалинский Николаевский	4822	400 (пособие от АДМ)	1500	1482	500	не указан
Барнаульский Богородице-Казанский	13681	—	1052	3723	1268	4017

Составлена нами по: Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 гг. Томск, 1911. С. 89–105.

Таблица 5

Земельный фонд архиерейских домов, монастырей, женских общин
Томской епархии в 1910 г.

Наименование	Усадебной	Пахотной	Луговой (сенокос.)	Под огород	Под сады (выгон скота)	Под лесом	Неудобной (под болотами и кручами)	Водных пространств	ВСЕГО
1. Томский архиерейский дом	2 дес. 1169 кв. саж.	17 дес. 1269 кв. саж.	205 дес. 1131 кв. саж.	—	—	8 дес.	9 дес.	—	242 дес. 1169 кв. саж.
2. Бийский архиерейский дом	7 дес.	—	—	—	—	—	—	—	7 дес.
3. Томский Алексеевский монастырь	11 дес. 261 кв. саж.	4 дес.	40 дес.	1 дес.	—	735 дес.	15 дес. 73 кв. саж.	392 дес. 1193 кв. саж.	1198 дес. 2327 кв. саж.
4. Иоанно-Предтеченский монастырь	15 дес. 1050/кв. саж.	—	85 дес.	17 дес.	25 дес. 1100 кв. саж.	307 дес. 2043 кв. саж.	12 дес. 370 кв. саж.	2 дес. 1750 кв. саж.	465 дес. 1513/кв. саж.
5. Барнаульский Богородице-Казанский монастырь	22 дес.	—	—	—	—	—	—	—	22 дес.
6. Бийский Тихвинский монастырь	29 дес.	—	—	—	—	—	—	—	29 дес.
7. Чульшманский Благовещенский монастырь	4 дес.	962 дес.	214 дес.	—	—	1819 дес.	859 дес.	—	3858 дес.
8. Улалинский Николаевский монастырь	23 дес.	184 дес.	86 дес.	—	—	2754 дес.	3397 дес. 1297 кв. саж.	—	6444 дес. 1297 кв. саж.
ИТОГО	114 дес. 80/кв. саж.	1167 дес. 1269 кв. саж.	630 дес. 1131 кв. саж.	18 дес.	25 дес. 1100 кв. саж.	5623 дес. 2043 кв. саж.	4292 дес. 1740 кв. саж.	395 дес. 1343 кв. саж.	12,267 дес. 1506/кв. саж.

ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 455. Л. 50–51. У Кабинета арендовали земли в 1910 г.: Барнаульский монастырь — ок. 800 дес., Бийский — ок. 450 дес.

Таблица 6

**Настоятельницы женских монастырей и общин Томской епархии
во второй половине XIX – начале XX в.**

Наименование	Имя настоятельницы	Годы управления обителью	Из какой обители поступила
Томский Иоанно-Предтеченский монастырь	Монахиня Евпраксия	1864–1877	Основательница общины, купеческая вдова, г. Томск
	Игуменья Серафима	1877–1899	В 1877 г. из Енисейского монастыря. Рясофорной
	Игуменья Зинаида	1899–1916	В 1874 г. из Туринского монастыря Тобольской губ. Рясофорной
	Игуменья Анастасия	1916–?	Поступила в монастырь в 1865 г.
Улалинский Николаевский монастырь	Схимонахиня Афанасия	1864–1866 1868–1870 1873–1874	В 1863 г. из Ардатовского Покровского монастыря Нижегородской губ. Рясофорной
	Дарья Киселева	1866–?	Из Дивеевского монастыря
	Монахиня Ольга	1870–1872	В 1869 г. из Влахернского монастыря Московской епархии
	Монахиня Алексия	1874–?	Из Московского Зачатьевского монастыря
	Игуменья Анастасия	1881–1890	В 1878 г. из Томского Иоанно-Предтеченского монастыря, куда поступила в 1870 г. из Енисейского монастыря
	Игуменья Серафима	1890–?	Поступила в общину в 1870 г.
Бийский Тихвинский монастырь	Монахиня Евпраксия	1894–1902	Из Улалинского монастыря, куда поступила в 1871 г. из Бузулукского Тихвинского монастыря Самарской епархии
	Игуменья Ироида	1903–1920	Из Барнаульской общины, куда поступила в 1896 г.
Барнаульский Богородице-Казанский монастырь	Игуменья Парфения	1894–?	В 1893 г. из Краснослободского Троицкого монастыря Пензенской губернии
Чемальская община	Игуменья Людмила	1911–?	Рясофорная Томского Иоанно-Предтеченского монастыря
Матурская община	Рясофорная Анна Ямова	1912–?	Рясофорная Томского Иоанно-Предтеченского монастыря
Синюхинская община	Основательницы рясофорные А. Степанова, Н. Савенкова	1911–?	Из Царево-Кокшайского Богородице-Сергиевского монастыря
Кучумовская Алексеевская община	Монахиня Вера	1916–?	Из Александровского Кошлоушского монастыря Казанской епархии

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1185. Л. 1–3; Д. 1186. Л. 1–3; Д. 1460. Л. 45–46; Д. 3429. Л. 15–16, 43–45; Д. 3825. Л. 9; Д. 4459. Л. 4–5; Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–101; Д. 5. Л. 93–96; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35, 59–61; Солодчин И. В. Алтайская миссия // Домашняя беседа. Вып. 41. С. 986; ТЕВ. 1913. № 18. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 986; ТЕВ. 1916. № 15. Неофиц. часть. С. 513; ТЕВ. 1916. № 19. Неофиц. часть. С. 676; ТЕВ. 1917. № 10. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 214.

Таблица 7

**Рост численности монашествующих, послушников и послушниц
монастырей и общин Томской епархии в 1869–1886 гг.**

Наименование	1869 г.		1880 г.		1886 г.	
	м.	п.	м.	п.	м.	п.
Томский Алексеевский мужской монастырь	6	6	6	6	3	14
Чулышманский миссионерский мужской монастырь	4	1	3	0	1	1
Томский архиерейский дом	2	8	2	2	1	5
Бийский архиерейский дом	—	—	—	—	1	0
Всего монахов и послушников	12	15	11	8	6	20
Томский Иоанно-Предтеченский женский монастырь	1	26	6	42	8	69
Улалинский Николаевский миссионерский женский монастырь	1	16	1	59	4	106
Всего монахинь и послушниц	2	42	7	101	12	175
ИТОГО	14	57	18	109	18	195

Составлена нами по: 1869 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 8–13; 1880 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3081. Л. 6–7; 1886 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3488. Л. 89; Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–6.

Таблица 8

Численность монашествующих о.п., послушников и послушниц монастырей и общин Томской епархии в 1898–1899 гг.

Наименование	Всего	Число монашествующих	Число рясофорных	Число послушников
Томский архиерейский дом	6	1	—	5
Бийский архиерейский дом	3	2	1	—
Томский Алексеевский монастырь	10	6	—	4
Чулышманский монастырь	8	3	1	4
<i>Итого м. п.</i>	<i>27</i>	<i>12</i>	<i>2</i>	<i>13</i>
Улалинский Николаевский монастырь	140	7	—	133
Томский Иоанно-Предтеченский монастырь	130	13	24	93
Барнаульская Богородице-Казанская община	115	2	18	95
Бийская Тихвинская община	89	1	11	77
<i>Итого ж. п.</i>	<i>474</i>	<i>23</i>	<i>53</i>	<i>265</i>
Всего о. п.	501	35	55	278

Составлена нами по: ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Бийский монастырь – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46; Улалинский монастырь – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; Томские монастыри – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3775. Л. 55; Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900. С. 76–77; Бийский архиерейский дом – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–8; Томский архиерейский дом – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3488. Л. 19; Чулышманский монастырь – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–13.

Таблица 9

Монастыри и монашествующие сибирских губерний в 1907 г.

Регион	Мужских монастырей и архиерейских домов	Женских монастырей и общин	Монашествующих и послушников муж. пола	Жен. пола	О. п.
Российская империя	616 (76)	428 (61)	24444	65959	90403
Енисейская губерния	5	2	42	171	213
Забайкальская область	4	2	36	33	69
Иркутская губерния	6	1	144	237	381
Тобольская губерния	4	4	83	420	503
Томская губерния	4	4	27	501	528

Составлена нами по: Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. IX–X, 220, 223, 226, 858, 865.

Таблица 10

Численность монашествующих, послушников и послушниц иноческих обителей Томской епархии в 1909–1910, 1916 гг.

Наименование	1909–1910		1916	
	монаш.	послуш.	монаш.	послуш.
Томский архиерейский дом	—	—	11	5
Бийский архиерейский дом	12	2	9	1
Томский Алексеевский мужской монастырь	9	40	15	33
Чулышманский миссионерский мужской монастырь	5	11	10	6
Александровская пустынь	—	—	8	4
<i>Итого</i>	<i>26</i>	<i>53</i>	<i>53</i>	<i>49</i>
Улалинский Николаевский миссионерский жен. монастырь	16	142	18	144
Томский Иоанно-Предтеченский жен. монастырь	26	158	36	184
Бийский Тихвинский жен. монастырь	15	157	23	164
Барнаульский Богородице-Казанский жен. монастырь	10	142	26	193
Чемальская миссионерская жен. община	—	—	4	34
Матурская жен. община	—	—	1	17
Кучумовская жен. община	—	—	1	13
Синюхинская жен. община	—	—	2	10
<i>Итого</i>	<i>67</i>	<i>599</i>	<i>111</i>	<i>759</i>
Всего	93	652	164	808

Составлена нами по: 1909–1910 гг. – Справочная книга по Томской епархии за 1909–1910 год. Томск, 1911. С. 89–92, 94, 103–107; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 67–101, 107–132; ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 9. Л. 45–46; Д. 8. Л. 44об.; 1916 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 13, 16а–16, 33.

Таблица 11

Состав братии Томского Алексеевского монастыря в 1869–1898 гг.

Состав братии	1869	1871	1880	1887	1894	1898
Архимандрит	1	1	1	1	1	1
Казначей	1	1	1	—	—	1
Иеромонахи	1	2	3	—	3	2
Иеродиакон	2	2	1	2	—	1
Монахи	—	—	—	—	3	2
Священники, диаконы	1	1	1	10	3	2
Послушники	7	8	6	8	7	4
Всего	13	15	13	21	17	13

Составлена нами по: 1869 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 3; 1871 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1861. Л. 2–3; 1880 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3081. Л. 6–7; 1887 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3488. Л. 38; 1894 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3775. Л. 55; 1898 г. – Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900. С. 76–77.

Таблица 12

Социальный состав сестер Томского Иоанно-Предтеченского монастыря в 1869, 1883 гг. (в % от общего числа сестер)

Социальное происхождение	1869	1883
Из крестьян	48	71,6
Из мещан	37	23,8
Из духовенства	—	3
Из военного	7,4	1,5
Из купеческого	3,7	—
Из казаков	3,7	—
Общее количество сестер	27 чел.	67 чел.

Составлена нами по: Иоанно-Предтеченский монастырь, 1869 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 15–31; 1883 г. – Д. 1460. Л. 45–52.

Таблица 13

Социальный состав сестер Улалинского Николаевского монастыря
в 1876–1912 гг. (в % от общего числа сестер)

Социальное происхождение	1876	1890	1898	1903	1910	1912
Из крестьян	70	70	71	78,5	79	77
Из мещан	7	13	11	8,3	7,6	8,8
Из духовенства	—	1,6	1,5	0,7	0,6	0,6
Из военного	2,3	—	2,2	0,7	0,6	—
Из инородок	16	12,2	11,5	8,3	9,5	11,6
Из горного ведомства	4,6	3,2	2,8	3,5	2,5	2
Общее количество сестер	43	123	140	144	158	172

Составлена нами по: Улалинский Николаевский монастырь, 1876 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52; 1890 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; 1898 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; 1903 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–52; 1910 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–92.

Таблица 14

Социальный состав сестер Барнаульского Богородице-Казанского монастыря
в 1899–1913 гг. (в % от общего числа сестер)

Социальное происхождение	1899	1902	1908	1913
Из крестьян	78	81	86	89
Из мещан	17	14,6	10,9	8,4
Из духовенства	1,6	1,3	—	—
Из военного	2,5	2,5	2,5	2,1
Дочь коллежского асессора	0,8	0,6	0,6	0,5
Общее количество сестер	122	157	156	191

Составлена нами по: Барнаульский Богородице-Казанский монастырь, 1899 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–66; 1902 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–36; 1908 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–40; 1913 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–46.

Таблица 15

Социальный состав сестер Бийского Тихвинского монастыря
в 1898–1912 гг. (в % от общего числа сестер)

Социальное происхождение	1898	1903	1910	1912
Из крестьян	75,2	73,5	74,5	77,5
Из мещан	11,2	8	7,5	8,8
Из духовенства	—	1,8	1	1
Из военного	13,5	12,4	12,3	9,3
Из инородок	—	2,5	2,3	1,6
Из дворян	—	—	0,6	0,6
Из купеческого	—	—	0,6	0,6
Из казаков	—	0,9	0,6	0,6
Дочь горного урядника	—	0,9	0,6	—
Общее количество сестер	89	113	172	182

Составлена нами по: Бийский Тихвинский монастырь, 1898 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46; 1903 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–52; 1910 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 184. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–61.

Таблица 16

Социальный состав монахинь и послушниц Улалинского Николаевского, Барнаульского
Богородице-Казанского, Бийского Тихвинского женских монастырей в 1898–1899 гг.
(в % от общего числа сестер)

Социальное происхождение	Улалинский Николаевский монастырь	Барнаульский Богородице-Казанский монастырь	Бийский Тихвин- ский монастырь
Из крестьян	71	78	75,2
Из мещан	11	17	11,2
Из духовенства	1,5	1,6	—
Из военного	2,2	2,5	13,5
Из инородок	11,5	—	—
Горного ведомства	2,8	—	—
Дочь коллежского асессора	—	0,8	—
Из них вдов	4	2,5	3,5
Общее число сестер	140	122	89

Составлена нами: Улалинский Николаевский монастырь – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; Барнаульский Богородице-Казанский монастырь – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–66; Бийский Тихвинский монастырь – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46.

Таблица 17

Сестры Чемальской миссионерской женской общины в 1912 г.

Ф. И. О., возраст	Должность, мо- нашеская степенъ	Социальное происхождение	Географическое происхождение	Образовательный уровень
Михайлова Л. Т., 34 года	Начальница общины, рясо- форная	Дочь мещанина	Томск	Женская Том- ская гимназия
Дроздецкая А. С., 40 лет	Помощница начальницы, рясофорная	Дочь унтер- офицера	—	Грамотна
Нагайцева Е. М., 48 лет	Экономка, рясофорная	Дочь крестья- нина	Бийский уезд Томской губер- нии	Грамотна
Козлова И. М., 71 год	рясофорная	Дочь инородца	Бийский уезд Томской губер- нии	Грамотна
Панкина П. Т., 22 года	Послушница	Дочь крестья- нина	Тобольская губерния	Одноклассная церковно- приходская школа
Терентьева Е. Г., 36 лет	Послушница	Дочь мещанина	г. С.-Петербург	Школа г. Санкт- Петербурга
Тягунова В. А., 20 лет	Послушница	Дочь купца	Псковская гу- берния	4-классная женская гимна- зия
Худяшева А. Г., 45 лет	Послушница	Вдова крестья- нина	Кузнецкого уезда Томской губернии	Неграмотна
Урасова С. С., 40 лет	Послушница	Крестьянка из замужних	Вятская губер- ния	Грамотна
Кузьмина П. С., 16 лет	Послушница	Дочь крестья- нина	Каинского уезда Томской губернии	Двухклассная церковно- приходская школа

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 93–96.

Таблица 18

Социальный состав братии Томского Алексеевского, Чулышманского монастырей
и Томского архиерейского дома в 1869 г.

Социальное происхождение	ТАМ	ТАД	ЧМ
Из духовенства	10 чел. / 83 %	11 чел. / 78 %	2 чел. / 29 %
Из купцов	1	—	2
Из крестьян	1	—	1
Из мещан	—	1	—
Из бродяг	—	1	—
Из кантонистов	—	1	—
Нет данных	—	—	2
Общая численность братии	12	14	7

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 31–44; ЧМ – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 41–42; Сб. сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. М., 1872. Кн. II. С. 403.

Таблица 19

Социальный состав братии ТАД в 1869–1883 гг.

Социальное происхождение	1869	1871	1874	1881	1883
Из духовенства	11	12	9	7	2
Из мещан	1	1	1	—	2
Из крестьян	—	—	—	1	2
Из инородцев	—	—	—	—	1
Из кантонистов	1	—	1	—	—
Из бродяг	1	1	—	—	—
Всего	14	14	11	8	7

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 3; 1869 г. – Д. 1460. Л. 31–38; 1871 г. – Д. 1861. Л. 20–28; 1874 г. – Д. 2375. Л. 1–7; 1881 г. – Д. 3189. Л. 1–10; 1883 г. – Д. 3429. Л. 2–7.

Таблица 20

Число сестер Улалинского Николаевского монастыря, владеющих грамотой
в 1876–1912 гг. (в % отношении от общего числа сестер)

Год	1876	1885	1890	1898	1903	1910	1912
Доля грамотных сестер	60,5	90,4	93,5	86,4	93,7	94,3	88,0
Доля грамотных среди мантейных и рясофорных монахинь	100	100	80	86	96,6	97	100

Составлена нами по: 1876 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52; 1890 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; 1898 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; 1903 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–52; 1910 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–92.

Таблица 21

Число сестер Бийского Тихвинского монастыря, владеющих грамотой в 1898–1912 гг.
(в % отношении от общего числа сестер)*

Год	1898	1902	1904	1910	1912
Доля грамотных сестер	86	85	88,7	90	92
Доля грамотных среди мантейных и рясофорных монахинь	91,6	92,3	Нет данных	91,4	96,8

Составлена нами по: 1898 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46; 1903 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–52; 1910 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 184. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–61; * Включая малограмотных.

Таблица 22

Число сестер Барнаульского Богородице-Казанского монастыря,
владеющих грамотой в 1899–1913 гг. (в % отношении от общего числа сестер)

Год	1899	1902	1908	1913
Доля грамотных сестер	77,6	89,6	92,3	89,5
Доля грамотных среди мантейных и рясофорных монахинь	90	96,8	95	94,3

Составлена нами по: Барнаульский Богородице-Казанский монастырь, 1899 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–66; 1902 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–36; 1908 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–40; 1913 г. – ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–46.

Таблица 23

Образовательный уровень братии Томского архиерейского дома в 1869–1914 гг.

Учебное заведение	1869	1871	1874	1881	1883	1914
Духовная семинария	2	3	3	4	2	—
Духовное училище	1	1	—	—	—	—
Отчислены из духовных семинарий и училищ	2	4	6	5	3	—
Народное училище	—	—	1	—	—	—
Домашнее образование	2	1	3	2	—	3
Приходское училище	—	—	—	1	—	—
Бийское городское училище	—	—	—	—	—	1
Центральное миссионерское училище	—	—	—	—	—	1
Земское училище	—	—	—	—	1	—
2-классное городское училище	—	—	—	—	1	—
Численность братии	13	14	11	8	7	5

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 3; 1869 г. – Д. 1460. Л. 31–38; 1871 г. – Д. 1861. Л. 20–28; 1874 г. – Д. 2375. Л. 1–7; 1881 г. – Д. 3189. Л. 1–10; 1883 г. – Д. 3429. Л. 2–7; 1914 г. – Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 86–87.

Таблица 24

Образовательный уровень братии Чулышманского миссионерского монастыря в 1898–1912 гг.

Учебное заведение	1898	1903	1910	1912
Бийское катехизаторское училище	1		1*	—
Начальная школа при Катехизаторском училище	1		—	—
Уволен из низшего отделения Тобольской семинарии	1		1	—
Церковно-приходская школа	—		—	2
Сельская школа	—		—	4
Бийское Александровское училище	1		—	—
Ростовское частное мужское училище	—		1	1
Томские музыкальные классы	—		—	1
Омская центральная фельдшерская школа	—		—	1
Домашнее образование	3	3	4	9
Неграмотные	1		—	—
Численность братии	8	4	7	18

* Помимо училища, миссионерские курсы при Казанской духовной академии.

Таблица 25

Возраст сестер женских обителей Томской епархии в конце XIX — начале XX в. (в % отношении от общего числа сестер)

Наименование	80–е гг. XIX в.		1898–1899 гг.		1912–1913 гг.	
	до 30	до 50	до 30	до 50	до 30	до 50
Томский Иоанно-Предтеченский монастырь	42	72	*	*	*	*
Улалинский Николаевский монастырь	56	80	48	92	38	79
Барнаульский Богородице-Казанский монастырь	—	—	57	75	46	86
Бийский Тихвинский монастырь	—	—	74	87	55	89
Средний показатель	49	76	60	85	46	85

Составлена нами по: Иоанно-Предтеченский монастырь, 1869 г. — ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 15–31; 1883 г. — Д. 1460. Л. 45–52. Улалинский Николаевский монастырь. 1876 г. — ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52; 1890 г. — ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; 1898 г. — ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; 1903 г. — ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–52; 1910 г. — ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. — ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–92; Барнаульский Богородице-Казанский монастырь. 1899 г. — ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 35–66; 1902 г. — ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–36; 1908 г. — ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–40; 1913 г. — ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–46; Бийский Тихвинский монастырь. 1898 г. — ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 37–46; 1903 г. — ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–52; 1910 г. — ГАТО. Ф. 184. Оп. 184. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. — ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 25–61; * Данные уточняются.

Таблица 26

Срок пребывания в Улалинском Николаевском женском монастыре мантейных монахинь (данные на 1903 г.)

Мантейные монахини	Год поступления в монастырь	Год пострига в мантию	Общий стаж пребывания к 1903 г.	Временной интервал между поступлением и постригом
Магдалина	1863	1882	40	19
Серафима	1870	1890	33	20
Евгения	1870	1883	33	13
Палладия	1870	1897	33	27
Мариамна	1870	1897	33	27
Екатерина	1872	1901	31	29
Варвара	1874	1902	29	28
Мастридия	1875	1897	28	22
Августа	1881	1901	22	20
Афанасия	1890	1901	13	11

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 35–52.

Таблица 27

Срок пребывания монахинь и послушниц в Улалинском Николаевском монастыре в 1898–1910 гг. (в % отношении от общего числа сестер)

Срок пребывания	1898	1903	1910
Более 5 лет	82	80	79
Более 10 лет	53	66	72
Более 20 лет	23	35	47

Составлена нами по: Улалинский Николаевский монастырь. 1876 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52; 1890 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; 1898 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 19–36; 1903 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–52; 1910 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 107–132; 1912 г. – ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–92.

Таблица 28

Количество человек, получивших лечение и помощь в Улалинской больнице

Год	1878	1879	1880	1881	1882	1885
Прошли лечение в больнице	53	141	145	125	91	32
Получили помощь и лекарства	300	132	224	156	99	585
Итого	353	273	389	281	190	617

Составлена нами по: 1878–1879 гг. – ТЕВ. 1880. № 8. Неофиц. отдел. С. 160; 1880 г. – ТЕВ. 1881. № 17. Неофиц. отдел. С. 277; 1881 г. – ТЕВ. 1882. № 8. Неофиц. отдел. С. 213; 1882 г. – ТЕВ. 1883. № 13. Неофиц. отдел. С. 445; 1885 г. – ТЕВ. 1886. № 7. Неофиц. отдел. С. 9.

Таблица 29

Число девочек, обучаемых и призываемых в школах и приютах Улалинского центрального стана миссии и Николаевском женском монастыре в 1876–1890 гг.

Год	1876	1879	1882	1884–85	1888	1890
Приют с. Улала	*	2 мал./ 4 дев.	14 детей	7 мал./ 21 дев.	6 мал./ 21 дев.	11 мал./ 22 дев.
Школа с. Улала	*	*	*	*	41 дев.	48 дев.
Приют монастыря	12 дев. (8 ин.)	14 дев. (13 ин.)	9 дев.	15 дев.	10 дев.	*
Школа монастыря	*	*	*	9 дев.	*	9 дев. (1 ин.)
Кол-во сестер	43 (7 ин.)	*	76	94 (14 ин.)	102 (14 ин.)	123 (14 ин.)

Составлена нами по: 1879 г. – ТЕВ. 1880. № 6. Неофиц. отдел. С. 120–121; 1882 г. – ТЕВ. 1883. № 10. Неофиц. отдел. С. 275; № 15. Неофиц. отдел. С. 445; 1884–85 гг. – ТЕВ. 1885. № 7. Неофиц. отдел. С. 16; ТЕВ. 1886. Неофиц. отдел. № 5. С. 10; № 7. С. 9; 1888 г. – ТЕВ. 1889. № 5. Неофиц. отдел. С. 9, 11; № 6. Неофиц. отдел. С. 2; № 11. Неофиц. отдел. С. 26–27; 1890 г. – ТЕВ. 1891. № 7. Неофиц. отдел. С. 19; ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32; 1876 г. – ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–52. * – данные уточняются.

Таблица 30

Список церковно-приходских школ г. Томска на 1 января 1912 г.

Наименование	Год открытия	Количество учащихся		Всего	Число окончивших школу
		мальчиков	девочек		
Благовещенская муж.	1897	76	—	76	10
Богоявленская смешанная	1898	66	25	91	20
Вознесенская смешанная	?	41	25	66	13
Воскресенская смешанная	1896	48	42	90	11
Духосошестввенская смешанная	1908	30	7	37	4
Знаменская женская	1892	—	57	57	13
Никольская женская	1891	—	151	151	20
При Доме трудолюбия	1892	—	23	23	3
При женском монастыре	1877	—	16	16	2
При духовной семинарии	1889	34	—	34	8
При епархиальном женском училище	?	—	32	32	9

Город Томск. Томск, 1912. С. 57.

Таблица 31

Количество детей в школах и приютах при женских монастырях и общинах Алтайской миссии (1903–1916 гг.)

Наименование	1903		1910		1914		1916	
	приют	школа	приют	школа	приют	школа	приют	школа
Улалинский Николаевский миссионерский монастырь	45 дев.	около 40 дев.	35 дев.	23 дев.	36 дев.	20 дев.	34 дев.	18 дев.
Бийский Тихвинский монастырь	13 дев.	8 дев.	30 дев.	20 дев.	40 дев.	26 дев.	43 дев.	24 дев.
Чемальская миссионерская община (откр. в 1911 г.)					*	*	27 дев.	15 дев.
Матурская община (откр. в 1913 г.)							нет	3 мал./5 дев.
ИТОГО	58 дев.	48 дев.	65 дев.	43 дев.	76 дев.	46 дев.	104 дев.	62 дев./3 мал.

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 42–59; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 33, 87–88; Д. 24. Л. 57, 66–67, 107–108; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. – Томск, 1914. – С. 54–87; * – данные уточняются.

Таблица 32

Просветительско-благотворительные учреждения при монастырях и общинах Томской епархии в 1916 г.

Наименование	Приют	Школа	Богдельня	Другие
Николаевский миссионерский монастырь	34 дев.	18 дев.	1 чел.	– Заведование Чулышманским приютом и школой, учительство в школах АДМ – Библиотека – Больница
Барнаульский Богородице-Казанский монастырь	20 дев.	64 о.п.	7 жен.	– Больница на 6 мест – Библиотека
Бийский Тихвинский монастырь	43 дев.	24 дев.	1 муж./9 жен.	– Аптека с покоем для больных сестер – Библиотека
Томский Иоанно-Предтеченский монастырь	63 дев.	около 60 дев. и 46 девочек-сирот духовного зв.	14 сестер	– Дом трудолюбия (39 женщин), откр. в 1892 г. – Больница на 10 мест, откр. в 1898 г. – Училище для девочек-сирот духовного звания, откр. в 1877 г. – Церковная и училищная библиотеки
Матурская община		3 мал., 5 дев.	–	–
Чемальская община	27 дев.	15 дев.	–	– Второклассная церковно-приходская школа с учительским классом – Библиотека – Фельдшерский пункт
Чулышманский мужской монастырь	21 дев.	13 мал./11 дев.	–	При монастыре существовали приют для девочек, школы – интернаты для мальчиков и девочек, библиотека, фельдшерский пункт
Томский Алексеевский мужской монастырь	–	–	–	– Класс для подготовки причетников с свидетельствами на право преподавания в одноклассных церковно-приходских школах – Библиотека
Александровская пустынь	5 мал.	15 мал.	–	–
ИТОГО	около 200 детей	ок. 300 чел.	32 чел.	Всего: 7 приютов, 10 школ, 4 богдельни, 8 библиотек, 6 больничных пунктов

Составлена нами по: ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 42–59, 71–73, 76. К этому списку можно с полным правом прибавить церковно-учительскую школу с одноклассной образцовой при Томском архиерейском доме, образцовую школу при Бийском архиерейском доме и Бийское Катехизаторское училище, в создании и работе которых непосредственное участие принимала братия архиерейских домов и Томского Алексеевского монастыря.

Таблица 33

Количество учеников церковно-приходской школы
при Томском архиерейском доме в 1892–1897 гг.

Наименование учебного заведения	Год открытия	Отделе-ние	1892/93	1893/94	1894/95	1895/96	1896/97
Школа грамоты	1894	—	—	—	38	42	53
Одноклассное	1892	мл.	36	30	24	17	30
		стар.	30	40	19	23	21
Двухклассное	1893	мл.	—	17	20	24	20
		стар.	—	—	9	14	19
Учительский класс	1896	—	—	—	—	9	12
ВСЕГО			66	87	110	129	155

Составлена нами по: ТЕВ. 1896 № 22. Неофиц. отдел. С. 12, 14–17; ТЕВ. 1896. № 24. Неофиц. отдел. С. 10, 14.

Таблица 34

Численность воспитанниц приюта Дома трудолюбия в 1893–1916 гг.

Год	Состояло к 1 января	Выбыло в течение года	Поступило	Умерло	Вышло замуж
1893	96	66 (в течение 1893–95 гг.)	*	*	*
1894	77	Нет данных	*	*	*
1896	43	23	36	1	—
1898	55	19	23	2	2
1899	55	12	19	—	—
1901	53	18	11	—	—
1902	46	6	21	—	5
1904	54 (к 1.09)	14	20	1	—
1912	53	Нет данных	*	*	*
1916	63	Нет данных	*	*	*

Составлена нами по: 1893 г. – ТЕВ. 1895. № 7. Неофиц. отдел. С. 37; 1894 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3775. Л. 55; 1896 г. – ТЕВ. 1897. № 5. Неофиц. отдел. С. 30; 1898 г. – ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 43–44; 1899 г. – ТЕВ. 1900. № 7. Неофиц. отдел. С. 33; 1901 г. – ТЕВ. 1902. № 9. Неофиц. отдел. С. 14; 1902 г. – ТЕВ. 1903. № 11. Неофиц. отдел. С. 29; 1904 г. – ТЕВ. 1906. № 5. Офиц. часть. С. 15; 1912 г. – Город Томск. Томск, 1912. С. 83; 1916 г. – ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 64; * – данные уточняются.

Таблица 35

Социальный состав воспитанниц приюта Дома трудолюбия в 1898–1904 гг.

Социальное происхождение	1898	1899	1901	1902	1904
Из духовенства	2	—	—	—	1
Из чиновников	6	4	2	2	3
Из солдат	6	7	8	6	7
Из мещан	17	21	16	16	19
Из крестьян	23	24	18	25	29
Из почетных граждан	—	—	2	2	—
Из дворян	—	—	—	2	—
Из инородцев	1	1	—	—	—
Неизвестно	—	5	—	—	—

Подсчитано нами по: 1898 г. – ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 43–44; 1899 г. – ТЕВ. 1900. № 7. Неофиц. отдел. С. 33; 1901 г. – ТЕВ. 1902. № 9. Неофиц. отдел. С. 14; 1902 г. – ТЕВ. 1903. № 11. Неофиц. отдел. С. 29; 1904 г. – ТЕВ. 1906. № 5. Офиц. отдел. С. 15.

**БИОГРАФИИ НАСТОЯТЕЛЕЙ, НАСТОЯТЕЛЬНИЦ
И МОНАШЕСТВУЮЩИХ МОНАСТЫРЕЙ
И ОБЩИН ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ**

Указатель

Томский Богородице-Алексеевский мужской монастырь

Виктор (Лебедев), архимандрит, настоятель (1839–1883)

Лазарь (Генерозов), игумен, настоятель (1883–1897)

Иннокентий (Солодчин), епископ, настоятель (1897–1899)

Сергий, игумен, настоятель (1899–?)

Иона (Изосимов), архимандрит, настоятель (1901–1908)

Мелентий (Забаровский), епископ (1908–1912)

Евфимий (Лапин), епископ (1912–1916)

Гавриил (Воеводин), епископ (1916–1919)

Наум, иеромонах (1842–1884)

Чулышманский миссионерский мужской монастырь

Владимир (Петров), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1865–1883)

Макарий (Невский), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1883–1891)

Владимир (Сеньковский), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1891–1893)

Мефодий (Герасимов), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1893–1899)

Сергий (Петров), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1899–1901)

Макарий (Павлов), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1901–1905)

Иннокентий (Соколов), епископ, начальник Алтайской духовной миссии, настоятель (1905–1924)

Антоний (Петров), архимандрит, наместник (1899–1902)

Иннокентий (Невский), архимандрит, наместник (1890–1899, 1903–1911)

Виктор (Шемраев), иеромонах, наместник (1911–1912)

Филарет, архимандрит, наместник (1915–1916)

Томский Иоанно-Предтеченский женский монастырь

Евпраксия (Михеева), монахиня, настоятельница (1864–1877)

Серафима (Долгих), игуменья, настоятельница (1877–1899)

Зинаида (Котельникова), игуменья, настоятельница (1899–1916)

Анастасия (Некрасова), игуменья, настоятельница (1916–?)

Улалинский миссионерский женский монастырь

Афанасия (Логинова), схимонахиня, настоятельница (1864–1866, 1868–1870, 1873–1874)

Дарья Киселева, начальница (1866–1868)

Анисья Конинина, управляющая

Ольга, монахиня, настоятельница (1870–1872)

Алексия (Семенова), монахиня, настоятельница (1874–?)

Анастасия (Балашева), игуменья, настоятельница (1881–1890)

Серафима (Попова), игуменья, настоятельница (1890–?)

Магдолина (Чевалкова), игуменья

Евдокия (Варлаамова), схимонахиня

Бийский Тихвинский женский монастырь

Евпраксия (Германова), монахиня, настоятельница (1894–1902)

Ироида (Калугина), игуменья, настоятельница (1903–1920)

Анна (Торопова), схимонахиня (1903–1915)

Барнаульский Богородице-Казанский женский монастырь

Парфения (Мещеринова), игуменья, настоятельница (1894–1916)

Мариамна (Фролова), игуменья, настоятельница (?–1921)

Анастасия (Мещеринова), монахиня, казначей

Чемальская миссионерская женская община

Людмила (Михайлова), игуменья, настоятельница (1911–?)

Матурская женская община

Агриппина, монахиня, начальница

ТОМСКИЙ БОГОРОДИЦЕ-АЛЕКСЕЕВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Архимандрит Виктор (1803 – 29.10.1889) – настоятель Томского Алексеевского монастыря в 1839–1883 гг. В миру Василий Григорьевич Лебедев, сын диакона Тверской губернии. Более 50 лет прожил в г. Томске, 44 года состоял настоятелем Алексеевского монастыря, свыше 40 лет членом Томской духовной консистории. Пользовался большим уважением горожан и светских властей, «был известен всему городу и духовенству епархии».

Обучался в духовном училище и семинарии. После окончания в 1825 г. полного курса семинарии со степенью студента 8 лет исполнял должность

учителя латинского, а затем и греческого языка в Кашинском духовном училище. 25 июня 1833 г. он принял монашество и был пострижен в Кашинском Николаевском монастыре, 3 июля рукоположен в иеродиакон, 4 июля — в иеромонахи. В результате этого серьезного решения круг деятельности молодого инока значительно расширился. Он был определен инспектором и преподавателем латинского языка в высшее отделение Кашинского духовного училища, а через два года переведен на должность смотрителя и преподавателя латыни в Краснохолмское духовное училище. В 1837 г. епархиальное начальство поручило ему управление Краснохолмским Антониевским монастырем с сохранением в должности смотрителя училища, в этом же году он был возведен в сан игумена и определен настоятелем монастыря. Одновременно занимая две важные должности, он, кроме того, по поручению епархиального начальства выполнял обязанности: члена попечительства о бедных духовного звания, благочинного Кашинского Дмитриевского монастыря и Теребенской пустыни. После 14 лет неустанного служения в Тверской епархии игумен Виктор по указу Синода от 30 июня 1839 г. был переведен в Томскую епархию с назначением настоятелем Алексеевского монастыря и 24 сентября 1839 г. возведен в сан архимандрита. На этой должности он находился до 23 ноября 1883 г., проходя в это же время важные церковные и общественные служения: смотрителя Томского духовного училища (29 ноября 1839 г. — 14 марта 1840 г., 2 декабря 1841 г. — 15 июля 1842 г.), цензора проповедей (старшего члена Томского цензурного комитета), старшего члена епархиального попечительства о бедных духовного звания, члена комитета по постройке в г. Томске нового кафедрального собора во имя Пресвятой Троицы, директора Томского тюремного комитета, благочинного градо-Томских монастырей. За свою плодотворную и разностороннюю деятельность архим. Виктор многократно получал знаки внимания и отличия: благословения Синода за пожертвования в пользу церквей и усердное управление Алексеевским монастырем, получившем при нем «новый вид»; бронзовый крест в память войны 1853—1856 гг.; ордена Анны III, II степени и Владимира IV, III степени. С 23 ноября 1883 г. архим. Виктор был уволен за штат и шесть лет проживал в монастыре на покое. После продолжительной и тяжелой болезни он скончался 29 октября (стар. ст.) 1889 г. на 88-м году жизни и был погребен на кладбище монастыря. На похороны собралось огромное количество людей всех возрастов и сословий.

До настоятельства архим. Виктора Алексеевский монастырь находился в жалком состоянии, материальные средства скудны, а братия многочисленна. С 1821 по 1839 г. рядовая братия монастыря состояла лишь из бельцов. Новый настоятель сразу принял энергичные меры, изменив ситуацию.

Проявил себя как «просвещенный и деятельный администратор». За первые 10 лет он укрепил материальную базу обители, улучшил нравственный облик братии примером и наказанием, начал перестройку монастыря. Окружил его 120-саженной каменной оградой. В 1853 г. монастырю были возвращены обские рыбные ловли по Чадской протоке, изъятые в 1764 г. с другими многочисленными вотчинами.

Как свидетельствовали современники, архим. Виктор отличался аккуратностью при исполнении возложенных на него обязанностей, добросовестным отношением к любому делу. Во время его настоятельства сменилось девять архиереев, управляющих Томской епархией, но со всеми он смог наладить добрые отношения. Это свидетельствует не только о дипломатических способностях и высокой степени коммуникабельности архим. Виктора, но и о его человеческих качествах. За полувековое служение Господу в г. Томске он заслужил уважение горожан за религиозность и простоту в общении. Многие искали его совета и наставления. Как характеризовали его близкие люди, он отличался скромностью и смирением, не любил пустых разговоров. И при наборе таких черт, он тем не менее зарекомендовал себя талантливым руководителем.

«Религиозность и набожность» были главными отличительными чертами его характера. Он был воздержан в пище, употреблял в основном растительную, запивая простой водой. Пытался и в преклонном возрасте участвовать во всех делах, т. к. любил живую деятельность и не терпел праздность. И в последние дни архим. Виктор старался обойтись без посторонней помощи, участвовал при архиерейском служении в великие праздники (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 34—38; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1861. Л. 15—19; ТЕВ. 1883. № 12. Неофиц. отдел. С. 1; ТЕВ. 1890. № 6. Неофиц. отдел. С. 12—20; ТЕВ. 1884. № 4. Офиц. отдел. С. 10; Беликов Д. Н. Старинные монастыри Томского края. Томск, 1898. С. 96—100, 118; ТЕВ. 1887. № 12. Неофиц. отдел. С. 1—4).

Игумен Лазарь (1824—31.08.1897) — настоятель Томского Алексеевского монастыря в 1883—1897 гг. В миру Николай Степанович Генерозов. После окончания Пензенской семинарии по второму разряду он два года служил учителем в сельской школе. После чего был рукоположен в священники в 1842 г. В 1849 г. овдовел и, согласно прошению, был переведен в Томскую епархию, где его определили на место священника в с. Поперечный Искитим. Ревностным исполнением своих обязанностей он обратил на себя внимание епархиального начальства и в 1860 г. был назначен на должность благочинного округа. В 1851 г. за сбор сведений для Русского географического общества получил архипастырское благословение. В 1862 г.

согласно прошению был причислен к братству Томского архиерейского дома и определен членом епархиального попечительства о бедных духовного звания. В 1863 г. по распоряжению епархиального начальства он был определен экономом Томского архиерейского дома и 23 марта пострижен в монашество. Занимал должность более 20 лет, за этот период сменилось четыре епископа управляющих Томской епархией. По указу Синода от 9 мая 1874 г. за особенно усердную службу был возведен в сан игумена. В 1883 г. назначен исполняющим должность настоятеля Алексеевского монастыря и утвержден в ней 25 мая 1886 г. с возведением в сан архимандрита. В течение более чем 34 лет иноческого служения он исполнял различные ответственные должности: благочинного градо-Томских монастырей, члена и председателя епархиального попечительства о бедных духовного звания, старшего члена миссионерского комитета и противораскольнического братства, председателя постоянной экзаменационной комиссии для духовных ставленников, председателя комиссии по постройке второклассной школы при Томском архиерейском доме, председателя хозяйственно-строительного комитета по постройке новых зданий семинарии, члена Томского общества Красного Креста. Активно участвовал в религиозно-нравственных чтениях при архиерейском доме. Награждался неоднократно наперсными крестами, орденами Анны II, III степени.

К числу заслуг архим. Лазаря принадлежит: перестройка купленного у г. Асташева здания для Томского архиерейского дома, ремонт и перестройка помещения семинарии, постройка за два года здания второклассной школы при архиерейском доме. В мае 1896 г. он был назначен председателем хозяйственно-строительного комитета по строительству новых зданий семинарии. Архим. Лазарь лично вникал в планы и сметы, искал надежных поставщиков, руководил строительством. Завершить порученное дело помешала смерть, но к ее дню была произведена большая часть работ. Успешное участие во всех епархиальных строительных проектах было основано на большом личном опыте архимандрита в этой сфере, знании людей и местных условий. За время его настоятельства в Алексеевском монастыре началось строительство новой церкви, двухэтажного каменного дома для братии. Он лично исходатайствовал разрешение и нашел средства на постройку храма. Его знакомый и почитатель купец С. С. Влагоусов пожертвовал на строительство 10000 рублей.

Кроме качеств руководителя, современники отмечали доступность, простоту в общении и незлобивый характер архим. Лазаря. Он следил за строгим соблюдением устава монастыря. Живя в убогой келье, строгим воздержанием и простотой в быте подавал пример братии. В своем

завещании он указал, что своих денег никогда не имел. При описи имущества покойного нашли менее двух рублей и поношенную рясу. Архим. Лазарь умер 31 августа 1897 г. на 73-м году жизни и был похоронен на кладбище Алексеевского монастыря. На панихиде присутствовало все губернское и городское начальство, духовенство, семинаристы и горожане. Ректор семинарии архим. Никонор в речи перед выносом тела произнес следующие слова: «Ему принадлежало ответственное передовое положение и в делах миссионерских и в делах благотворительных, и в делах строительных» (ТЕВ. 1888. № 2. Неофиц. отдел. С. 15–16; ТЕВ. 1897. № 18. Неофиц. отдел. С. 30–34, 37–38; ТЕВ. 1887. № 12. Неофиц. отдел. С. 1–4; ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 2–3, 34–35; Д. 3189. Л. 1–3. Д. 2375. Л. 2–4; Д. 1460. Л. 31–32).

Епископ Иннокентий (5.01.1842 – ?) – настоятель Томского Алексеевского монастыря в 1897–1899 гг. В миру Иван Васильевич Солодчин. Родился в многодетной семье (шесть сыновей) священника с. Малеевского Рязанской губернии. Когда Ивану шел второй год, отец по собственному желанию переселился в Томскую епархию, где был определен на место третьего священника в с. Тальменское Барнаульского округа, населенное раскольниками. Прослужив на этом месте шесть лет, он был переведен в с. Спасское Томского уезда, а затем в Мариинск, где и умер в сане протоиерея. По достижении восьми лет Иван поступил в Томское духовное училище, а после его успешного окончания в Томскую духовную семинарию. В то время ее ректором состоял архим. Вениамин (впоследствии архиепископ Иркутский), а инспектором иеромонах Владимир (позже архиепископ Казанский) – известные миссионеры. По окончании курса семинарии со званием студента И. В. Солодчин в 1862 г. поступил на должность учителя русского и церковно-славянского языков в Томское духовное училище, но, не прослужив и года, отправился волонтером в Петербургскую духовную академию. Прочувшись в ней до 12 декабря 1865 г., он уволился по собственному желанию и по предложению бывшего инспектора Томской духовной семинарии, инспектора академии архимандрита Владимира поступил в Алтайскую миссию, которая остро нуждалась в образованных миссионерах. С 23 марта 1866 по 16 февраля 1874 г. он служил учителем в Улалинском миссионерском училище, после чего был назначен в Забайкальскую миссию сотрудником в Кударинский стан. 30 ноября 1875 г. его постриг в монашество епископ Селенгинский Мартиниан (впоследствии епископ Таврический). 21 апреля 1876 г. молодой иеромонах был награжден набедренником за отличную службу и ему поручили самостоятельный приход в Тарабогайском стане. В октябре 1878 г. его перевели в Томскую Крестовую церковь, епископом Томским Петром он

был определен духовником для ставленников. В 1879 г. иеромонах Иннокентий был удостоен благословения Синода за усердную службу; с 1880 г. по 1885 г. трудился на миссионерском поприще; в 1885 г. награжден золотым наперсным крестом от Синода; в 1885 г. при введении института духовников в семинарии выбор преосвященного Владимира пал на иеромонаха Иннокентия. С 28 февраля 1885 г. по 19 сентября 1890 г. он состоял духовником Томской семинарии, исполняя в то же время другие должности. За полезную службу был возведен в сан игумена. Епископ Бийский Макарий 19 сентября 1890 г. назначил его помощником начальника миссии, в 1893 г. возвел в сан архимандрита. Много времени и сил уделял архим. Иннокентий школьному делу: с 1894 г. по 1897 г. исполнял должность епархиального наблюдателя церковно-приходских школ и школ грамоты, с 1897 г. — почетного члена епархиального училищного совета. За организацию педагогических курсов для учителей церковных школ он был награжден библией от Синода. После смерти архим. Лазаря был назначен исполняющим должность настоятеля Алексеевского монастыря до 1899 г. В это же время выполнял обязанности помощника председателя Совета братства Св. Дмитрия Ростовского, члена Томского комитета Православного миссионерского общества. Указом Синода от 12 января 1899 г. архимандрит Иннокентий был назначен на вакантную кафедру епископа Приамурского и Благовещенского (ТЕВ. 1899. № 4. Неофиц. отдел. С. 7—16).

Игумен Сергей (1870—?) — настоятель Томского Алексеевского монастыря в 1899 г. Окончил курс Московской духовной академии кандидатом в 1897 г., пострижен в монашество 11.01.1898 г., в иеродиакон — 18.01.1898 г., иеромонахи — 10.03.1898 г. Определением Синода от 21—29 июля 1899 г. законоучитель Симбирской центральной чувашской школы иеромонах Сергей был назначен настоятелем Алексеевского монастыря с возведением в сан игумена. Его настоятельство продлилось недолго, определением от 6. 10.1899 г. он назначается инспектором Холмской духовной семинарии (Справочная книга по Томской епархии за 1898/99 г. Томск, 1900; Церковные ведомости. 1899. № 32. С. 282, № 41. С. 318).

Архимандрит Иона (1838 — 27.07.1908) — настоятель Томского Алексеевского монастыря в 1901—1908 гг. В миру Илья Иванович Изосимов, сын священника Суенгинского единоверческого прихода Барнаульского уезда. После четырех лет обучения в Тобольской семинарии с открытием Томской в 1858 г. перевелся в нее. После окончания учебного курса в Томской духовной семинарии в 1860 г. по второму разряду был рукоположен в сан священника. Во время учебы он не выделялся успехами в учебе, был слаб здоровьем. Но ректор семинарии архим. Вениамин многое сделал для того, чтобы его питомцы прониклись мыслью о святости будущего

пастырского служения. Из выпуска 1860 г. вышли 1 епископ, 1 архимандрит, 4 протоиерея, 17 священников и только 4 человека избрали гражданскую службу.

Свыше 10 лет (1860—1872) молодой священник нес службу в сельских приходах епархии. И. И. Изосимов рано овдовел, после смерти жены на его руках осталось четверо малолетних детей, которых он сумел воспитать достойными членами общества. После перевода в г. Томск с 1872 г. по 1891 г. местом его служения стала церковь при тюремном замке. В 1875 г. он был награжден скуфьей за усердную службу и получил архипастырское благословение. За это время он стал попечителем паствы в делах рабочих и служебных, выполняя должность распорядителя мастерских артелей, а с 1876 г. — наблюдателя за ходом арестантских дел в судебных местах по назначению тюремного комитета. Кроме этого, о. Илья Изосимов исполнял обязанности законоучителя в 1876—1881 гг. в приходском Владимирском, в 1881—1891 в нагорном, в 1884—1892 в слободском приходском, в 1887—1889 в уездном училищах. Деятельный священник постоянно привлекался к участию в делах епархиального управления: был членом правления Томской духовной консистории в 1879—1883, 1887—1889 гг. По назначению Томской духовной консистории выполнял многочисленные обязанности по ревизии и хозяйственным делам. В 1883 г. отмечен архипастырской признательностью, в 1889 г. — наперсным крестом за усердный труд по тюремному ведомству, в 1892 г., по отношению вице-президента комитета Томского губернского попечительства о тюрьме, представлен к награждению за исполнение пастырских обязанностей, услуги по устройству и расширению мастерских артелей тюремного замка, в 1893 г. — архипастырской признательностью с выдачей свидетельства.

В 1891 г. он назначается экономом архиерейского дома, но через два года вновь возвращается в тюремное ведомство, в церковь исправительного арестантского отделения, где проходит службу в 1893—1901 гг. В 1895 г. он был возведен в сан протоиерея, а в 1899 г. назначен исполняющим обязанности благочинного градо-Томских монастырей. Пострижен в монашество 10 октября 1901 г. в г. Томске с наречением именем Иона; 9 ноября утвержден Синодом в должности настоятеля Алексеевского монастыря и благочинного градо-Томских монастырей; 26 ноября возведен в сан архимандрита. Одной из первых проблем, решенной новым настоятелем, было восстановление религиозной атмосферы и порядка в монастыре, который служил местом послушания епархиального духовенства, подвергшегося наказанию. По этой причине и малочисленности братии в монастыре витал дух раздражительности и враждебности. После обновления братии и наведения порядка

архимандрит Иона взялся за подъем хозяйства монастыря. Он нашел новые источники доходов в сдаче в аренду монастырских земель в городе и на заимке, продаже мест под могилы. При нем значительно возросло число посещений монастыря для молитвы именитыми горожанами, а вследствие этого — количество вкладов на поминование. Был обновлен храм, проведен ремонт зданий, приведено в порядок кладбище. Все это являлось лишь частью мероприятий по восстановлению былой роли монастыря в жизни города и епархии. Основным моментом программы было создание культа старца Федора. Еще при жизни зная старца Федора, архим. Иона стал его усердным почитателем, в его покаях висели портреты императора Александра I и старца Федора. Он стал инициатором строительства часовни и установил ежедневное совершение панихид над его могилой, а каждое воскресенье — в его бывшей келье на Нечаевской улице. В часовне организовал продажу изображений старца с пояснительным текстом. Организовал общество почитателей старца, которое занималось сбором материалов, изданием подробного исследования и т. п. Все труды архим. Ионы в этом направлении были направлены на прославление обители. Его намерение увековечить память 70 иноков-воинов, погибших, по преданию, в начале XVII в. во время набега кочевников, установив на месте их мученической гибели крест, было осуществлено уже после его смерти.

Кроме настоятельства, он исполнял обязанности члена братства св. Дмитрия Ростовского, председателя ревизионной комиссии по постройке здания Томского епархиального женского училища, благочинного Томского кафедрального собора с 1905 г. и Благовещенской церкви, члена епархиального попечительства о бедных духовного звания, с 1906 г. — должность благочинного всего городского духовенства. Под его руководством решались вопросы о представительстве в Государственном Совете и Думе. Благодаря его поддержке, от Томской епархии в Государственный Совет был избран профессор богословия Томского университета Д. Беликов. Был награжден орденами Анны II, III степени, Владимира IV степени.

С 1897 г. архим. Иону мучил внутренний недуг, но он находил в себе силы достойно продолжать служение, являясь примером смирения, поста и молитвы. О себе он был невысокого мнения, часто бранил и судил себя. До конца жизни его беспокоили школьные дела, он считал, что детей с ранних лет надо приучать к добру. Переживая из-за смуты, он поддерживал Союз русского народа. Умер 27 июля (стар. ст.) 1908 г., был похоронен недалеко от могилы старца Федора Кузьмича (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4459. Л. 3—5; ТЕВ. 1902. № 1. Офиц. часть. С. 5; ТЕВ. 1908. Неофиц. часть, общецерковный отдел. № 16. С. 30—33; № 18. С. 39—48; № 19. С. 42—48).

Епископ Мелентий (7.07.1869 — 24.03/6.04.1946). Епископ Барнаульский, викарий Томской епархии с управлением Томским Алексеевским монастырем на правах настоятеля (1908—1912). Сын священника Тобольской епархии Михаил Васильевич Забаровский. Кандидат богословия Казанской духовной академии. Родился 7 июля 1869 г. После окончания Духовной семинарии в 1889 г. был рукоположен в сан священника, в 1895 г. поступил в Казанскую духовную академию, 14 февраля 1898 г. пострижен в монашество преосвященным Антонием, епископом Чистопольским, викарием Казанской епархии и ректором Духовной академии. Во время учебы он проповедовал Слово Божье в церкви и ночлежных приютах г. Казани безвозмездно, преподавал Закон Божий в воскресной школе. По окончании курса со степенью кандидата богословия он в 1899 г. был назначен помощником смотрителя Сарапульского духовного училища, в 1902 г. — заведующим Бийским катехизаторским училищем, в 1904 г. возведен в сан архимандрита епископом Бийским Макарием, в 1906 г. назначен ректором Томской духовной семинарии. После смерти архим. Ионы был определен управлять Алексеевским монастырем и назначен благочинным градо-Томских монастырей. С 13 апреля 1907 г. состоял председателем епархиального училищного совета. Высочайше утвержденным 17 октября 1908 г. докладом Синода повелено быть ему епископом Барнаульским, вторым викарием Томской епархии. Указом Синода от 23 октября 1908 г. местопребыванием викарного епископа был назначен Алексеевский монастырь, с возложением на него управления на правах настоятеля. Был награжден набедренником, наперсным крестом от Синода, орденом Анны II степени. В 1912 г. епископ Барнаульский Мелентий был назначен епископом Якутским. С 26.01.1916 г. — епископ Забайкальский и Нерчинский, с 1920 г. — епископ Харбинский. В 1930 г. заграничным Синодом возведен в сан епископа Забайкальского и Нерчинского с местопребыванием в г. Харбине, в 1939 г. — в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Скончался 6 апреля 1946 г. в Харбине, погребен в Благовещенском миссионерском монастыре (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 21. Л. 97—100; ТЕВ. 1908. № 23. Неофиц. часть. С. 21—22; Справочная книга по Томской епархии за 1909—1910 годы. Томск, 1911. С. 1—5; Архиереи (персоналии) http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_459).

Епископ Евфимий. Епископ Барнаульский, викарий Томской епархии с управлением Томским Алексеевским монастырем на правах настоятеля (1912—1916). В миру Лапин Евгений Николаевич. С 15 января 1909 г. — ректор Томской духовной семинарии, 18 марта 1912 г. хиротонисан в епископа Барнаульского, 26 января 1916 г. назначен епископом Якутским и Вилуйским. В 1920—1924 гг. — епископ Петрозаводский. (За Христа

пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. первая. М., 1997. С. 409).

Епископ Гавриил (1869 – 17.12.1937) – епископ Барнаульский, викарий Томской епархии с управлением Томским Алексеевским монастырем на правах настоятеля (26.01.1916 – 1919). Родился в семье мещанина г. Санкт-Петербурга. В 1890 г. окончил Санкт-Петербургскую гимназию, в 1894 г. – Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Преподавал во Владикавказском духовном училище (1894), Александровской Ардонской семинарии (1895), Могилевской духовной семинарии (1896). С 1898 г. – инспектор Полтавской семинарии. В 1901–1908 гг. – настоятель Уфимского Успенского монастыря в сане архимандрита, с августа 1908 г. – Богоявленского Житомирского монастыря, с июля 1910 г. – настоятель Тригорского монастыря. 25.07.1910 г. архим. Гавриил хиротонисан в епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 9.06.1915 г. – епископ Челябинский, 1-й викарий Оренбургской епархии. С 26 января 1916 г. – епископ Барнаульский, викарий Томской епархии. В 1919–1922 гг. занимал последовательно Акмолинскую и Петропавловскую кафедры. С начала 1922 г. – на покое в Томском Алексеевском монастыре в качестве настоятеля. В сентябре 1922 г. – в обновленческом расколе, основоположник «сибирского женатого епископата». В 1923 г. принес покаяние, служил в Петрограде на Творожковском подворье; возведен патриархом в сан архиепископа, в 1924 г. назначен архиепископом Кингисеппским, викарием Ленинградской епархии. С конца 1926 г. до Пасхи 1927 г. временно управлял Ленинградской епархией. 19.04.1927 г. арестован, после освобождения с декабря 1927 г. по 1928 г. – епископ Полоцкий и Витебский. В 1929 г. вернулся в Ленинград, где 17.02.1932 г. был арестован, получил 5 лет карагандинских лагерей. Расстрелян (Архиереи (персоналии) http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_459).

Иеромонах Наум. После увольнения из второго класса Тобольского духовного училища был определен пономарем к Зырянской церкви Томского округа. Согласно прошению, в 1842 г. определен в Алексеевский монастырь, где в 1847 г. рукоположен в иеродиаконы, в 1854 г. в иеромонахи. По указу Томской духовной консистории служил экономом Томского архиерейского дома в 1856–1857 гг., после чего опять был переведен в Томский Алексеевский монастырь. В 1868 г. иеромонаха Наума снова вернули в Томский архиерейский дом, а затем перевели в Алексеевский монастырь. В общей сложности он провел в Алексеевском монастыре около 40 лет. Умер в возрасте 80 лет, 23 января 1884 г. В некрологе, опубликованном в «Томских епархиальных ведомостях», о нем говорилось как об одном из известных томских старожилов, обладающим добрым и незлобивым

характером, внесшим большой вклад в дело становления Томской духовной семинарии (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 32–34; ТЕВ. 1884. № 5. Неофиц. отдел. С. 27).

ЧУЛЫШМАНСКИЙ МИССИОНЕРСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Епископ Владимир (29.05.1828 – 2.09.1897). В 1865–1883 гг. – начальник Алтайской миссии, настоятель Чулышманского монастыря. В миру Иван Степанович Петров. Родился в семье причетчика из донских казаков. Учился в Воронежской духовной семинарии, затем в Киевской духовной академии, которую окончил в 1853 г. со степенью магистра. Определением Синода от 24.11.1865 г. назначен начальником и строителем Чулышманского Благовещенского монастыря с присвоением степени настоятеля 2-классного монастыря. С 1866 по 1883 г. – начальник Алтайской духовной миссии, в 1880 г. хиротонисан в епископа Бийского, викария Томской епархии. В 1883 г. назначен епископом Томским и Семипалатинским. В 1886 г. был переведен на епископскую кафедру в Ставрополь. С 25 ноября 1889 г. – епископ Нижегородский и Арзамасский. С 7 мая 1892 г. – архиепископ Казанский и Свияжский. 14 мая 1896 г. награжден бриллиантовым крестом на клобук. Скончался 2 сентября 1897 г. от заражения крови и погребен в Казани в кафедральном соборе, в склепе под алтарем (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8; Исаков С. А., Дмитриенко Н. М. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002. С. 35–37).

Епископ Макарий (1.10.1835 – 16.02.1926). В 1883–1891 гг. – начальник Алтайской миссии, настоятель Чулышманского монастыря. В миру Михаил Андреевич Парвицкий-Невский. 14.11.1864 г. назначен наместником Чулышманского монастыря, 13.03.1875 г. определен помощником начальника Алтайской духовной миссии, 29.12.1883 г. назначен начальником миссии, 12.02.1884 г. хиротонисан в епископа Бийского с оставлением в должности начальника Алтайской миссии. В 1891 г. назначен епископом Томским и Семипалатинским. В 1895 г. стал именоваться епископом Томским и Барнаульским (после выделения Омской епархии). Указом Синода от 6.05.1906 г. возведен в сан архиепископа. С 1908 г. стал именоваться архиепископом Томским и Алтайским (после образования Барнаульской викарной епархии). С 25 ноября 1912 г. по 1917 г. – митрополит Московский и Коломенский, священно-архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры и член Св. Синода. С 1913 г. – почетный член Петербургской духовной академии. 20 марта 1917 г. уволен на покой. В августе 1920 г. патриарх Тихон за заслуги даровал Макарию почетный титул митрополита Алтайского. Скончался в 1926 г., погребен был близ Николы Угрешского монастыря на приходском

кладбище около алтаря (с. Котельники). В августе 2000 г. архиереский собор РПЦ принял решение причислить Макария к лику святых РПЦ (Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002. С. 41–48; ТЕВ. 1905. Неофиц. часть. № 4. С. 7–10; ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–12; ГАТО. Ф. 1170. Оп. 3. Д. 4882).

Епископ Владимир (1846–1917). В 1891–1893 гг. – начальник Алтайской миссии, настоятель Чулышманского монастыря. В миру Сеньковский Филарет Алексеевич. Родился в Таврической епархии. В 1867 г. окончил Херсонскую духовную семинарию и 26 сентября возведен в сан иерея. В 1875 г. назначен миссионером Алтайской миссии. 10 апреля 1882 г. назначен миссионером вновь учрежденной Киргизской миссии.

12 июля 1890 г. пострижен в монашество, а 21 ноября возведен в сан игумена и определен помощником начальника Алтайской и Киргизской миссий. В 1891 г. назначен начальником Алтайской и Киргизской миссий, а 22 мая возведен в сан архимандрита. 18 августа 1891 г. хиротонисан в епископа Бийского, викария Томской епархии. Хиротония состоялась в Санкт-Петербурге в Александро-Невской лавре.

С 3 июня 1893 г. – епископ Владикавказский и Моздокский. С 12 августа 1904 г. – епископ Кишиневский и Хотинский. С 16 сентября 1908 г. – архиепископ Донской и Новочеркасский. 6 мая 1912 г. награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

11 июля 1914 г. уволен на покой, согласно прошению, с правом управления Заиконоспасским Московским Ставропигиальным монастырем. Будучи миссионером Алтайской и Киргизской миссий, он с редкой энергией проводил сложную и трудную работу по просвещению иноверцев и приобщению их к Православной Церкви. Особенно много сделал для Владикавказской епархии, построил колонию для прокаженных, Осетинский приют, школы при Грузинской и греческой церквах. Его заслугой было открытие Ардонской духовной семинарии, благодаря которой в самых отдаленных осетинских аулах ардонские воспитанники либо в сане священников, либо народных учителей стали просвещать свой народ, отвлекая его от мусульманских и языческих верований. Скончался в 1917 г. на покое, будучи в звании настоятеля Заиконоспасского монастыря в Москве (Архиереи (персоналии) http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_459).

Епископ Мефодий (22.02.1856 – 15(28).03.1931). В 1893–1899 гг. – начальник Алтайской миссии, настоятель Чулышманского монастыря. В миру Герасимов Маврикий Львович. Родился в с. Елбанское Барнаульского уезда. Окончил Киевскую духовную академию в 1882 г. Принял монашеский постриг в 1886 г. Назначен начальником Алтайской миссии

16.06.1893 г., 2.06.1894 г. хиротонисан в епископа Бийского. Указом Синода от 8.01.1899 г. назначен епископом Забайкальским и Нерчинским. С 1912 г. – епископ Томский и Алтайский, с 1914 г. – Оренбургский и Тургайский, архиепископ с 1918 г. С 1919 г. – в эмиграции в Китае, с 1920 г. – архиепископ Харбинский и Маньчжурский, с 1929 г. – митрополит. Скончался в 1931 г. в Харбине (Томские архиереи: Биографический словарь. 1834–2002. Томск, 2002; Русские писатели эмиграции: биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / сост. Н. М. Зернов. Бостон, 1973).

Епископ Сергей (30.01.1864 – 11(24).01.1935). Начальник Алтайской духовной миссии в 1899–1901 гг., настоятель Чулышманского монастыря. В миру Петров Стефан Алексеевич. Родился 30 января 1864 г. в станице Аксайской Донской области. Поступил в Донскую духовную семинарию, которую окончил в 1886 году. Во время обучения в духовной школе в его душе произошел душевный разлад и он решил отказаться от служения Церкви. Поселился в г. Томске, где жил его родной дядя – епископ Томский. Из Томска он переехал в Москву, где поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, курс которого окончил в 1890 г. с дипломом I степени. В 1890 г. прослушал несколько лекций на миссионерских курсах при Казанской духовной академии, затем поступил сотрудником в Алтайскую миссию. В 1892 г. был пострижен в монашество, рукоположен в иеромонахи и назначен помощником начальника Киргизской миссии. 12 февраля 1899 г. хиротонисан в епископа Бийского, викария Томской епархии. Хиротония состоялась в Крестовой церкви архиерейского дома. Чин хиротонии совершали: епископ Томский и Барнаульский Макарий, епископ Забайкальский и Нерчинский Мефодий, епископ Приамурский и Благовещенский Иннокентий (в БЭС, т. II, стб. 2048 ошибочно указан год хиротонии 1898-й. См.: «Приб. к «Церковным ведомостям». 1899. № 13. С. 537). С 1899 г. по 1901 г. – начальник Алтайской миссии. С 20 января 1901 г. – епископ Омский и Семипалатинский. В 1903 г. был награжден значком «За содействие просвещению Сибири». С 6 сентября 1903 г. – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. С 25 января 1907 г. – епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии. С 22 декабря 1913 г. – епископ Сухумский, затем архиепископ Черноморский и Новороссийский. С 1917 по 1935 год сведений о нем не имеется. Скончался 11 января 1935 г. Пользовался любовью за свою доступность и мягкость (Архиереи (персоналии) http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_459).

Епископ Макарий (4.11.1867 – ?). Начальник Алтайской духовной миссии с 18(31).03.1901 г. по 17(30).01.1905 г., настоятель Чулышманского

монастыря. В миру Павлов Михаил Михайлович. Родился 4 ноября 1867 г. в семье священника Томской епархии. Первоначальное образование получил в Барнаульском духовном училище. В 1890 г. окончил Томскую духовную семинарию и в этом же году 16 сентября был рукоположен в священники. С 1891 г. – законоучитель Семипалатинской женской прогимназии. Овдовев, в 1894 г. поступил в Казанскую духовную академию, в 1897 г. был пострижен в монашество. В 1898 г. окончил академию со степенью кандидата богословия и был определен миссионером главного стана киргизской миссии в Заречной Слободке г. Семипалатинска. С 1899 г. – начальник киргизской миссии в сане архимандрита. 18 марта 1901 г. хиротонисан в г. Томске в епископа Бийского, викария Томской епархии. Чин хиротонии совершали: епископ Томский Макарий и епископ Омский и Семипалатинский Сергей. С 17 января 1905 г. – епископ Якутский и Вилюйский. 1 мая 1909 г. уволен на покой, согласно прошению, а 5 мая назначен управляющим, на правах настоятеля, Свяжским Успенско-Богородицким монастырем Казанской епархии. С 28 января 1917 г. – епископ Владикавказский и Моздокский. В начале обновленческого движения уклонился в обновленческий раскол (Архиереи (персоналии) http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_459; БЭС. Т. II. Стб. 2400–2401).

Епископ Иннокентий (1846–?). Начальник Алтайской миссии в 1905–1924 гг., настоятель Чулышманского монастыря. В миру Константин Павлович Соколов. 3.04.1905 г. хиротонисан в епископа Бийского и назначен начальником Алтайской миссии с поручением управления Чулышманским монастырем. С 1919 г. архиепископ, Алтайскую миссию возглавлял до 1924 г. (Празднование 40-летия миссионерского служения Преосвященного Иннокентия епископа Бийского. Томск, 1911. С. 3–9; РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 425).

Архимандрит Антоний (1830–?) – наместник Чулышманского монастыря (1899–1902). А. С. Петров – брат архиепископа Владимира (Петрова), который в разное время состоял епископом Бийским, епископом Томским, архиепископом Казанским. Из духовного звания, сын пономаря, окончил Орловскую духовную семинарию в 1857 г. по второму разряду. В 1859 г. поступил в Оптину пустынь, где в 1861 г. был пострижен в рясофор. В 1863 г. по собственному желанию был переведен в Забайкальскую миссию, в 1864 г. пострижен в мантию в Иркутском Вознесенском монастыре епископом Селенгинским Вениамином и назначен на должность миссионера. В 1867 г. был награжден набедренником за усердную службу и начальником миссии преосвященным Вениамином отправлен в Баргузинский стан. В 1869 г. под его руководством был построен новый стан с церковью, для которой им были безвозмездно

написаны иконы. За это деяние он получил благословение начальника миссии с объявлением личной благодарности. В 1872 г. указом Иркутской духовной консистории иеромонах Антоний был назначен в Селенгинское отделение миссии с поручением управления Чикойским Иоанно-Предтеченским монастырем. В 1874 г. переведен в Иркутскую миссию, в Балаганский стан; в 1876 г. награжден наперсным крестом от Синода; в 1877 г., согласно прошению, резолюцией преосвященного Петра епископа Томского и Семипалатинского принят в Алтайскую миссию. С 1879 г. кроме послушаний, возлагаемых начальником Алтайской миссии, он обучал инородцев иконописанию. Был награжден орденом Анны III степени. В 1881 г. был назначен миссионером в Мрасский стан и в течение 1882 г. крестил 78 человек, а всего за период службы до 1883 г. – 978 человек. В 1882 г. был причислен к братии Бийского архиерейского дома из-за подрыва здоровья. В 1883 г. после назначения Владимира епископом Томским он переехал в Томск. В 1885 г. за особо усердную службу был возведен указом Синода в сан игумена. В 1886 г. игумен Антоний вслед за братом, епископом Владимиром, по прошению был переведен в Ставропольский архиерейский дом, в 1892 г. по указу Синода возведен в сан архимандрита 3-классного монастыря. В 1892 г. он был введен в братию Казанского архиерейского дома, последовав за братом, назначенным архиепископом Казанским. В этом же году его назначили настоятелем Успенского Зилантова 3-классного монастыря в Казани. После смерти архиепископа Казанского Владимира 2 сентября 1897 г. архимандрит Антоний указом Полтавской духовной консистории был утвержден наместником Лубенского Преображенского 2-классного монастыря. Но 22 декабря 1899 г. он по собственному желанию вернулся в Томскую епархию, где резолюцией епископа Макария (Невского) был определен в Чулышманский монастырь на должность наместника. Архимандрит Антоний, используя многолетний опыт, оживил жизнь в Чулышмане, после опытных удачных посевов зерновых завел хлебопашество и развил скотоводство в монастыре. Монастырь был перенесен на новое место и отстроен заново. В декабре 1902 г., по прошению из-за болезни, архимандрит был уволен от должности наместника монастыря и поступил в число братии Бийского архиерейского дома.

Архимандрит Антоний внес значительный вклад в развитие сибирского иконописания в XIX в. Он возглавлял иконописную мастерскую в Посольском монастыре Забайкальской миссии, с 1876 г. руководил иконописной мастерской при Улалинском центральном училище. Вместе с учениками расписал церковь в Усть-Анзасе, а также принимал участие в оформлении интерьеров церквей в с. Улалинском, с. Манжерок, с. Макарьевском, д. Сайды, с. Барабошево, с. Башкаусское, с. Майминское

(ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 2–7; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–10; ТЕВ. 1902. № 1. Неофиц. отдел. С. 11; ТЕВ. 1902. № 8. Неофиц. отдел. С. 9–11; Бычкова Т. А. К истории иконописания Томского уезда 17–19 вв. // Кузнецкая старина. Вып. 1. История и памятники Южной Сибири и Кузнецкого края. Новокузнецк, 1993. С. 121–129).

Архимандрит Иннокентий – наместник Чулышманского монастыря (12.08.1890 – 1899 – и. д. наместника; 1903–1911 – наместник). Год рождения прим. 1830. Старший брат митрополита Московского Макария Иван Андреевич Невский. Сын церковнослужителя, по увольнению из низшего отделения Тобольской духовной семинарии с 1851 г. исполнял должность пономаря, в 1877 г. был определен вольнонаемным причетником в Улалинскую Спасскую церковь. После смерти жены по прошению 15 декабря 1888 г. был принят на испытание в Чулышманский монастырь. Дети: Владимир обучался в Барнаульском духовном училище, Анна и Марфа были замужем за священниками, Ксения – за диаконом. 3 августа 1890 г. И. А. Невский был пострижен в монашество епископом Томским и Семипалатинским Исаакием, 5 августа 1890 г. рукоположен в иеродиакон, а 6 августа – в иеромонахи епископом Бийским Макарием. 12 августа этого же года он был назначен исполняющим должность наместника Чулышманского монастыря по определению начальника Алтайской миссии, епископа Бийского. Несколько раз отстранялся и вновь возводился в должность наместника. За долголетнее служение был удостоен сана архимандрита. Доживал последние дни в обители. В 1916 г. в возрасте 86 лет самостоятельно встречал во время осмотра Чулышманского детского приюта епископа Томского Анатолия (ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–13; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 23–24; Д. 24. Л. 59; ТЕВ. 1916. № 13. Неофиц. часть. С. 480).

Иеромонах Виктор – наместник Чулышманского монастыря (1911–1912). Год рождения 1881. В миру Василий Шемраев, из потомственных почетных граждан г. Ростова-на-Дону. Окончил курс Ростовского частного мужского училища. 28.04.1911 г. рукоположен епископом Бийским Иннокентием в иеромонахи, 29.04.1911 г. назначен наместником монастыря.

После назначения наместником иеромонаха Виктора, который подобрал новую братию из лиц, не ищущих удобств и не бежавших из других монастырей, поднял хозяйство, обитель стала возрождаться и в 1911 г. представляла собой «...стройно сформированное учреждение, с крепкой организацией своей внутренней и внешней жизни». Но с отъездом в начале 1912 г. наместника в Россию во главе монастыря был поставлен казначей, послушник Наклескин – «...человек невоздержанного характера», и Чулышман стал приходить в упадок. После его замены новый казначей Сизов не прилагал никаких усилий к исполнению обязанностей,

и в обитель назначили нового казначея из монахов (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 24. Л. 61–62; ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Отчет об Алтайской духовной миссии за 1911 г. // ТЕВ. 1912. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 647; Отчет об Алтайской духовной миссии за 1912 год // ТЕВ. 1913. № 12. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 589).

Архимандрит Филарет – наместник Чулышманского монастыря (1915–1916). В начале XX в. с развитием Алтайской миссии произошла переоценка роли Чулышманского монастыря как будущего центра «посвящения сопредельной языческой страны». Для оживления миссионерской деятельности монастыря была признана необходимость приглашения способного и просвещенного руководителя. С помощью митрополита Московского Макария (Невского) в 1915 г. из Москвы прибыл наместник Симоновского монастыря архимандрит Филарет. Служа на Кавказе, он восстановил заброшенные обители, найдя на это средства и людей. Новый наместник находился в расцвете лет, имел богатый жизненный опыт и связи. Перед ним были поставлены задачи не только оживления жизни монастыря, но и изменения ситуации в крае. Спустя небольшой промежуток времени после его назначения наместником жизнь в обители заметно оживилась. Один из руководителей братства св. Дмитрия. В 1916 г. архимандрит Филарет отбыл в Москву (ТЕВ. 1916. № 18. Неофиц. часть. С. 13; № 14. Офиц. часть. С. 480; ТЕВ. 1916. № 14. Неофиц. часть. С. 480).

ТОМСКИЙ ИОАННО-ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Монахиня Евпраксия (1800–1877) – основательница и первая настоятельница Иоанно-Предтеченского женского монастыря (1864–1877). В миру Екатерина Ивановна Михеева, купеческая вдова. Дочь сибирского унтер-офицера, получила домашнее образование. Овдовев 4 сентября 1855 г., она по прошению была уволена из гражданского ведомства и переведена в духовное 20 декабря 1864 г. Указом Синода от 9 сентября 1864 г. назначена начальницей вновь учрежденной общины в г. Томске. Пострижена в монашество в 1869 г.

Быстрое развитие общины, экономическое благополучие и открытие при ней благотворительно-просветительских заведений стало возможно благодаря энергичной деятельности и капиталу новой начальницы. При ней в 1876 г. община была переименована в Томский Иоанно-Предтеченский женский монастырь.

При открытии общины Е.И. Михеева пожертвовала значительный капитал. Также благодаря ее опыту и связям, несколько купцов (И. А. Еренев, Я. И. Петров и др.) сделали большие вложения в пользу

обители. На собственные средства начальницы были построены келейный каменный корпус и другие здания, каменная Иоанно-Предтеченская домовая церковь (в 1867 г.). Она подарила общине два земельных участка по 1 десятине 1348 1/2 сажени. По желанию настоятельницы, полагавшей, что для содержания монастыря будет достаточно средств, пожертвованных при его открытии «строителями монастыря», по указу Синода от 10 октября 1876 г. монастырь не имел права испрашивать книг для сбора добровольных пожертвований и пособия от казны. Практически с первых дней деятельности общины сироты находили в ней приют и обучались грамоте, рукоделиям и хозяйству, а по воскресеньям Закону Божьему. В 1877 г. при монастыре было открыто училище для девиц-сирот духовного звания, которое содержалось на процент с капитала, пожертвованного основательницей общины. Скончалась настоятельница Евпраксия в 1877 г. (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1460. Л. 45–46; Д. 1627. Л. 13–16; Д. 3429. Л. 43–45; Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 61–62; Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. С. 171).

Игуменья Серафима (1831–1899) – настоятельница Иоанно-Предтеченского женского монастыря в 1877–1899 гг. В миру «девица свободного состояния» Феоктиста Долгих. Родилась в г. Енисейске. Первоначально в 1851 г. поступила в Енисейский монастырь, где была пострижена в рясофор, затем в мантию. Исполняла должность ризничей и смотрительницы монастырских зданий. Указом Томской духовной консистории от 19 ноября 1877 г. была переведена в Томский Иоанно-Предтеченский монастырь и определена на должность настоятельницы. 13 сентября 1878 г. указом Синода утверждена в должности настоятельницы с возведением в сан игуменьи. 26 ноября 1878 г. была произведена в сан епископом Томским и Семипалатинским Петром.

Игуменья Серафима стала достойной продолжательницей основательницы монастыря, уделяя огромное внимание экономическому укреплению обители и развитию при ней просветительно-благотворительных структур. При ее активном участии в 1877 г. было открыто училище для девиц-сирот духовного звания, а в 1878 г. – свечной завод, составляющий долгое время основу материального благополучия обители. В 1892 г., после холерной эпидемии, при поддержке епископа, губернатора, градоначальника и горожан, при монастыре были открыты детский приют и Дом трудолюбия для сирот-девочек и «приходящих девиц и женщин», с целью оказания помощи попавшим в трудное положение людям. При приюте была открыта церковно-приходская школа. В 1898 г. при монастыре завели больницу для сестер обители и Дома трудолюбия. На Всероссийской выставке 1896 г. Дом трудолюбия экспонировал свои работы – шитьё золотом и шелком и получил заслуженную награду – почетный отзыв.

Игуменья Серафима добилась успехов и в привлечении для развития монастыря средств благодетелей, не раз жертвовала личные деньги. На ее сбережения и частные пожертвования в 1898 г. на монастырской заимке был построен деревянный храм. За время ее управления количество сестер в обители возросло с 48 до 243, капитал монастыря – с 38000 до 70000 рублей. Она скончалась в 1899 г., оставив в сердцах сестер и жителей города добрую память о себе (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3429. Л. 15–16, 43–45; ТЕВ. 1898. № 10. Неофиц. часть С. 21; Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. С. 171).

Игуменья Зинаида (1835 – 16.05.1916) – настоятельница Иоанно-Предтеченского женского монастыря (1899–1916). В миру дочь мещанина г. Туринска Тобольской губернии Татьяна Ивановна Котельникова. В 1849 г. подростком поступила в Туринский женский монастырь и 25 лет проходила в нем различные послушания. В 1864 г. была пострижена в рясофор. В 1874 г. была переведена в Иоанно-Предтеченский монастырь, где в 1887 г. преосвященным Исаакием епископом Томским пострижена в мантию, в 1895 г. награждена наперсным крестом от Синода. В 1899 г., после смерти игуменьи Серафимы, монахиню Зинаиду сестры единогласно избрали в настоятельницы. В этом же году указом Синода она была утверждена в должности настоятельницы с возведением в сан игуменьи. За время управления монастырем дважды получала благословение Синода с выдачей грамот, была награждена игуменским наперсным крестом и крестами от Кабинета Его Величества. Мать Зинаида отличалась особенно энергичной деятельностью. Будучи казначеей она совершила выгодную сделку по приобретению у томского купца И. Ефимова имения в 2118 кв. саженей. Ее стараниями на нем был построен деревянный храм в честь иконы Божьей Матери, заведено молочное хозяйство, заработала воскобелильня. После холерной эпидемии 1902 г., в результате которой множество детей остались сиротами, был значительно расширен Дом трудолюбия и приют. Ежегодно в приюте призревало до 100 девочек, «малые дети и подростки всегда пользовались особливим вниманием матушки Зинаиды, немало она воспитала сирот-детей с младенческого возраста, выдавала замуж и всегда о них заботилась». Игуменья Зинаида была награждена, как председательница Совета детского приюта и Дома трудолюбия золоченым знаком за заслуги от Комитета попечительства о трудовой помощи.

Умерла мать Зинаида на монастырской заимке 16 мая 1916 г. Сестры несли ее тело до города на руках. На похоронной церемонии присутствовали губернатор, вице-губернатор, попечитель учебного округа, чиновники и купечество, представители учебных заведений города, духовенство и народ, епископы Анатолий и Гавриил. В некрологе,

опубликованном в «Томских епархиальных ведомостях» было написано: «Ушел из мира хороший, полезный человек, несмотря на годы умевший работать и тянуть к работе других, редкая женщина – любящая и добрая, отзывчивая...» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 4459. Л. 4–5; Д. 3429, Л. 17–18; Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 74; ТЕВ. 1912. № 16. Офиц. часть; ТЕВ. 1916. № 11. Неофиц. часть. С. 368–371, 377–380; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 57–59; Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. С. 171; Церковные ведомости. 1899. № 14. С. 85).

Игуменья Анастасия (1861–?) – настоятельница Иоанно-Предтеченского монастыря (1916–?). В миру дочь крестьянина Томской губернии Анисья Григорьевна Некрасова. Год рождения 1861. В монастырь поступила в возрасте 4 лет в 1865 г., пострижена в рясофор 7 мая 1889 г., в мантию – 5 июля 1912 г. Исполняла послушания старшей рукодельницы-золотошвеи, письмоводительницы. В 1898 г. монахиня Анастасия «...наделенная от природы светлым умом...» была утверждена казначеей монастыря. 24 июня 1916 г. единогласно выбрана сестрами и 10 августа утверждена Синодом настоятельницей монастыря с возведением в сан игуменьи. 29 августа 1916 г., в день усекновения главы Иоанна Предтечи – главного праздника обители – новоизбранная настоятельница была рукоположена епископом Анатолием в сан игуменьи (ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 598. Л. 59; ТЕВ. 1916. № 19. Неофиц. отдел. С. 676; Справочная книга Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 59).

УЛАЛИНСКИЙ НИКОЛАЕВСКИЙ МИССИОНЕРСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Схимонахиня Афанасия (1807–1875) – настоятельница Улалинской общины (март 1864 – март 1866, февраль 1868 – май 1870, август 1873 – октябрь 1874). В миру Анастасия Семеновна Логинова, дочь солдата Нижегородской губернии. Поступила в Улалинскую общину рясофорной послушницей из Ардатовского Покровского монастыря в 1863 г. По указу Томской духовной консистории от 20 марта 1864 г. была утверждена настоятельницей обители. С марта 1866 г. она жила на покое в числе сестер общины до февраля 1868 г., когда после смерти управляющей общины Анисьи Кониной указом консистории от 13 февраля 1868 г. ее вновь назначили управляющей общиной «до усмотрения ее способностей и благонадежности к управлению». В исполнении указа Томской духовной консистории и архипастырского разрешения епископа Платона сестра Анастасия была пострижена 9 декабря 1869 г. игуменом Акакием в Николаевской церкви общины в мантию с наречением Афанасией.

По резолюции епархиального преосвященного от 8 мая 1870 г., согласно ее желанию, по преклонным годам и болезни монахиня Афанасия была уволена от должности настоятельницы, после чего занималась чтением псалтыри и по силам – рукоделием. В силу обстоятельств, исполняла должность настоятельницы с августа 1873 г. по 14 октября 1874 г.

Первая настоятельница общины вела подвижническую жизнь, носила бедную одежду. С самого начала ввела строгий устав, постоянно занимала насельниц обители работой, подавая пример. К концу жизни она почти не могла стоять на простуженных во время непрерывных трудов ногах. Пока была молода, мать Афанасия носила вериги, даже на полевых работах. Но при паломничестве в Иерусалим заболела, и врачи заставили ее снять их. После увольнения от настоятельства ушла жить в пустынь за Майму и в одинокой келье провела остаток дней в строгом посте и молитве. После пострига в схиму редко выходила из кельи. Умерла схимонахиня Афанасия в 1875 г. (по др. данным в 1876 г.) и была погребена в монастыре возле храма св. Николая (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1185. Л. 1–3; Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 46–47; Приклонский Ал. Жизнь пустынницы Анастасии (Логачевой) впоследствии инокини Афанасии. М., 1902. С. 25–26; Макарова-Мирская А. И. Апостолы Алтая. Репринт. Харьков, 1914; М., 1997. С. 272–279).

Дарья Киселева – начальница Улалинской общины между 1866 и 1868 гг. Прибыла из Дивеевской обители (Солдчин И. В. Алтайская миссия // Домашняя беседа. 1868. Вып. 41. С. 986).

Анисья Коникина – управляющая Улалинской общины. Умерла в феврале 1868 г. (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 1185. Л. 1).

Монахиня Ольга (1828–1872) – настоятельница Улалинской общины (1870–1872). Из купеческого звания, получила домашнее образования. Первоначально поступила в Серпуховский Владычий монастырь, где 21 декабря 1867 г. была пострижена в монашество. 18 июня 1868 г. была переведена в Спасо-Влахернский монастырь Московской епархии, где состояла старшей над сестрами в живописной. Во второй половине 1869 г. была уволена из Московской епархии в Томскую для поступления в Улалинскую общину. Скончалась в 1872 г., оставив о себе в сердцах сестер добрую память (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 819. Л. 4; Оп. 3. Д. 1186. Л. 1–3).

Монахиня Алексия (1822–?) – настоятельница Улалинской общины (1874–?). В миру Анастасия Семенова. Грамотна. Мантией монахиней, по собственному прошению с разрешения митрополита Московского Иннокентия, монахиня Алексия прибыла в общину из Московского Зачатьевского монастыря на место покойной монахини Ольги. Резолюцией епископа Томского Платона и указом Томской духовной консистории от 14 октября 1874 г. была утверждена настоятельницей общины (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 819. Л. 5; Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–46).

Игуменья Анастасия (1823 – 15.07.1890) – настоятельница Улалинского Николаевского монастыря (1881–1890). В миру Акулина Балашева. Выпускница Московского воспитательного учреждения, обучалась русскому, французскому, немецкому языкам и рукоделию. По окончании курса получила свидетельство на звание домашней учительницы, занималась обучением детей. По прошению, 17 декабря 1863 г. поступила в Енисейский монастырь, где 17 февраля 1866 г. была пострижена в рясофор. За пожертвования в пользу монастыря получила в 1868 г. архипастырское благословение. Занималась обучением детей в монастырском училище. По указу Томской духовной консистории от 31 июля 1870 г., согласно ее прошению, поступила в Томский Иоанно-Предтеченский монастырь, в 1873 г. была определена казначеей монастыря; указом консистории от 23 февраля 1877 г. утверждена учительницей в монастырском училище; по резолюции епископа Петра 13 марта 1877 г. пострижена в мантию. Указом консистории от 13 сентября 1877 г. она была допущена к временному исполнению должности настоятельницы. Но уже 19 сентября уволена по болезни. По резолюции епархиального преосвященного от 25 сентября 1878 г. ее перевели из Томского монастыря в Улалинскую общину и указом Синода от 8 февраля 1881 г. утвердили настоятельницей Улалинского Николаевского монастыря. Умерла игуменья 15 июля 1890 г. (ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–101; Отчет о миссиях Томской епархии – Алтайской и Киргизской за 1890 год // ТЕВ. 1891. № 5. Неофиц. отдел. С. 3).

Игуменья Серафима (1845–?) – настоятельница Улалинского Николаевского монастыря (1890–?). Год рождения 1845. В миру Софья Васильевна Попова, из мещан Пензенской губернии. Получила домашнее образование. В 1870 г. она поступила в общину, с 1875 г. заведовала Улалинской миссионерской больницей; с 1879 г. – Улалинским детским приютом Алтайской духовной миссии; 17 октября 1890 г. была пострижена в монашество; 1 ноября, по избранию сестер, епископом Макарием определена исполняющей обязанности настоятельницы. Указом Синода 9 мая 1893 г. была утверждена в должности с возведением в сан игуменьи. В 1896 г. награждена наперсным крестом от Синода, в 1898 г. – серебряной медалью на ленте ордена Св. Александра Невского в память об императоре Александре III.

Новая энергичная настоятельница, освободив от захвата монастырские земли и установив контроль за лесными участками, взялась за благоустройство монастыря. При ней монастырь был перенесен на новое возвышенное место, воздвигнут новый громадный каменный храм, значительно вырос капитал. Эта деятельность «бесспорно, ставит ее наряду с видными строителями мужских и женских монастырей» (ГАТО. Ф. 184.

Оп. 1. Д. 8. Л. 47–48; Д. 20. Л. 35; Д. 25. Л. 27–28; Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 2–3; Д. 4459. Л. 5–6; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. Томск, 1911. С. 100; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 61–63; ТЕВ. 1891. № 5. Неофиц. часть. С. 3).

Игуменья Магдолина (1839–?) – начальница Чулышманского миссионерского детского приюта для девочек. В миру Мария Михайловна Чевалкова, дочь алтайского миссионера, протоиерея Михаила Васильевича Чевалкова. Она была единственной из первых сестер Улалинского Николаевского монастыря, дожившей до второго десятилетия XX века и единственной монахиней инородческого происхождения в Томской епархии, удостоенной игуменского сана за заслуги. На ее глазах происходило создание Улалинской женской общины. С момента основания обители в 1863 г. она по определению Алтайской духовной миссии долгое время исправляла клиросное послушание, обучала готовящихся к крещению язычников и малолетних девочек письму, чтению и пению. В 1882 г. была пострижена в мантию, а в 1885 г., по избранию сестер обители, определена казначеей монастыря. Как лицо, пользующееся доверием и уважением епархиального архиерея Макария (Невского), в 1904 г. с несколькими сестрами была послана в Чулышман для устройства детского приюта с назначением его начальницей. За особые заслуги в просветительско-благотворительной деятельности миссии в 1914 г. монахиня Магдолина была возведена митрополитом Московским в сан игуменьи. В 1915 г. в момент неразберихи в управлении Чулышманского монастыря ей во временное управление был передан катер «Шеф», осуществлявший перевозки через Телецкое озеро (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 47–48; Д. 20. Л. 35–36; Д. 25. Л. 34; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 56. Л. 44–45об.; А. И. Макарова-Мирская. На служении Алтаю: повесть о жизни и деятельности Высокопреосвященного Макария... Харьков, 1914. С. 279, 298).

Схимонахиня Евдокия – старица Улалинского Николаевского монастыря. В миру Евдокия Васильевна Варламова, дочь мещанина. Под влиянием архимандрита Макария (Глухарева) после увольнения от мещанского общества г. Болхова Орловской губернии, согласно ее желанию, в 1847 г. поступила на службу в Алтайскую миссию. Первоначально, согласно ее прошению, она была определена в число послушниц Енисейского Христорожественского монастыря по указу Томской духовной консистории 31 декабря 1855 г. Пострижена в рясофор 6 декабря 1860 г., а 20 мая 1870 г. с благословения начальника миссии архим. Владимира – в мантию под именем Елена. Она являлась примером для молодых сестер Чевалковых. Во время бесконечных трудов на благо миссии беспрестанно думала о подвигах иноческих. После 36-летней службы в миссии,

в процессе которой монахиня Елена занималась обучением инородческих детей грамоте, молитвам и пению, пекла просфоры, помогала при крещении инородок при Улалинском стане, делала денежные пожертвования в пользу общины, она была перемещена из Улалинского стана на покой в Николаевский монастырь, где и мирно скончалась (ГАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. Л. 99–101; Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–19; ТЕВ. 1884. № 6. Неофиц. отдел. С. 24; ТЕВ. 1890. № 5. Неофиц. отдел. С. 14; ТЕВ. 1904. № 14. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 4; Макарова-Мирская. Апостолы Алтая. Репринт. Харьков, 1914; М., 1997. С. 12–16).

БИЙСКИЙ ТИХВИНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Монахиня Евпраксия (1837 – 2.06.1906) – настоятельница Бийского Тихвинского монастыря (1894–1902). В миру Елена Федоровна Германова, мещанка Самарской губернии. Получила домашнее образование. С 1857 г. по 1871 г. состояла сестрой Бузулукского Тихвинского монастыря, в 1871 г. по распоряжению епископа Самарского Герасима определена в Улалинскую Николаевскую общину Алтайской миссии для обучения сестер рукоделию. 21 января 1890 г. была пострижена в монашество. После открытия близ г. Бийска Тихвинской женской общины в 1894 г. определена, по избранию сестер, настоятельницей новой общины и утверждена в этом звании епископом Томским Макарием 8 ноября 1894 г. При ней по указу Синода от 26 июня 1900 г. община была переименована в женский общежительный монастырь. «Первоначальница, настоятельница и основательница общины» по прошению и болезни была уволена за штат 9 октября 1902 г. Четыре года она страдала от паралича и не могла обходиться без помощи сестер. Монахиня Евпраксия «мирно и по христиански скончалась в 1906 году 2 июня в 8 вечера в пятницу после всенощной, погребена с левой стороны алтаря Тихвинской церкви» (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 4–9, 37; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 55, 60–61; ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2; Церковные ведомости. 1902. № 44. С. 339).

Игуменья Ироида (1855–?) – настоятельница Бийского Тихвинского монастыря (1903–1920). В миру Раиса Александровна Калугина, вдова священника. Образование получила до 4 класса в Томской Мариинской женской гимназии. Первоначально поступила 12 января 1896 г. в Барнаульскую женскую общину, 10 февраля 1896 г. по указу Томской духовной консистории была пострижена в рясофор, 19 августа 1900 г. – в мантию, 27 апреля 1902 г. утверждена в должности благочинной Барнаульского Богородице-Казанского женского монастыря. 13 марта она была назначена настоятельницей Бийского Тихвинского монастыря, 26 июня 1903 г. возведена в сан игуменьи епископом Бийским. 9 мая 1909 г. награждена

наперсным крестом от Синода, 27 мая 1913 г. за образцовый порядок в монастыре ей была выражена архипастырская благодарность. В годы революций и гражданской войны многие женщины и дети находили убежище за монастырскими стенами. Игуменья Ироида руководила монастырем до его закрытия в 1920 г., но и после этого монашеская община существовала до конца 20-х гг. (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 59–60; Оп. 4. Д. 598. Л. 43, 58; ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 45–46, 86; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 гг. Томск, 1911. С. 101–102; Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 63–64; Церковные ведомости. 1903. № 20. С. 200).

Схимонахиня Анна (?–1915) – насельница монастыря в 1903–1915 гг. В миру А. А. Торопова, вдова священника, родная сестра митрополита Московского Макария (Невского). Поступила в монастырь в 1903 г., пострижена в рясофор в 1904 г., в мантию – в 1906 г. с именем Марфа, в схиму пострижена в 1910 г. епископом Бийским Иннокентием. Скончалась в 1915 г. на 83-м году жизни, похоронена вблизи Тихвинской церкви (ЦХАФ АК. Ф. 188. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–10; ТЕВ. 1910. № 13. Офиц. часть. С. 355; ТЕВ. 1913. № 13. Неофиц. часть, общецерковный отдел. С. 655).

БАРНАУЛЬСКИЙ БОГОРОДИЦЕ-КАЗАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Игуменья Парфения (1841–?) – настоятельница Барнаульского монастыря (1894–1916?). В миру Параскева Сергеевна Мещеринова, из крестьян. В 1853 г. в возрасте 12 лет поступила в Краснослободский Троицкий женский монастырь Пензенской губернии, где получила образование. С 1857 г. обучала церковному пению и рукоделию младших сестер. 24 октября 1884 г. была пострижена в монашество и после этого назначена благочинной монастыря. В 1893 г. по просьбе учредительницы Богородице-Казанской женской общины вдовы коллежского асессора Евдокии Ивановны Судовской. с разрешения епархиального начальства она была переведена в Барнаульскую общину и, по избранию сестер, утверждена в 1895 г. указом Томской духовной консистории в должности управляющей общиной. Вместе с ней из Краснослободского монастыря прибыли еще 4 сестры. 16 января 1897 г. переименована по указу Томской духовной консистории настоятельницей общины. После преобразования общины в 1900 г. в общежительный женский монастырь, она указом Синода была возведена 15 августа 1900 г. в сан игуменьи. Была награждена библией и наперсным крестом от Синода, знаком Красного Креста, серебряной медалью на двойной Владимирско-Александровской ленте в память 25-летия церковной школы, серебряным знаком Ольгинского общества (ГАТО. Ф. 170. Оп. 3. Д. 3825. Л. 9; ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3; Д. 11.

Л. 2–3; Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 г. Томск, 1911. С. 97–99; Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону / сост. А. А. Павловский. Н. Новгород, 1907. С. 696; Церковные ведомости. Прибавления. 1900. № 28. С. 264–265).

Игуменья Мариамна (1872–1938) – настоятельница Барнаульского монастыря (?–1921 г.). В миру – Матрона Фролова, из казенных крестьян с. Урей Пензенской губернии. В возрасте 12 лет, 21 мая 1884 г. поступила в Краснослободский Троицкий женский монастырь Пензенской губернии, где получила образование. Умела читать, писать. В феврале 1888 г. была облачена в черное иноческое одеяние (облачена в рясофор). В 1893 г. переведена в Барнаульскую Богородице-Казанскую общину. В «Именной ведомости за 1899 год» отмечено «ко всякому делу весьма способна». 20 сентября 1899 г. указом Томской духовной консистории была определена исполняющей должность казначеи, в 1906 г. утверждена в должности. 8 марта 1902 г. получила архипастырское благословение за учение пению школьниц. Расстреляна в марте 1938 г. (ЦХАФ АК. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–37; Д. 3. Л. 2–3; Д. 7. Л. 3–5; Знаменский женский монастырь / Т. В. Скворцова, архивариус Барнаульской епархии. Барнаул, 2001).

Монахиня Анастасия – казначея Барнаульской женской общины. В миру Агриппина Мещеринова. По указу Синода от 10.12.1899 г. назначена настоятельницей Читынского женского монастыря с возведением в сан игуменьи (ТЕВ. 1900. № 2. Офиц. часть. С. 1).

ЧЕМАЛЬСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБЩИНА

Игуменья Людмила (1878–?) – настоятельница Чемальской миссионерской женской общины (1911–?) В миру – дочь мещанина г. Томска Лидия Тихоновна Михайлова. После окончания полного курса Томской женской гимназии она поступила в 1896 г. в Иоанно-Предтеченский монастырь. До 1901 г. состояла учительницей при монастырском училище для девиц духовного звания, с 1901 по 1908 г. в церковно-приходской школе при приюте Дома трудолюбия. 28 марта 1902 г. была покрыта рясофором. В 1908 г. откомандирована в Алтайскую миссию для выполнения учительского послушания при Чемальской миссионерской школе. Указом Томской духовной консистории от 21 августа 1909 г. была принята в число сестер Томского Иоанно-Предтеченского монастыря с оставлением послушания в Алтайской миссии; в 1910 г. назначена заведующей Чемальским приютом с оставлением в прежней должности – учительницы Чемальской миссионерской школы. Резолюцией архиепископа Томского Макария (Невского) 11 мая 1911 г. Л.Т. Михайлова была назначена

начальницей вновь открытой Чемальской женской общины. Благодаря ее стараниям в короткие сроки был осуществлен проект архиепископа Макария открытия при общине второклассной женской учительской школы. Начальница общины являлась и заведующей учебными заведениями. В 1912 г. при общине была открыта двухклассная женская школа, летом 1913 г. преобразованная во второклассное училище с учительским классом и образцовой школой при нем. В июне 1914 г. начальница общины была пострижена митрополитом Московским Макарием (Невским) в мантию. А позже монахиня Людмила, совершившая подвиг «учительства и воспитания детей», была посвящена в сан игуменьи. Л. Коцевольская, посетившая в 1912 г. общину для написания очерка, так описывала ее: «Маленькая, хрупкая женщина с великой и любящей душой» в стареньком темном платье и поношенной обуви, трезво смотрящая на жизнь и мечтающая о развитии приюта. «Она – настоящая монахиня, не белоручка, простая, добрая женщина, охотно отдающая свои способности трудному делу».

За 1911–1916 гг. в общине были построены: храм, новые здания приюта и второклассной школы, дома для учителей и интерната. К 1916 г. община обустроилась настолько, что епархиальное начальство ходатайствовало перед Синодом о ее преобразовании в общежительный монастырь. И после революционных событий 1917 г. игуменья Людмила с оптимизмом смотрела в будущее, стремилась сохранить школу при общине. Ей удалось осуществить выпуск в 1918 г., начать строительство больницы в марте 1918 г., справиться со многими организационными и материальными проблемами. Дальнейшая судьба ее неизвестна (ТАТО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. Л. 93–96; Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 32; ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 158. Л. 48об., 97, 101–101об., 122–123об.; ТЕВ. 1912. № 5. Неофиц. часть, миссионер. отдел. С. 301–311; Справочная книга Томской епархии за 1914 год. Томск, 1914. С. 64).

МАТУРСКАЯ ЖЕНСКАЯ ОБЩИНА

Монахиня Агриппина – начальница Матурской общины. Была переведена из Томского Иоанно-Предтеченского монастыря. Уволена от должности, согласно прошению, 2.08.1916 г. На ее место назначена рясофорная Бийского Тихвинского монастыря Евдокия Лопаткина (ТЕВ. 1916. № 16. Офиц. часть. С. 466).

ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА
для сестер Чемальской женской общины

Прежде и паче всего да хранят сестры Чемальской общины завет Господа нашего Иисуса Христа, рекшаго: сия заповедаю Вам, да любите друг друга. Поэтому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Иоанн. 14, 35; 15, 17).

Чтобы исполнить этот завет Господа, сестры должны помнить слова Апостола: друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов. Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас. Но будьте друг к другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас.

Для благоустроения своего внешнего поведения сестры да руководствуются следующими правилами:

1) Сестры Чемальской Общины, по надлежащем приготовлении, причащаются Святых Христовых Тайн во все посты; а в Великий и Рождественский – по два раза; а сверх сего и в постное время, по желанию.

2) У сестер Чемальской Общины да будет все общее; пусть будет у каждой не более трех одежд: одна праздничная и две смены для работы.

3) Сестры Общины не должны стыдиться ходить в обутках, и вообще носить самую простую одежду и обувь.

4) На кроватях не иметь мягких постелей, перин и т.п., но твердый тюфяк или войлок, при одной подушке.

5) Пусть во всех кельях не будет лишних портретов и картин, исключая портретов Государя и Государыни и других лиц Царствующего Дома, местных и других Преосвященных и других досточтимых духовных лиц. Могут быть также помещаемы и стенные картины с изречениями, относящимися к духовной жизни, а наипаче к иноческой; таковы изречения и календари, прилагаемые к журналу «Русский Инок».

6) Пусть сестры стараются исполнять правила вежливости, приложенные на листах к журналу «Русский Инок». Список с этих листов полезно иметь в каждой келье.

7) Прогулки по вечерам, даже в пределах своей ограды, воспрещаются.

8) Посланные за делом куда-либо не должны без благословения заходить в мирские дома, хотя бы их и приглашали туда.

9) Пусть сестры Чемальской Общины стараются изучить Алтайский язык и приучать детей говорить и читать на своем родном языке, чтобы они не забывали его.

10) Сестры Общины не должны угощать гостей в своих кельях, а только в общей столовой, вместе с другими. Тайноедение считается грехом.

11) Пусть за столом всегда бывает душеполезное чтение; не нарушать этого и ради мирских гостей.

12) В праздники пусть кушают чай вместе, как и в будни.

13) Без благословения никто не должен топить баню, ни стирать, ни стирать отдельно.

14) В Великий пост на 1, 4 и 7-й неделях пусть готовят кушанья без масла.

15) Сестры после утренних молитв все слушают чтение дневного начала из Евангелия и Апостола. А в кельях у себя читают или слушают чтение кафизмы или псалтыри.

16) Сестры имеют всегда при себе четки. Во время пути и дома да творят по ним молитву Иисусову, чтобы не допускать в сердце суетных помыслов. Если во время работы неудобно будет держать четки на руке; то держать их у себя, как удобнее.

17) Когда старшие сделают замечание младшим, то сии принимают таковое со смирением. Если ты чувствуешь виновность свою, то попроси прощения. А если не признаешь себя виновною, то скажи сперва: «прости» и потом со смирением объясни, почему тобою так сделано было, но отнюдь не входи в пререкания, чтобы оправдать себя.

18) С непокрытой головой и растрепанным видом не ходить, и детям этого не позволять. Детей нужно приучать к опрятности. Малые дети могут ходить с непокрытой головой, а старшие в платочках.

19) Особенно оказывать приветливость и ласку некрещеным, неопратно живущим кочевникам, чтобы они видели преимущество христианской любви.

20) Сестры не должны выражать брезгливость к этим простым людям, но оказывать им ласку; с любовью показывать им, что и как должно делать, отнюдь не называя их оскорбительными именами: татарин, калмык и т. под.

21) Пусть сохраняется завет, данный в день открытия Чемальской Общины: никогда, – ни в какие праздники – не угощать гостей вином.

22) Эти правила, чтобы не забывались, пусть прочитываются каждый месяц 1-го числа, во время трапезы.

(Данные правила были разрешены к руководству сестрам вновь открытой Чемальской общины архиепископом Томским Макарием (Невским) 8 сентября 1911 г. и опубликованы в «Томских епархиальных ведомостях». 1911. № 20. Офиц. часть. С. 427–429).

*Письмо Томского губернатора Н. Гондатти
архиепископу Томскому и Алтайскому Макарию (Невскому)
от 21 января 1910 г. № 671.*

**ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО,
МИЛОСТЛИВЫЙ АРХИПАСТЫРЬ.**

На письмо от 7 числа сего месяца за № 82 имею честь уведомить ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО, что мною одновременно с этим предложено крестьянскому начальнику 3 участка Бийского уезда принять все зависящие от него меры к устранению неприязненных отношений Алтайских инородцев к Чулышманскому монастырю и его братии и немедленно лично разъяснить инородцам на сходах всю незаконность указанных в письме действий их по отношению к монастырю и его имуществу, а так же предупредить, что если и засим они не изменят своих враждебных отношений к монастырю, то будут подвергнуты за это строгой ответственности. Об этом же предписано и Бийскому Уездному Исправнику, при чем, в виду сведений о том, что инородцами руководит кто-то, предложено исправнику разузнать, кто именно это лицо, и о последующем донести.

Испрашивая молитв Ваших и Вашего Архипастырского благословения, пользуясь этим случаем, чтобы уверить Ваше Высокопреосвященство в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

*Всегда готовый к Вашим услугам
Н. ГОНДАТТИ*

ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 138. Л. 1. Машинописный подлинник.

*Письмо архиепископа Томского и Барнаульского Макария (Невского)
епископу Бийскому Иннокентию (Соколову)
от 28 июля 1907 г. № 85.*

**ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВЛАДЫКО,
ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ О ХРИСТЕ БРАТ**

Из посылаемых переводом почтою 500 руб. благоволите употребить: 1 на годовое жалованье о. иеромонаху Иннокентию 380 р. И учительнице Чемальской приютской школы недавно поступившей туда 120 р., если она не будет пользоваться казенным жалованьем.

Если из Чулышманского монастыря выйдет священник о. Иоанн Лавров и таким образом монастырь останется без священнослужителя, то

не изволите ли предложить о. Иеромонаху Иннокентию перебраться из Чопоша в Чулышман, как я предлагал ему это. Чтобы сохранить среди обитателей монастыря мир, думаю, необходимо удалить оттуда строптивых иеродиаконов Моисея, Григория и Мирона, выдавши им билет для приискания себе места в других монастырях. Нужно выбросить старую закваску, чтобы она не испортила новое тесто — новых пришельцев в монастырь.

Благоволите сообщить мне о результатах поездки Вашей по станам Миссии, а в особенности о Чулышмане.

*С братскою о Христе любовью,
ВАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
покорнейший слуга
Архиепископ Макарий*

ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 56. Л. 29. Машинописный подлинник.

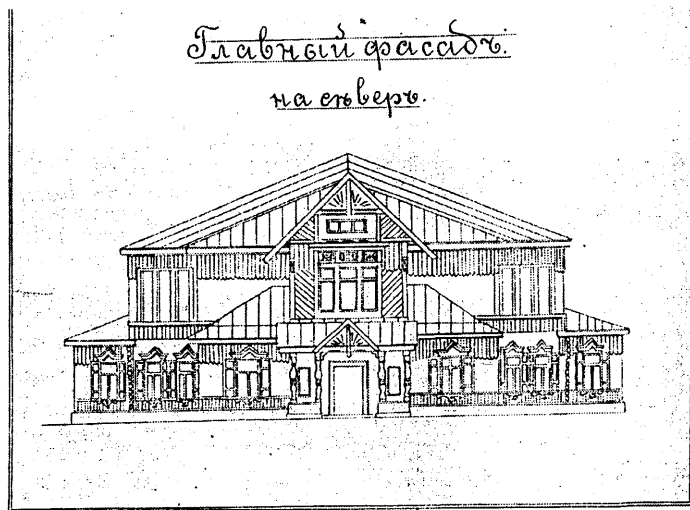
МАКАРИЙ (Невский), епископ Томский и Алтайский (1891–1912)

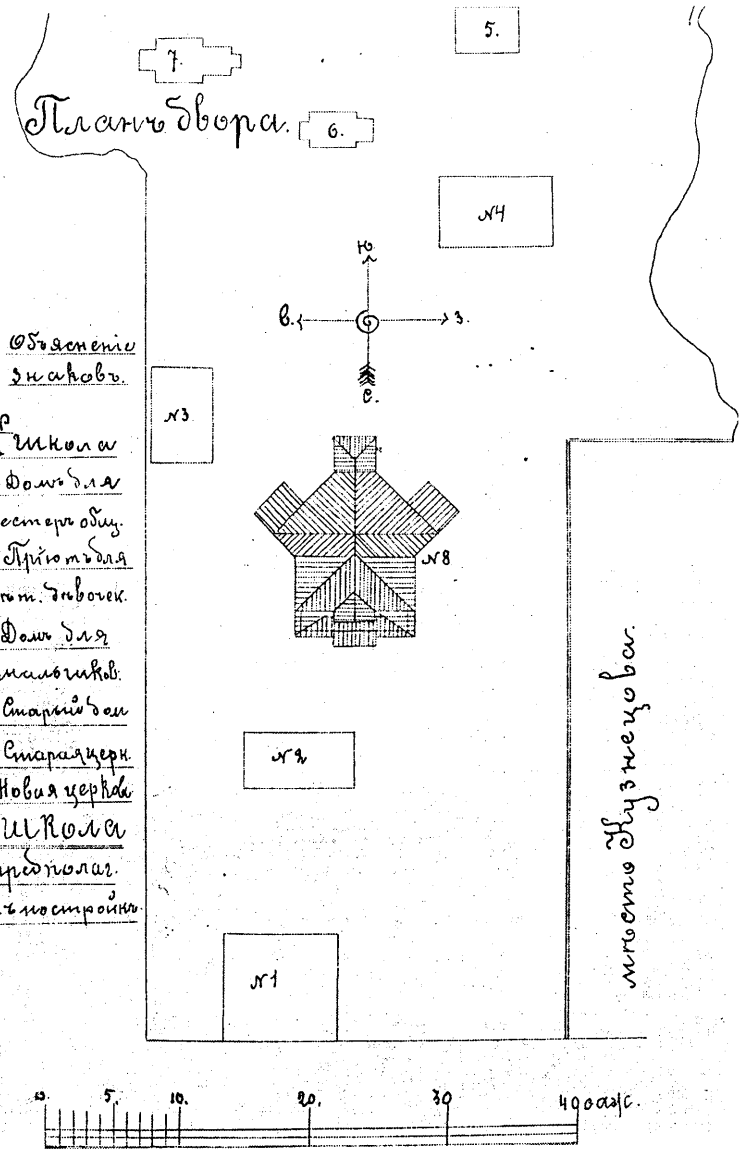
ВЛАДИМИР (Петров), епископ Томский и Семипалатинский (1883–1886)

Игуменьи: Барнаульского Богородице-Казанского монастыря Парфения (справа) и Бийского Тихвинского монастыря Ираида (слева), (фотография из фонда Барнаульской епархии // Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае. Барнаул, 1997, с. 238))

Главный фасад на север. Проект второклассной женской школы при Чемальской женской общине Бийского уезда Томской губернии, 1912 г. (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 149а)

Объясненіе
знаковъ.

- 1 Школа
- 2 Домъ для сестеръ общ.
- 3 Домъ для брат. служек.
- 4 Домъ для мальчиковъ.
- 5 Старый домъ
- 6 Старая церковь
- 7 Новая церковь
- 8 Школа предполож. къ постройкѣ

План двора Чемальской женской общины, 1912 г. (ЦХАФ АК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 149а)

Часовня старца Федора Кузьмича, 1904 г.
В замке Томского Богородице-Казанского монастыря (Храмы Томска. Томск, 1990)

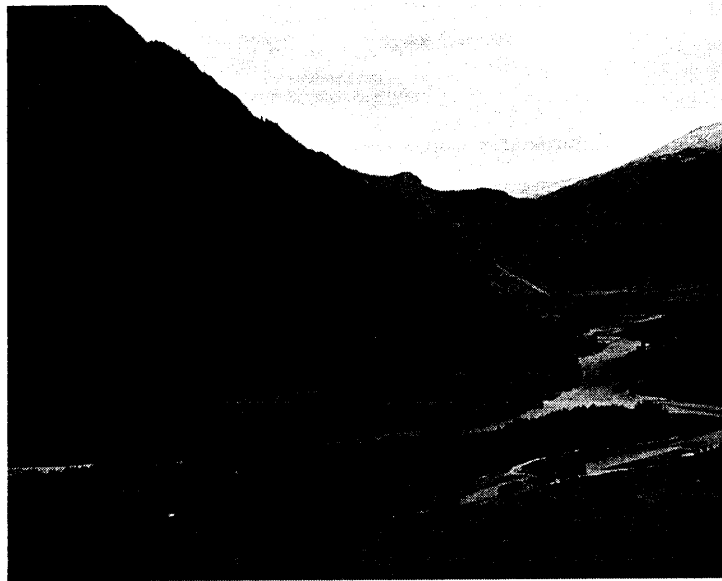
Иннокентьевская церковь 1865 г. Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря
(Храмы Томска. Томск, 1990)

Казанский собор Томского Богородице-Казанского монастыря, 1789 г.
(Храмы Томска. Томск, 1990)

Храм Иоанна Богослова, келья настоятельницы женского скита и подворье Знаменского женского монастыря на о. Патмос, с. Чемал, республика Алтай, 2002 г. (фотография автора)

Долина р. Чулышман. Горный Алтай, (фотография автора)

Содержание

Вступительное слово губернатора Кемеровской области А. Тулеева	3
Вступительное слово архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония	4
Введение	5
Глава 1. Общие тенденции и особенности развития монастырей, архиерейских домов и женских общин Томской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.	24
1.1. Возникновение и развитие монашеских обителей	24
1.2. Источники существования обителей	45
1.3. Управление и организационная структура монашеских обителей	56
1.4. Численность и состав монашествующих, послушников и послушниц	86
Глава 2. Просветительская и благотворительная деятельность, архиерейских домов, монастырей и женских общин епархии	114
2.1. Православные обители как центры просвещения и благотворительности	114
2.2. Совершенствование форм организации просветительских и благотворительных заведений	152
Заключение	174
Список источников и литературы	177
Приложения	193

Овчинников Владислав Алексеевич

**ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ
И ЖЕНСКИЕ ОБЩИНЫ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Редактор *С. А. Мазаева*
Технический редактор *В. И. Труханова*
Корректор *З. А. Кунашева*
Компьютерная верстка *Н. А. Кречетов*

Сдано в набор 25.03.2004. Подписано к печати 12.05.2004. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Заказ № 266.

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48.